

900
М 524
П. А. ЯКОВЛЕВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ НИЖНЯГО ЧИНА

86 пѣхотнаго ВЫБОРГСКАГО Его Императорскаго Королевскаго Величества Императора
Германскаго Короля Прусскаго ВІЛЬГЕЛЬМА II полка

О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Братьямъ-Маньчжурцамъ.

Пусть говорятъ, что вы не оправдали
Того, что съ вѣрою всѣ ждали отъ войны...
Но вы—все сдѣлали, что чувства подсказали,
И родины,—вы славные сыны...
Смотрите смѣло вы, безъ чувства озлобленья
Въ глаза отщепенцевъ, лукавыхъ наглецовъ,
И пусть у васъ въ душѣ не будетъ униженья
Передъ ничтожествомъ смѣющихся глупцовъ.
И если Вамъ когда нибудь взгрустнется,
То лѣтопись войны читайте вы тогда,—
Былое, славное у васъ въ груди проснется
И вы забудетесь отъ жизни безъ труда.

Львоторъ.

ЦИРКУЛЯРОМЪ ГЛАВНАГО ШТАБА 6 марта 1911 г. за № 54, объ-
явлено по войскамъ о выходѣ въ свѣтъ означенныхъ воспоминаній.

ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ и ПРОСМОТРѢННОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Summ cuique

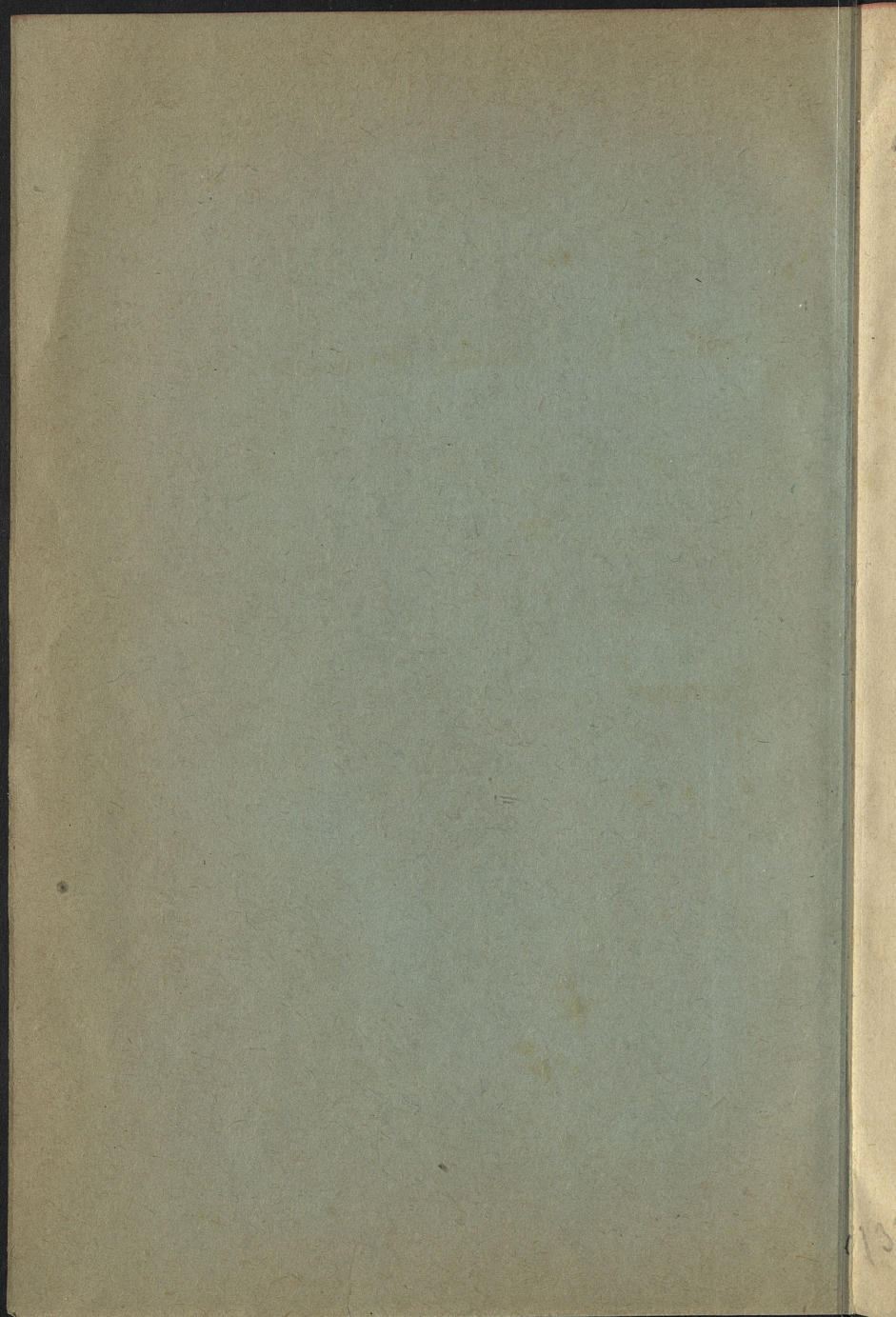
Всякому свое

ИЗ КНИГ А.М. МАКАРОВА.

115

Руса - муор. 1-на

909/524
М

П. А. ЯКОВЛЕВЪ.

по
16.4

ВОСПОМИНАНІЯ НИЖНЯГО ЧИНА

85 пѣхотнаго ВЫБОРГСКАГО Его Императорскаго Королевскаго Величества Императора
Германскаго Короля Прусскаго ВІЛЬГЕЛЬМА II полка

О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНѢ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Братьямъ-Маньчжурцамъ.

Пусть говорятъ, что вы не оправдали
Того, что съ вѣрою всё ждали отъ войны...
Но вы—все сдѣлали, что чувства подсказали,
И родины,—вы славные сыны...
Смотрите смѣло вы, безъ чувства озлобленья
Въ глаза отщепенцевъ, лукавыхъ, наглецовъ,
И пусть у васъ въ душѣ не будетъ униженья
Передъ ничтожествомъ смѣющихся глупцовъ.
И если Вамъ когда нибудь взгрустнется,
То лѣтопись войны читайте вы тогда,—
Былое, славное у васъ въ груди проснется
И вы забудетесь отъ жизни безъ труда.

Авторы.

ЦИРКУЛЯРОМЪ ГЛАВНАГО ШТАБА 6 марта 1911 г. за № 54, объ-
явлено по войскамъ о выходѣ въ свѣтъ означенныхъ воспоминаній.

ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ и ПРОСМОТРѢННОЕ ИЗДАНИЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1911.

1922

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

12962-65

2022537150

3
Его Превосходительству

Андрею Медардовичу
Заіончковскому,

въ память бытности Командиромъ 85 пѣхотнаго
Выборгскаго Его Императорскаго Королевскаго Вели-
чества Императора Германскаго Короля Прусскаго
Вильгельма II полка,

посвящаетъ

искренно признательный и благодарный

авторъ.

Тип. „Капиталь“, С.-Петербургъ, Мытнинская ул., 11.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не прошло и года, со дня появленія въ свѣтъ моихъ воспоминаній, какъ уже пришлось приступить къ напечатанію настоящаго второго исправленнаго изданія.

Первый мой трудъ, съ робостью представленный на судъ читателей, сверхъ всякихъ ожиданій, принесъ мнѣ полное нравственное удовлетвореніе. Могъ ли я, человѣкъ съ домашнимъ образованіемъ, рассчитывать на тѣ лестные отзывы военной печати, какими подарила меня отзывчивая, родная, военная среда!.. Могъ ли я, запасный нижній чинъ, рассчитывать на представленіе къ ВЫСОЧАЙШЕЙ наградѣ, на подарки и благодарность ВЫСОЧАЙШИХЪ особъ, на официальное Циркулярное оповѣщеніе Генеральнаго Штаба по войскамъ!.. Нѣтъ...

Но, все это произошло такъ неожиданно, такъ быстро, какъ сказка.

Скажу въ немногихъ словахъ о цѣли изданія моей книги.

Много писалось, много говорилось, много

бросалось въ глаза незаслуженнаго бѣдной Маньчжурской арміи, но, рѣдко кто старался безпристрастно разсудить и глубоко заглянуть въ душу этой многострадальной арміи.

Моя единственная мечта, въ настоящемъ трудѣ,—дать ясное, справедливое описаніе о пережитомъ мною лично и—что выпало на долю родного Выборгскаго полка, въ которомъ люди переносили труды и лишенія, съ искреннимъ сознаніемъ святого долга.

По прошествіи четырехъ лѣтъ моей гражданской службы, перечитывая въ часы досуга свои записи, я вспомнилъ, что въ 15 ротѣ моего полка имѣлся на стѣнѣ ротной канцеляріи небольшой ящичекъ, именуемый „ротная библіотека“.

Въ этой библіотекѣ, среди разнообразныхъ учебниковъ, уставовъ, памятокъ была книга, которую всѣ въ ротѣ съ удовольствіемъ читали. Неграмотные много разъ просили прочесть эту книгу вслухъ. Это былъ прекрасный содержательный разсказъ стараго фельдфебеля о собственной жизни, въ которомъ, доживая свой вѣкъ въ запасѣ, онъ съ удовольствіемъ повѣствуетъ о былыхъ впечатлѣніяхъ и послѣдствіяхъ Царской службы.

Изъ темнаго крестьянина онъ сдѣлался, съ выходомъ въ запасъ, виднымъ человѣ-

комъ. Глубоко сознавая всю нравственную пользу, которую принесла ему служба, старый служака, умѣло и вѣрно подчеркнулъ всѣ лучшія стороны этой жизненной школы. На столько занимателенъ и правдивъ былъ этотъ рассказъ, что почти каждого заставлялъ иначе понимать жизнь и иначе смотрѣть на окружающую обстановку.

Припоминая бывшее впечатлѣніе слушателей, я рѣшилъ создать и изъ своихъ записей, что либо въ этомъ родѣ. Съ первыхъ же дней запаса, у меня явилось желаніе рассказать о пережитомъ, но не въ мирное, а въ военное время. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы и моя книжка попала въ ротныя библіотеки и, что-бы многимъ тысячамъ моихъ младшихъ собратьевъ, она рассказала о томъ, что вынесла изъ войны моя простая солдатская душа... И цѣль моя достигнута... Я счастливъ, благодаренъ и,—пусть простятъ мнѣ мои читатели, если встрѣтятъ въ изложеніи какія либо логическія неточности, потому, передъ Вами трудъ не писателя, а простой правдивый пересказъ грамотнаго русскаго солдата.

П. Я. Яковлевъ.

С.-Петербургъ, 1911 г.

Группа нижнихъ чиновъ 85 п. Выборгскаго полка.

Ли-сан-тхинъ,
(Китаецъ-переводчикъ).

Дѣвочка-китайка.

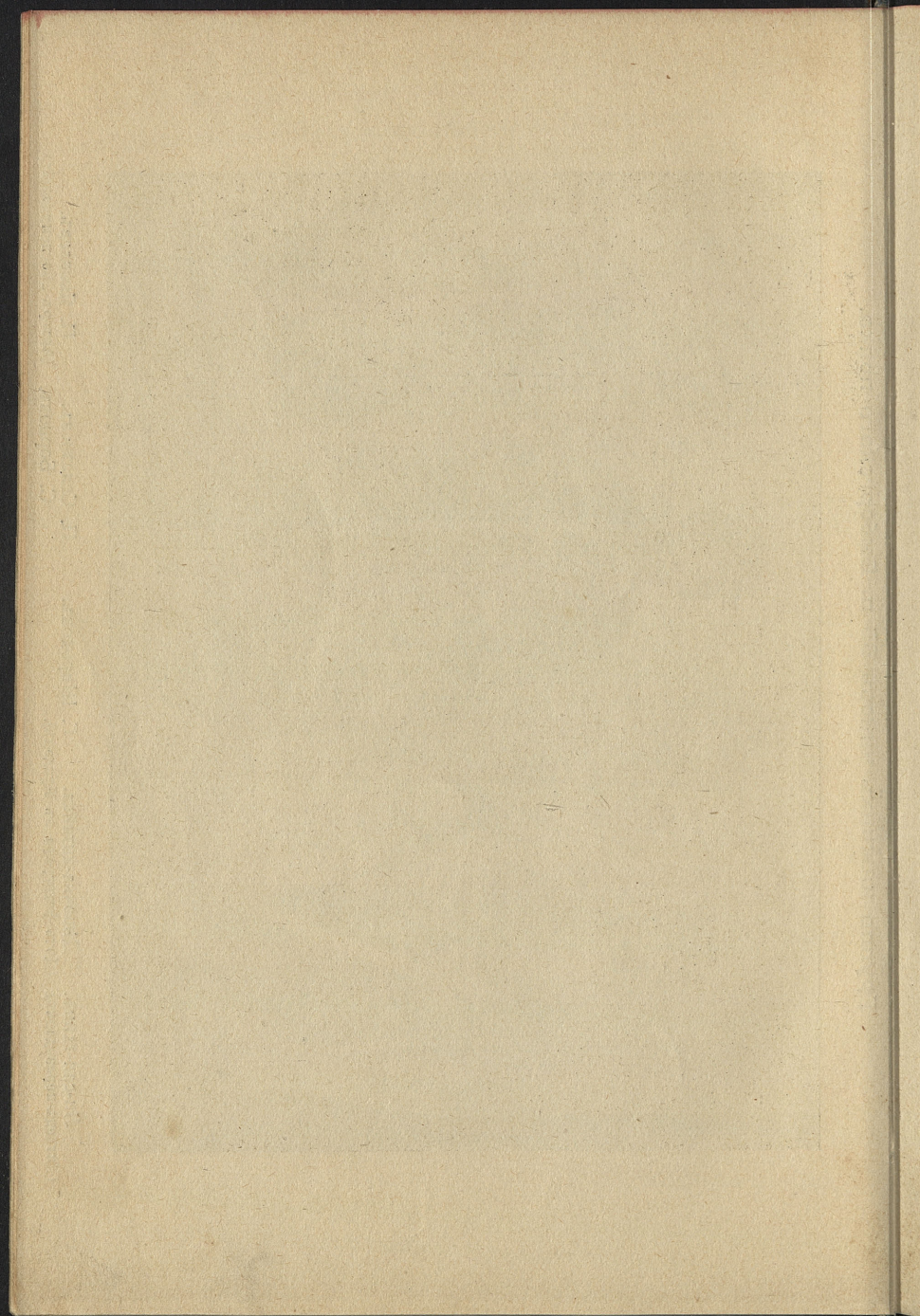
(Дочь фотографа въ Мукденѣ).

Г. Широховъ,

П. Селезневъ,
С. Борцовъ.

П. Яковлевъ.

(Авторъ „Воспоминаній“).

„Отъ Новгорода — до Ляояна“.

Наканунъ выступленія.

7 іюля 1904 года.

Завтра выступаемъ на Дальній Востокъ.

Всѣ уже спали, когда я возвратился въ команду. Стоявшая на столѣ лампа тускло освѣщала совершенно голыя стѣны помѣщенія, когда-то казавшагося уютнымъ, довольно чистымъ и просторнымъ. Полнѣйшій беспорядокъ чувствовался во всемъ.

Повсюду валялись какіе-то ящики, сундуки, доски и только лишь на самой серединѣ, около большого стола, была сложена болѣе прилично, вся наша амуниція, приготовленная къ предстоящему походу. Все же вмѣстѣ взятое, неподготовленному взгляду напомнило бы сарай, гдѣ сваливаютъ всякій ненужный хламъ, негодный къ употребленію, и гдѣ въ данный моментъ пріютились на одну ночь всѣ эти люди, спящіе крѣпкимъ, молодымъ сномъ.

И, дѣйствительно, всѣ здѣсь находящіеся, такъ же какъ и я, пріютились временно и на одну послѣднюю ночь, а завтра, съ восходомъ солнца, будемъ ждать команды къ выступленію въ далекій, невѣдомый намъ путь...

Мнѣ почему-то совершенно не хочется спать.

Поднявъ скамейку, валявшуюся около стола, я рѣшилъ при свѣтѣ маленькой лампочки записать нѣкоторыя впечатлѣнія послѣдняго дня. Этимъ начну задуманный мною дневникъ, который рѣшилъ писать, или до послѣдней минуты жизни въ Маньчжуріи, или же до перваго дня моего возвращенія на родину послѣ войны...

Почти мѣсяцъ шла мобилизація. Сколько было хлопотъ, сколько было работы намъ нестроевымъ нижнимъ чинамъ дѣйствительной службы. Но все же, какъ я думаю, было легче, чѣмъ старичкамъ запаснымъ, съ утра и до вечера наряду съ молодыми шагавшимъ по полковому плацу, оторваннымъ внезапно отъ семьи и работы. Сквозь гнетущія горькія думы о судьбѣ женъ и дѣтей, надо стараться попадать въ ногу, слушать команду и выкрикивать вразъ со всѣми различныя привѣтствія, казаться бодрыми, молодцоватыми, какъ этого требуетъ воинскій уставъ. Я часто, проходя по плацу, старался взглядываться незамѣтно въ ихъ суровыя, смуглыя лица и мнѣ становилось безконечно ихъ жалко. Но и они въ свою очередь смотрятъ на насъ, какъ мнѣ кажется, и съ недовѣріемъ и злобой, а нѣкоторые, если не ошибаюсь, какъ будто и съ презрѣніемъ. Не знаю, какъ-то мы будемъ смотрѣть другъ на друга на войнѣ...

Въ большинствѣ случаевъ запасные не допускаютъ мысли, что-бы они въ чемъ либо по службѣ, хуже дѣйствительныхъ, или мальчишекъ, какъ выражаются многіе изъ нихъ. Но они упускаютъ изъ виду, что человѣкъ, отвыкшій отъ дисциплины, забывшій службу, не можетъ сравниться съ бодрымъ, молодымъ солдатомъ, сроднившимся со службой и совершенно отвыкшимъ отъ прежней жизни, отъ семьи, отъ которой запасные пришли лишь только вчера. Прощаніе съ женой и дѣтьми у cadaго изъ нихъ еще свѣжо въ памяти, тяжелымъ камнемъ давить сердце и совершенно затмѣваетъ дѣйствительность. У большинства изъ нихъ даже жены и матери пріѣхали проводить ихъ и ко-

чують въ телѣгахъ, установившись цѣлымъ таборомъ на берегу рѣки, за манежемъ. Во время ученія весь этотъ таборъ стоитъ въ сторонѣ и со слезами поглядываетъ на маршировку своихъ отцовъ и мужей...

Завтра покидаемъ городъ и двигаемся пѣшкомъ до станціи Чудово, Николаевской ж. д., до которой 60 съ чѣмъ-то верстъ. Мы должны ихъ пройти въ три дня.

Въ открытое окно слышится бой часовъ въ городѣ; вѣроятно, очень поздно... Въ душѣ тревога. Мысли какъ-то не вяжутся... Странное желаніе дожидаться скорѣе утра, — а еще только, навѣрное, часть ночи.

Я только что вернулся съ подъѣзда канцеляріи, который выходитъ въ пустой переулокъ, начинающийся отъ обнесенныхъ заборомъ огородовъ и упирающийся въ стѣну женскаго монастыря. Хотя съ подъѣзда не видно ничего интереснаго и красиваго, но намъ нравилось, собравшись въ кружокъ, подышать тихимъ, вечернимъ, свѣжимъ воздухомъ. Сидя въ кружкѣ, мы мирно бесѣдовали въ такіе вечера, а иногда и пѣли хоромъ, такъ какъ многіе изъ писарей были большіе любители пѣнія. Въ этотъ послѣдній вечеръ насъ было только трое. Засидѣлись мы долѣе всѣхъ, какъ сверстники по службѣ, которая насъ такъ сдружила, что мы чувствуемъ одинъ къ другому искреннюю привязанность. Какъ сейчасъ помню всю нашу жизнь новобранцами въ одной ротѣ. Послѣ труднаго учебнаго дня мы передъ сномъ передавали другъ другу свои мысли, горести и предположенія о предстоящей службѣ; каждый изъ насъ рассказывалъ все свое прошлое, свой взглядъ на службу и это насъ окончательно сдружило. Относясь одинъ къ другому съ нѣжной заботливостью и любовью, мы даже никогда не называли себя по фамиліи, а просто, какъ одной семьи братья, употребляли нѣжные, ласкательныя имена.

Сегодня, возбужденные предстоящимъ завтраш-

нимъ днемъ, вспомнили мы наши первые шаги по службѣ, наши успѣхи въ ротѣ, а затѣмъ и послѣднюю службу въ канцеляріи. Дѣлали разныя предположенія о своей жизни на войнѣ, и дружки общались не оставлять одинъ другого въ трудную и опасную минуту.

Выступленіе изъ Новгорода.

8 іюля 1904 г.

Рано, очень рано начался для всѣхъ этотъ памятный день. Не только у насъ, за чертою опочившаго исполина нашей древней Руси—*„Господина Великаго Новгорода“*, въ каждомъ закоулкѣ казармъ чувствовалось необычайное оживленіе, но—и во всемъ древнемъ, святомъ городѣ.

Какъ будто эту краткую ночь ни мы, ни горожане не спали, а лишь пріумолкли на нѣсколько часовъ, для того, что бы въ тиши лѣтней ночи окончательно уяснить себѣ значеніе сегодняшняго торжественно-историческаго и незабвеннаго дня. Съ пяти часовъ утра жители города стали собираться въ районъ расположенія полка, чтобы посмотрѣть, проститься и пожелать всего добраго и хорошаго уходящимъ въ далекій путь...

Яркое утреннее солнышко свѣтило съ вышины, озаряя колѣнопреклонно молящійся полкъ, выстроенный на полковомъ плацу, въ полной боевой амуниціи. Около часа длился торжественный молебенъ, послѣ котораго при громкихъ крикахъ „ура“, подъ звуки полкового марша, полкъ двинулся въ походъ по Петербургскому тракту отъ города. Народъ, стоявшій тысячной толпой по обѣимъ сторонамъ дороги, посылалъ свои сердечныя пожеланія про-

ходившимъ въ угрюмомъ молчаніи ротамъ. Звуки оркестра, крики „ура“, громкіе возгласы, женскій плачь, причитанія и напутствія остающихся матерей, женъ и сестеръ наполняли воздухъ какимъ то давящимъ глухимъ гуломъ.

День былъ жаркій.

За проходившими колонами, перегоняя и толкая другъ друга, толпами слѣдовали провожатые, родные, близкіе, знакомые, и прочіе горожане, нарочно освободившіеся отъ труда.

Сердечно сочувствуя уходившимъ, всѣ старались какъ можно ярче выразить свои искреннія пожеланія братьямъ-воинамъ, отправляющимся далеко, далеко за окраину нашего великаго государства.

Роты проходили молча. Изрѣдка кое-кто, киваль на привѣтствія народа, но большинство, устремивъ свой взглядъ впередъ, слѣдовали какъ будто не замѣчая ничего окружающаго. Что то душило и клокотало въ груди, не то хотѣлось плакать, не то смѣяться; взглядъ блуждалъ, чего то, какъ будто, отыскивая, и хотѣлось смотрѣть на все, не отрываясь, долго и долго... Отвѣчая на привѣтствія знакомыхъ, встрѣчающихся въ толпѣ, я старался сдѣлать веселое, улыбающееся лицо, но нельзя сказать, чтобы это мнѣ удалось.

Но вотъ, толпа начала рѣдѣть, и мы, слѣдуя самыми послѣдними, стали приостанавливаться, пропуская одну за другой повозки полкового обоза, который двинулся вслѣдъ за полкомъ. Я старался какъ можно дольше побыть среди всѣхъ этихъ людей, казавшимися мнѣ въ первый разъ въ жизни такими ласковыми и хорошими. Какъ будто вся эта тысячная толпа была своя родная, близкая...

Вотъ и послѣднія, убогія, слободскія хибарки стали скрываться позади насъ, а народъ все еще продолжалъ стоять по обѣимъ сторонамъ дороги. Встрѣчались уже только отдѣльныя группы въ нѣсколько человѣкъ, заплаканныя и озабоченныя лица которыхъ, съ грустью были устремлены въ сторону ушедшихъ войскъ. Они все еще какъ бы старались

отличить въ далекомъ, сѣромъ и пыльномъ воздухѣ, того дорогого для нихъ человѣка, котораго сейчасъ только проводили и оплакали... Богъ знаетъ, быть можетъ, разстались съ нимъ навсегда, на вѣки...

Подъ впечатлѣніемъ всего происходящаго дѣлалось грустно и я, стараясь менѣе вглядываться въ заплаканные лица, прибавилъ шагу, чтобы догнать своихъ товарищей. Но не пройдя и съ полверсты, я вдругъ былъ остановленъ толпой гимназистокъ, которыя окружили меня и кричали различныя привѣтствія. Лица у нихъ были сіяющія, восторженные; какъ будто этотъ день былъ для нихъ какимъ то особеннымъ торжествомъ.

Одна изъ нихъ приколола къ скатанной и одѣтой черезъ плечо шинели живой цвѣтокъ, и, сдѣлавъ на минуту серьезное лицо, перекрестила и поцѣловала меня, а, затѣмъ, спросила какъ мое имя.

— „До свиданія, милый солдатикъ!.. Мы будемъ молиться за тебя... Скорѣй возвращайся, будь здоровъ!“ — кричали онѣ вслѣдъ. Я плохо понималъ, а затѣмъ уже не слышалъ ихъ ласковыхъ и привѣтливыхъ словъ, потому что, плакалъ, какъ ребенокъ. Вся эта ласка своей неожиданностью настолько тронула меня, что я уже не могъ удержаться и далъ полную волю слезамъ...

Дойдя до деревни Витки, въ 10-ти верстахъ отъ города, полкъ остановился на первый привалъ для отдыха и обѣда. Былъ жаркій полдень. Крестьяне, побросавъ полевые работы, сбѣжались всѣ отъ мала до велика, проводить родной полкъ, въ рядахъ котораго были ихъ родственники, знакомые и сосѣди по деревнямъ. Отдыхъ длился не болѣе часа, послѣ чего, сигнальные рожки возвѣстили сборъ и мгновенно привели въ полный порядокъ отдохнувшій полкъ. Снова заиграла музыка и снова двинулись впередъ, дабы къ вечеру пройти разстояніе, назначенное по маршруту на сегодняшній день.

Мы знали, что полкъ долженъ остановиться для ночлега въ селѣ Подберезьѣ. Приближаясь къ селу, мы увидѣли всѣхъ крестьянъ, вышедшихъ

на встрѣчу съ образами, хоругвями и хоромъ пѣвчихъ, изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ дѣтей. Впереди всѣхъ стоялъ священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, благославляя на чужбину, на которой Богъ знаетъ, что ждетъ всѣхъ насъ.

Когда то въ дѣтствѣ я очень любилъ читать про войну и про походы. Каждого солдата въ своемъ воображеніи я считалъ твердымъ, суровымъ, рожденнымъ только исключительно для подвиговъ. Но никогда не предполагалъ, что въ его душѣ могутъ быть нѣжныя, дѣтски-наивныя чувства, какъ это мнѣ пришлось пережить на себѣ и наблюдать на своихъ товарищахъ. Въмѣсто боевого рыцаря, я часто въ дѣйствительности вижу совершенно иное въ сѣрой солдатской шинели.

До солдатчины, живя на волѣ, каждый изъ насъ привыкъ къ самостоятельности, но, придя на военную службу, обязанъ самостоятельностью, и свое собственное „я“ прятать въ карманъ на извѣстное число лѣтъ, потому, что ни то, ни другое совершенно не нужно здѣсь. Становишься съ виду похожимъ на солдата, на того солдата, котораго я представлялъ себѣ ранѣе, но на самомъ же дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, дѣлаешься взрослымъ, наивнымъ школьникомъ. Впрочемъ, это мое сужденіе о солдатѣ можетъ быть не вѣрно, такъ какъ я знаю его въ мирное время, когда герои рѣдки и незамѣтны. Но теперь, идя на войну, я постараюсь поближе вглядываться въ людей, и разъ, говорится, что „война родитъ героев“, то и усмотрѣть это желаемое перерожденіе, а если придется, то испытать его и на самомъ себѣ!

Сегодня первый ночлегъ, послѣ перваго перехода въ 22 версты. Многіе чувствуютъ себя разбитыми, приписывая это непривычкѣ. Отдыхая, мы улеглись на постланной соломѣ, перебирая мысленно всѣ впечатлѣнія перваго дня. Одинъ изъ насъ стеръ ногу, скрывая боль и какъ бы забывая, что завтра тоже нужно пройти 23 версты, произносить:

— „Ничего, братцы, это съ непривычки!.. Вотъ, погодите, въ Маньчжуріи, мы до того привыкнемъ къ разнымъ переходамъ, что такой, какъ сегодня, и считать ни во что не будемъ. Я такъ даже и не усталъ ничуть!..“

Но, напрасно онъ старался заявить объ этомъ; по его осунувшемуся, усталому лицу и какъ бы припавшей къ соломѣ фигурѣ, можно было видѣть ясно дѣйствіе перваго дня. Этимъ заявленіемъ онъ привелъ всѣхъ въ веселое расположеніе духа. На его слова многіе отвѣтили смѣхомъ и шутками, что сразу передалось и оживило всѣхъ отдыхающихъ въ различныхъ позахъ, въ обширной комнатѣ земскаго училища, гдѣ намъ отвели помѣщенія на сегодняшнюю ночь.

Весь полкъ былъ размѣщенъ въ заранѣе распределенные дворы, наполнивъ избы, сараи и сѣновалы. На нашу долю пришлось земское училище, учитель котораго оказался добрымъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Низенькаго роста, въ потертомъ бѣломъ кителѣ, среднихъ лѣтъ, страшный говорунъ, онъ весь вечеръ бѣгалъ, суетился, стараясь какъ можно лучше, устроить насъ на сегодняшнюю ночь. Изъ разговоровъ было видно, что онъ знаетъ до мельчайшихъ подробностей событія войны изъ газетъ, почему и тараторилъ безъ умолку все время.

Снявъ съ себя амуницію, мы первымъ долгомъ позаботились о дававшемъ себя чувствовать желудкѣ, и чрезъ посредство словоохотливаго хозяина-учителя, достали бѣлаго хлѣба, яицъ и молока. Въ довершеніе же искренняго къ намъ расположенія добрый учитель, сверхъ всякихъ ожиданій, втащилъ, пыхтя и отдуваясь, большой кипящій самоваръ. Поужинали мы и съ удовольствіемъ благодарили его.

— „Помилуйте, за что? Это нашъ долгъ, прямая, святая обязанность, не за что!.. Вотъ теперь отдыхайте, не смѣю васъ утруждать болѣе разговорами... До свиданья, спокойной ночи!“

И послѣ многихъ ласковыхъ словъ, учитель

ушелъ. Довольные его радушнымъ пріемомъ и заботливостью, мы дали себѣ слово, писать ему съ войны въ знакъ благодарности о всемъ, что придется встрѣтить замѣчательнаго и интереснаго, и что для него, повидимому, будетъ болѣе чѣмъ пріятно.

Въ открытое окно заглядываетъ къ намъ ночь... Всѣ постепенно замолкли... Съ улицы доносится трещетка ночного сторожа...

Мой сосѣдъ уже два раза повертывался ко мнѣ и, на минутку открывая сонные глаза, кротко заявлялъ: „Туши, Пашка, свѣчку, полно дурака-то валять“... Но я, лежа на боку, при свѣтѣ стеариновой свѣчки, стараюсь записать эти строки въ свою тетрадь, которую, перегнувъ пополамъ, ношу за голенищемъ. Буду хранить эту тетрадку, чтобы въ будущемъ, если останусь живъ, она напомнила мнѣ своими кривыми строками, набросанными усталой рукой, о всемъ пережитомъ и пережитомъ въ войну на Дальнемъ Востока...

Съ 8 часовъ утра, бодрые и отдохнувшіе, мы снова выступили далѣе и, радуясь яркому дню, веселые и заинтересованные всѣмъ происходящимъ и окружающимъ насъ, не замѣтили, какъ прошли двадцать три версты, до села Спасская Полисть.

Быль тихій вечеръ. Ожидая указанія относительно помѣщенія, мы расположились отдохнуть на травѣ противъ сельской церкви. Мирно и ласково выгладитъ небольшой сельскій храмъ, окруженный зеленой растительностью. Такъ и влечетъ онъ къ себѣ, подъ свою прохладную сѣнь, усталую душу и взоръ. Является острое желаніе войти въ него, отдохнуть тамъ, или посидѣть такъ и полюбоваться смиреннымъ видомъ этого дома молитвы и утѣшенія. Но, голосъ команды, и мы—передвигаемся на противоположный конецъ села.

Помѣстили насъ въ избу къ крестьянину съ угрюмымъ и злымъ лицомъ, который молча и изъ подлобья все время поглядывалъ на насъ, съ видимымъ неудовольствіемъ. Мы думали, что насъ

вездѣ будутъ принимать болѣе или менѣе радушно и, послѣ вчерашняго сельскаго учителя, злые и недовольные взгляды крестьянина, очень рѣзко отозвались на нашемъ общемъ настроеніи. Ничего такъ не хотѣлось, какъ ласковаго слова. Но въ сердцѣ темнаго душой и мрачнаго по виду старика, не отыскивалось ласки. Онъ, повидимому, страшно негодовалъ, что наше присутствіе нарушало его обыденную жизнь, замкнутую, лишенную общественныхъ интересовъ, а быть можетъ и добрыхъ чувствъ.

Ни однимъ взглядомъ, ни словомъ не высказали мы другъ другу своего огорченія, но безусловно, всѣ пожалѣли, что въ центрѣ нашей родины, пользующейся испоконъ вѣка славой хлѣбосольства и радушія, есть такіе безчувственные люди, да еще гдѣ: въ нашей русской деревнѣ!..

Сейчасъ мнѣ мой другъ Селезневъ сказалъ, видя, что я примостился по вчерашнему записывать:

— „Сегодня, Павликъ, свѣчку зря не жги, потому, писать то нечего, только развѣ вотъ запиши православнаго хозяина нашего, потому, не знаю,— какъ по твоему, а по моему,—типъ довольно рѣдкій... Видишь, какъ смотреть?.. Какъ будто мы бурсурманы какіе, налетѣли неожиданно и обкрадемъ его теперь до нитки. Вотъ они — люди то православные, приходится знакомиться съ ними поближе!“

Много разнаго народу посмотримъ и поймемъ, что въ людяхъ нужно цѣнить, а то мы еще мало знаемъ людей, подумалъ я въ то время.

10 Іюля уже въ пути, обмѣниваясь впечатлѣніями минувшей ночи, стало ясно, что мы всѣ какъ бы обижены вчерашнимъ хозяиномъ.

Много говорили о немъ безъ зла, безъ сердца, но въ общемъ, удивлялись и, въ тоже время въ нѣкоторой степени, негодовали на то, что зачѣмъ существуютъ такіе люди, которые, не видя свѣта, — не желаютъ видѣть свѣтъ, даже въ такіе историческіе моменты, какимъ представляется данный когда всѣ должны жить единой мыслью, съ сознаниемъ святого долга служить общему дѣлу и,

начиная отъ пышныхъ хоромъ до бѣдной хижины крестьянина, жертвовать всѣмъ, чѣмъ возможно, на благо дорогой родины и ея защитниковъ. А вчерашній мужикъ ворчалъ: „Могли бы и въ полѣ ночевать, на то вы и солдаты“.

Горькая для каждого изъ насъ прискорбная фраза!.. Какъ она коротка, но какъ въ ней много обиды. Я сказалъ ему въ то время, что мы вѣдь еще на родинѣ, за которую идемъ проливать кровь и успѣемъ ночевать въ полѣ подъ открытымъ небомъ, онъ, угрюмо смотря въ сторону, отвѣтилъ тѣми же словами: „Такъ чтожъ, на то вы и солдаты...“ Много хотѣлось въ ту минуту уяснить и рассказать ему, но я счелъ, что самое лучшее промолчать и оставить его въ покоѣ, чтобъ не расстраивать себя.

Сегодня, дорогой пришли мнѣ на память тѣ громкія слова, которыя не угаснуть въ русской памяти и которыя будутъ мощно звучать со страницъ русской исторіи—это слова Минина на площади: „заложимъ женъ и дѣтей и т. д.“... Сильныя, полныя мощи, полныя всепоглощающей любви слова! Мнѣ всегда казалось, читая исторію, что въ такіе моменты, всѣ русскіе люди становились душой какъ одинъ человѣкъ. Теперь же присоединяется къ этому вопросъ: были ли тогда такіе же старики, какъ вчерашній?.. Я задаю себѣ этотъ непріятный вопросъ, не могу отвѣтить на него, и стараюсь просто думать и желать, что,—дай Богъ мнѣ не встрѣчать болѣе въ пути и будущихъ трудахъ на войнѣ, еще что нибудь подобное.

Навѣрное я болѣе другихъ впечатлителенъ. Быть можетъ, не стоило бы обращать вниманія на это и не тупить карандаша, описывая подобный случай, но вѣдь я задался цѣлью, записывать все, что придется мнѣ пережить и перечувствовать и дѣлаю это съ какой то особенной настойчивостью. „Богъ съ нимъ“,—сказалъ одинъ изъ моихъ друзей,—„по этому камню нельзя ничего ни судить, ни предполагать. Ты мало знаешь ихъ. Они, какъ говорится

не вѣдаютъ что творятъ; разумъ замкнуть въ угловатомъ черепѣ и мысль, едва ли простирается далѣе собственнаго армяка и сохи“...

Полкъ остановился для обѣда и отдыха въ деревнѣ, которая раскинулась въ 200 съ небольшимъ дворовъ по обѣимъ сторонамъ шоссеиной дороги, на которой только и были видны, вначалѣ,—ружья составленные въ козла, а въ концѣ—повозки обоза и походныя кухни. Неожиданно набѣжала туча, брызнулъ дождь, да такой сильный, что никто не успѣлъ опомниться, какъ былъ уже насквозь мокрый. Весело отобѣдали подъ проливнымъ дождемъ, который шелъ минутъ 20, какъ изъ ведра, и совершенно забыли про вчерашняго старика. Подъ заблестѣвшимъ снова яркимъ солнышкомъ, беззаботно посмѣивались и перекидывались уже шутками относительно дождя, который неожиданно оросилъ нашу трапезу.

— „Привыкай, братцы, заранѣе; то ли еще будетъ... Практикуйся отдыхать подъ русскимъ дождемъ, чтобы подъ Манчжурскимъ было пріятнѣе!“—кричалъ какой то бородачъ, таща полную манерку горячихъ и жирныхъ щей.

— „Вотъ, кашеваръ не полную налилъ, такъ Богъ подбавилъ“,—смѣясь, вторилъ ему другой, усаживаясь на мокрую траву и принимаясь ѣсть.

Мы, человѣкъ пять, зашли въ одинъ домъ и попросили поставить самоваръ, что, конечно, для насъ сдѣлали, заявивъ, что за это удовольствіе съ насъ будетъ взято не меньше, какъ по 6 коп. съ человѣка. Нужно справедливо замѣтить, что подобный спросъ, насъ нисколько не удивилъ, потому что это нами было испытано и на маневрахъ. Не вездѣ и всегда возможно было достать дешево что-либо изъ сѣстнаго. Вотъ и сегодня, тѣ-же добрые крестьяне, сочувствующіе нашимъ предстоящимъ трудамъ и выражающіе самыя искреннія и сердечныя пожеланія,—взимали безъ угрызенія совѣсти за сырое яичко 2—3 коп. и за ржаную коврижку 3—4 коп. и т. п.

Отдыхъ длившійся болѣе часа, уже приходилъ

къ концу и ротные командиры стали приводить въ порядокъ своихъ людей. Отъ нашей команды потребовали нѣсколько человѣкъ для отправленія впередъ на станцію Чудово квартирьерами, при одномъ изъ офицеровъ. Этотъ офицеръ, до прибытія полка, долженъ распредѣлить помѣщенія для ночлега, отмѣчая мѣломъ на воротахъ каждаго изъ домовъ вмѣстимость людей, по его опредѣленію. Взятые же съ нимъ нижніе чины должны ждать полкъ и указывать отведенное подъ каждую роту или взводъ помѣщеніе. Намъ была дана полная воля слѣдовать до станціи Чудово однимъ, а офицеръ сѣлъ на свою верховую лошадь и уѣхалъ впередъ.

Выйдя за деревню, я и мой другъ Широховъ, согласились на предложеніе одного крестьянина довести насъ до Чудова. На его телѣ сидѣли уже три нашихъ однополчанина, и мы, присоединившись къ нимъ, двинулись въ путь. Крестьянинъ ѣхалъ по собственнымъ дѣламъ, то и дѣло погонялъ свою маленькую лошададку, приговаривая:

— „Эй, матушка, вези родныхъ нашихъ солдатиковъ, послужи имъ; овса куплю тебѣ на цѣлый четвертакъ, какъ пріѣдемъ“!

Когда же мы по пріѣздѣ сложились по пятнадцати копѣекъ и вручили ему деньги, то онъ нехотя, но затѣмъ, съ благодарностью взялъ и, снявъ пыльный, порыжѣлый картузь, перекрестился на сіяющее солнцемъ небо, пожелалъ намъ здоровья и терпѣнія въ предстоящихъ трудахъ.

— „А за эти деньги—произнесъ онъ при прощаніи—мы съ воронимъ за ваше здоровье позволимъ себѣ кое что лишнее“.

Въ Чудовѣ было страшное оживленіе. Тамъ уже былъ одинъ полкъ нашей дивизіи. Въ толпѣ приходилось встрѣчать знакомыхъ, которые пріѣхали проводить своихъ родныхъ. Отъ города—постояннаго квартированія, по желѣзной дорогѣ, всего два съ половиной часа ѣзды, и провожающіе родственники, выѣхавъ на третій день послѣ нашего выступленія, успѣли уже насидѣться въ ожиданіи при-

хода полка. Съ грустными лицами они то и дѣло торопливо спрашивали насъ, далеко ли полкъ. Всѣ почти съ узелками, корзиночками и свертками. Поглядывая въ сторону, откуда долженъ показаться полкъ, сгораютъ желаніемъ поскорѣ встрѣтить послѣ трехдневнаго пути своихъ родныхъ воиновъ, чтобъ послѣ посадки полка въ вагоны, снова окончательно проститься, на неопредѣленное и неизвѣстное время.

Намъ отвели квартиру въ паркѣ Французскаго общества, въ деревянномъ лѣтнемъ зданіи, въ комнатѣ перваго этажа, выходящей окнами на всѣ четыре стороны. Тутъ иногда проводили свои свободные часы компаньоны Цементнаго общества, почему по срединѣ стоялъ небольшого размѣра билліардъ. Побросавъ всю свою амуницію, мы очень обрадовались, что до завтрашняго дня, насъ не двинутъ съ мѣста, а поэтому и разбѣжались всѣ кто куда.

Я вышелъ послѣднимъ изъ отведеннаго намъ зданія и на первой же аллеѣ, упирающейся въ заборъ, погрузился въ свои думы. Мнѣ такъ хотѣлось поговорить съ кѣмънибудь, много высказать, излить свои чувства кому либо, но всякій бѣжалъ мимо, заинтересованный какойнибудь собственной заботой... Издали сквозь листву тѣнистаго парка, еле слышно доносились отзвуки наплыва людей, свистки паровоза и какая то пѣсня, дающая знать о себѣ моему усталому слуху, только одной единственной высокой нотой, которая, какъ бы прорываясь сквозь зеленую листву дремавшихъ березъ, теряясь, замирала гдѣ то близко, тутъ же. Я почувствовалъ тяжелое одиночество. Мнѣ такъ захотѣлось живого, ласковаго, родного слова... Сердце больно сжималось и спорило съ разсудкомъ, какъ бы подчеркивая, мой удѣлъ одиночества и полной беспомощности.

— „Что ты, голубчикъ, приунылъ, тоскуешь?“ — услышалъ я надъ собой, ровный голосъ и, поднявъ какъ свинцомъ налитую голову, увидѣлъ передъ собой друга. Тоскуя душой, онъ былъ совершенно въ такомъ же настроеніи.

— Егорушка,—сказаль я,—сядь, ты одинъ и я одинъ... Тебя не будутъ оплакивать при прощаніи; тебя не будутъ просить беречь себя на войнѣ; ты весь тутъ,—такъ же, какъ и я. Мы преданы душой родинѣ и долгу; мы такъ же поступимъ, какъ наши дѣды и отцы, умремъ незамѣтно, но съ честью, во имя вотъ этихъ зеленыхъ деревь, подъ которыми будутъ жить наши русскіе собратья. Слезы, которыхъ я не могъ сдержать, полились на грудь моего друга.

— „Полно, Павликъ... Что ты нервничаешь?—услышалъ я его ровный и пріятный голосъ—„Собственно мы—ничего не покидаемъ; насъ никому не жаль въ данную минуту... Тамъ, далеко отъ насъ, наши родные уже не одинъ разъ, быть можетъ, со слезами пожелали намъ всего, чего только можетъ желать родственное сердце и мы должны радоваться, что ихъ здѣсь нѣтъ, а то было бы дѣйствительно тяжело разставаться. Намъ легче, дорогой мой, чѣмъ тѣмъ,—кто обнимая, цѣлуетъ своихъ малютокъ, прощаясь сейчасъ... Да вообще, въ этомъ духѣ если мы будемъ продолжать бесѣду, то дойдемъ до того состоянія, что насъ будетъ нужно обоихъ утѣшать, какъ малыхъ ребятъ. Ты, помнишь, мы давали слово,—быть крѣпкими, сильными духомъ; а вѣдь это главное въ нашемъ будущемъ трудѣ“...

Тихо шагая, говоря самая дружескія, ласковыя слова одинъ другому, мы долго ходили по платформѣ станціи, въ толпѣ народа, никого не видя и ничего не слыша. Наконецъ, почувствовавъ аппетитъ, зашли въ чайную, находящуюся противъ самого вокзала. Въ мутномъ воздухѣ, при тускломъ свѣтѣ керосиновыхъ лампъ, вся небольшая чайная, куда мы вошли, была биткомъ набита народомъ. Шумъ, крикъ, звонъ посуды, бѣганье половыхъ, вполголоса напѣваемая кѣмъ то пѣсня,—все это сливалось въ общій гулъ и казалось, что голова попала внезапно между двухъ гудящихъ телеграфныхъ столбовъ. Мы стали пить чай, не разговаривая, присматриваясь къ окружающему.

Почти за каждымъ столикомъ, съ мокрой и гряз-

ной скатертью, образовалась отдѣльная группа людей обоого пола, изъ одного или двухъ бородачей запасныхъ, окруженныхъ взрослыми и дѣтьми. Кругомъ виднѣлись задумчивыя, грустныя и наплаканныя лица женъ и матерей, и недоумѣнно блуждающіе, съ одного предмета на другой, взгляды ребятишекъ, чувствующихъ себя дико въ новой и чуждой для нихъ обстановкѣ. Печально, безпокойно поглядывали на провожатыхъ отъѣзжающіе запасные. То и дѣло слышались отдѣльныя фразы: „Никто, какъ Богъ“, „Его святая воля!“ Или: „такъ Богу угодно!“ „Знать такъ суждено“ и т. п. Въ общемъ было замѣтно, что многіе, совсѣмъ не знаютъ о чемъ говорить и угнетенно молчать.

— „Что-то на воздухъ хочется, пойдемъ, здѣсь воздуху мало!“—сказалъ мой другъ, отодвигая стаканъ и платя деньги человѣку съ усталымъ, блѣднымъ лицомъ, первый разъ въ своей жизни, пожалуй, уходившемуся такъ за цѣлый день, удовлетворяя небывалый наплывъ посѣтителей.

Слава Богу, что меня никто не провожаетъ, невольно подумалъ я. На слезы другихъ, со стороны, и то разрывается сердце, но слезы близкихъ, вѣроятно, подломили бы окончательно всю твердость моего впечатлительнаго характера.

Наши сослуживцы собирались ложиться спать, когда мы вернулись въ отведенное помѣщеніе, и, разостлавъ одну шинель, покрывшись другой, улеглись на полу около окна, подложивъ подъ головы вещевыя мѣшки. Размѣстившись по разнымъ угламъ комнаты, всѣ предались разсужденіямъ о будущемъ путешествіи въ вагонѣ. Но вскорѣ разговоръ все чаще и чаще сталъ прерываться. Черезъ большія окна, полный свѣтлый мѣсяцъ еле замѣтно обрисовывалъ наши темныя фигуры, разбросанныя по полу и я, незамѣтно для себя, уснулъ, кажется, первымъ.

Проводы въ Чудовѣ.

11 Іюля.

Сегодня, около пяти часовъ, весь штабъ полка двинули на вокзалъ, гдѣ уже началась посадка въ вагоны. Въ нашъ эшелонъ включили часть нестроевой роты, конныхъ ординарцевъ и взводъ четвертой роты при знамени и хоръ музыки.

Былъ жаркій солнечный день. Ожидая команды садиться въ вагоны, мы сидѣли на пескѣ противъ платформы, составивъ ружья и снявъ съ себя амуницію. Окруженные шумѣвшей, какъ волнующееся море, пестрой толпой народа, смотрѣвшей на насъ печальными лицами, какъ на отреченныхъ отъ міра сего, мы чувствовали себя въ какомъ то неопредѣленномъ состояніи. Многіе сидѣли грустно, опустивъ голову и, вѣроятно, мысленно, перебирали все то, что намъ пришлось пережить въ этотъ, да и вообще во всѣ предыдущіе дни. Другіе, наоборотъ, старались быть веселыми; шутили и смѣялись съ обступившимъ, какъ стѣной народомъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и я.

Снова слышались сердечныя напутствія, задушевные пожеланія и причитанія; однообразные вопросы и однообразные отвѣты. Намъ уже стали всѣ эти пожеланія, какъ бы и надоѣдать; они тяготили уже насъ. Являлось одно желаніе, скорѣе въ вагонъ, и—съ Богомъ въ путь...

Я прошель въ середину ожидающей команды и садясь на скатанную шинель, рядомъ съ своимъ товарищемъ Селезневымъ, спросилъ:

— Скажи мнѣ, Паша, что творится въ твоей душѣ? Какъ ты относишься ко всему, что вокругъ насъ происходитъ и что ты представляешь дальше тамъ, на войнѣ; страшить ли тебя смерть, да и вообще, готовъ ли ты принять, не дрогнувъ, смерть, съ спокойной душой, какъ велитъ намъ присяга, или въ одно и то же время, въ тебѣ является

страхъ предъ всѣмъ тѣмъ неизвѣстнымъ, что насъ ждетъ впереди...

Въ отвѣтъ на это, я услышалъ спокойную и твердую фразу:

— „Вотъ что... Положа руку на сердце, я тебѣ скажу, что чувствую себя такъ, какъ будто мы ѣдемъ не на войну, а на маневры... А во вторыхъ, о смерти я и не помышляю... Мнѣ какъ то все не вѣрится въ происходящее, я такъ спокойно смотрю на окружающую насъ толпу, какъ будто она пришла сюда посмотреть на насъ и только... Вотъ ты разстроены; тебя все тревожитъ, а меня нѣтъ. И это все отъ того, что ты нѣсколько дней тому назадъ прощался съ родственниками и тебѣ окружающее напоминаетъ ихъ, а мнѣ все равно и я — ѣду спокойно“.

Можетъ быть, онъ еще сказалъ бы что нибудь, но въ этотъ моментъ адъютантъ крикнулъ старшаго и, онъ соскочивъ, устремился на платформу.

Такимъ образомъ, провѣривъ состояніе души у одного изъ своихъ друзей, я искалъ и другого, но его почему то не оказалось. На мои вопросы у одного изъ сослуживцевъ, гдѣ Широховъ, тотъ указалъ на народъ, стоявшій на платформѣ и произнесъ, улыбаясь:— „Вонъ, тамъ, прощается“...

Какая то женщина, со слезами на глазахъ, долго всматриваясь и удерживая меня за рукавъ, спросила:

— „А что, родненькій, у тебя въ мѣшкѣ-то?“

Я выложилъ все изъ мѣшка и показалъ ей, чтобы удовлетворить желаніе, подробно знать, чѣмъ обезпеченъ каждый изъ насъ на предстоящій путь.

Но вотъ, раздался сигналъ... Построенныя частями, мы двинулись къ вагонамъ, гдѣ уже находились лица назначенныя старшими. Какъ только размѣстились, или вѣрнѣе сказать, только разложили свои вещи на занятое мѣсто, мы всѣ бросились къ открытой двери вагона, устремляясь прощальными взглядами на кричащую толпу, отъ которой насъ отдѣляла только деревянная перекла-

дина двери. Когда весь эшелонъ былъ уже въ вагонахъ, раздался второй звонокъ.

Народъ подъ палящимъ солнцемъ, съ обнаженной головой, стѣной обступившій край платформы, кричалъ „ура“, и весь поѣздъ отвѣчалъ тѣмъ же. Загремѣла музыка, раздался въ разныхъ концахъ эшелона пѣсни, крики, заглушающіе въ толпѣ плачь остающихся женъ, сестеръ и матерей. Сердце билось, готовое вырваться и, хотѣлось обнять послѣдній разъ, весь этотъ шумящій бушующій народъ. Отъ чрезмѣрнаго наплыва чувствъ, у многихъ изъ насъ блеснули слезы и являлось странное желаніе перекричать всѣхъ...

Да, что только мы перечувствовали въ этотъ бурный моментъ, это совершенно не поддается описанію, и только вотъ эти строки для меня лично и для моихъ сослуживцевъ могутъ воскресить въ памяти то, что пришлось пережить и перечувствовать въ день прощанія въ Чудовѣ.

Но вотъ и послѣдній ударъ звонка потерялся въ общемъ шумѣ... Толпа отступила отъ цѣпи вагоновъ, подъ напоромъ измученной желѣзнодорожной прислуги. Гулъ еще усилился... Полетѣли различные съѣдобные припасы въ открытыя двери вагона и поѣздъ, дрогнувъ, сталъ медленно отходить отъ станціи.

Оторванные внезапно отъ толпы, мы все смотрѣли на машущій и быстро отдаляющійся отъ насъ народъ до тѣхъ поръ, пока все это не скрылось изъ виду.

По линіи, зная, что долженъ идти воинскій поѣздъ, мелькало много гуляющихъ, которые кланяясь, также посылали намъ свои привѣтствія, заглушаемые грохотомъ поѣзда. День былъ праздничный и всѣ, отдыхая отъ труда, видимо съ удовольствіемъ встрѣчаютъ и провожаютъ поѣздъ. Мы стояли молча, не успѣвъ еще придти въ себя и разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, какъ поѣздъ, послѣ продолжительнаго свистка, сталъ замедлять ходъ и мы увидѣли, что подъѣзжаемъ къ станціи. На плат-

формъ было много гуляющихъ. Мы уже снова ждали момента побыть въ пестрой толпѣ, но поѣздъ, не останавливаясь, прошелъ медленнымъ ходомъ.

На краю платформы стоялъ мальчуганъ въ бѣломъ фартукѣ и въ каждую открытую дверь вагона нашего поѣзда бросалъ по пачкѣ папиросъ изъ имѣющагося въ рукахъ большого пакета. Вѣроятно, какой нибудь мѣстный лавочникъ, отъ своей доброй души, вздумалъ побаловать насъ на прощанье. Какъ вообще на военной службѣ, каждый ломоть хлѣба дѣлится пополамъ, такъ и брошенную пачку папиросъ моментально раздѣлили на всѣхъ курящихъ и не курящихъ и, конечно, тутъ же всѣ закурили сразу, наполняя вагонъ облаками табачнаго дыма.

За станціей слѣдовалъ мостъ черезъ рѣку Волховъ. Вглядываясь въ хмурые волны его, мы вспомнили о нашей прежней, мирнаго времени службѣ, которая, казалось была давно, давно уже, и мы, уѣзжая теперь на новую, боевую службу, почувствовали себя какъ бы на воздухѣ. Оставили старую, и далеко еще до новой, неизвѣстной.

Подѣзжая къ станціи Малая Вишера, грянула музыка и мы видѣли, какъ сбѣгался народъ на ея звуки, въ особенности дѣти. Во все время стоянки, которая длилась около 40 минутъ, пришлось пережить такую же атаку, какъ и въ Чудовѣ.

Мы вышли изъ вагоновъ и ходили въ толпѣ, которая съ участіемъ спрашивала насъ о всемъ, желая намъ многого. Точно то-же было и на ст. Тверь, только съ той разницей, что какой-то отставной полковникъ, послѣ разговора съ нами въ открытую дверь вагона, подалъ серебряный рубль одному изъ насъ, стоявшему у перекладины и произнесъ:

— Вотъ, братцы, возьмите это отъ меня вамъ на дорогу, по немногу всѣмъ—въ дорогѣ понадобится. А какой то рабочій, деревенскій мужичекъ, просовывая черезъ плечо полковника полбутылки водки, проговорилъ:

— „И это вамъ, миляги, вашъ начальникъ раз-

рѣшилъ; я спрашивалъ... Тоже на всѣхъ, ужъ по скольку придется“. Мы взяли то и другое и были благодарны какъ полковнику, такъ и мужичку-рабочему, радостно улыбавшемуся, махая въ воздухъ картузомъ.

Размѣстились мы въ вагонѣ, удобно, да и немудрено, товарный вагонъ предназначается для со-рока человѣкъ, а вѣдь насъ всего только тринадцать. Благодаря заботливости полкового адъютанта, намъ всегда отводилось лучшее помѣщеніе. Онъ заявилъ командиру полка и завѣдующему хозяйствомъ, что мы въ пути должны будемъ вести нѣкоторыя дѣла и необходимо насъ устроить удобно и просторно. Конечно, каждый командиръ отдѣльной роты или команды, всегда старается облегчить участь своихъ подчиненныхъ, но никому это такъ не удастся, какъ только полковому адъютанту, для котораго съ его командой, кажется, никакіе законы и правила не установлены.

Всѣ встрѣчныя станціи, съ ихъ однообразными впечатлѣніями, въ концѣ концовъ насъ утомили, и мы стали присматриваться къ своему новому помѣщенію и пристраиваться, къ проведенію первой ночи, въ движущейся и гудящей хижинѣ. Вечеръ уже вступилъ въ свои права и на противоположныхъ стѣнахъ вагона, въ прибитыхъ плотно фонаряхъ, прыгали огоньки стеариновыхъ свѣчей.

Двигаясь далѣе, почти на каждой станціи, получали разные съѣдобные припасы: булки, ватрушки, крендели и папирсы. Безъ послѣднихъ скучнѣе всего солдату, какъ это думаютъ многіе, и это мнѣніе я раздѣляю вполнѣ, какъ курящій человѣкъ.

Мы были удивительно весело настроены. Пѣли хоромъ любимыя пѣсни и весь день прошелъ въ какомъ-то дѣтски-радостномъ настроеніи. На слѣдующее утро стали съ нетерпѣніемъ ожидать Москвы, которую многіе изъ насъ не видѣли; предполагали кое что купить тамъ для дальнѣйшаго пути. Однако, къ нашему огорченію мы прибыли

въ Москву только въ 10 часовъ вечера и нашъ поѣздъ сразу же передали на Московско-Казанскую жел. дор., гдѣ мы и должны были стоять до утра. Какъ только поѣздъ остановился среди многочисленныхъ запасныхъ путей и разрѣшено было выходить, нашъ вагонъ въ моментъ опустѣлъ и, несмотря на совершенную ночь, въ вагонѣ остался только одинъ я. Написавъ нѣсколько открытокъ роднымъ и знакомымъ, я отправился опустить ихъ въ кружку. Долго блуждалъ я по путямъ, подлѣзая подъ цѣпи товарныхъ вагоновъ и не находилъ конца имъ. Наконецъ наткнулся на какого-то служащаго, который на станцію идти мнѣ не посовѣтовалъ потому, что во 1-хъ—далеко, а во 2-хъ—трудно будетъ найти свой эшелонъ. Самое же лучшее—подлѣзть еще подъ нѣсколько товарныхъ вагоновъ и выйти въ ворота, которыя выходятъ на Мясницкую. Я такъ и поступилъ. Выйдя на освѣщенную множествомъ фонарей улицу, на которой изрѣдка попадались запоздалые пѣшеходы, я предполагалъ увидѣть что либо выдающееся, чтобы занести въ свой дневникъ и этимъ запечатлѣть въ памяти пребываніе въ Москвѣ. Но кромѣ обыкновенной, мнѣ съ дѣтства знакомой—Петербургской улицы съ ея темными силуэтами многоэтажныхъ домовъ, я ничего не нашелъ. Въ окнахъ почти нигдѣ не видно огня. Было поздно, темно и скучно. Долго бродилъ я по безлюдной улицѣ и, наконецъ, обратился къ одному изъ проходившихъ, съ вопросомъ—гдѣ тутъ есть близко какая нибудь лавочка. Молча получилъ указаніе на другую сторону улицы, гдѣ дѣйствительно нашелъ маленькую лавченку, которая еще торговала, несмотря на то, что все кругомъ казалось уснувшимъ. Купилъ хлѣба, колбасы, папирсъ и поспѣшно отправился обратно. Возвратясь въ вагонъ, я нашелъ уже всѣхъ спящими. Я вынулъ огарокъ свѣчки изъ фонаря, приклеилъ его къ сундуку стоявшему по срединѣ вагона, гдѣ хранились канцелярскія принадлежности и книги, и который замѣнялъ намъ общій столъ, опрокинулъ пустое

ведро вмѣсто стула, я усьлся записывать вотъ эти строки въ свой дневничекъ.

При этой тишинѣ, нарушаемой слегка монотоннымъ храпомъ моихъ сослуживцевъ, я хочу помечтать со своей спутницей — тетрадкой и, въ воспоминаніяхъ, пережить весь сегодняшний день. Но, право, мысль какъ то плохо вяжется... Многое кажется настолькоъ обыкновеннымъ, что совершенно не хочется и писать.

Только изъ всего переживаемаго невольно вытекаетъ вопросъ: что-то будетъ тамъ?.. И какъ бы отвѣчая на него, лѣзутъ въ голову различные предположенія, разнообразныя, жуткія. Затѣмъ, придешь какъ то сразу въ себя, встряхнешься и упрекнешь въ душѣ за всю свою торопливость. Вспомнишь при этомъ слова своего друга Широхова, что самое лучшее, болѣе останавливать свой взглядъ на настоящемъ и не торопиться переживать въ различныхъ предположеніяхъ то, что еще не пришло. Пріятно слышать спокойныя и правдивыя слова, но не легко заставить себя поступать по нимъ. Мнѣ иногда думается, — а что, вдругъ, мы не доѣдемъ до этой дѣйствительности, которая такъ интересуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторой степени страшитъ неизвѣстностью (но о послѣднемъ, конечно, каждый изъ насъ умалчиваетъ). Что вдругъ, въ этомъ далекомъ пути, нашъ поѣздъ можетъ потерпѣть крушеніе и внезапная, бесполезная для общества, смерть прекратить многія наши жизни... Отъ одной только мысли объ этомъ — дѣлается страшно и жутко и, лежа на полкѣ рядомъ со спящими друзьями, начинаешь нервно и чутко прислушиваться къ однообразнымъ ударамъ колесъ вагона. При такомъ спѣшномъ и массовомъ передвиженіи вѣдь это вполне возможно, а тѣмъ болѣе на такомъ далекомъ и долгомъ пути... Въ такой моментъ грусти только и желаешь одного, чтобы доѣхать и умереть тамъ, на полѣ битвы... По крайней мѣрѣ, будутъ знать всѣ родные, — что ты благополучно достигъ собственнаго назначенія и умеръ

съ честью на полѣ сраженія, а не свалился гдѣ нибудь въ общей массѣ расщепаннаго поѣзда, подѣ крутой откосъ желѣзнодорожнаго полотна и своей смертью принесъ только одну непріятность какой либо желѣзнодорожной администраціи. Ну,—на все Божья воля... Я думаю, что подобное настроеніе—просто результатъ разстроенныхъ нервовъ отъ переживаемыхъ впечатлѣній и поэтому, стараюсь всячески отгонять отъ себя мрачныя мысли.

Вотъ сейчасъ одинъ изъ сослуживцевъ, Котовъ, проснувшись и приподнявшись на локоть, увидѣлъ меня пишушимъ и произнесъ:

— „Ты все, Пашка, пишешь... Москву описываешь; брось, ложись, вѣдь ты ее не видѣлъ!.. Жаль, чертъ возьми, что ночью пріѣхали, а утромъ рано уѣдемъ. Адъютантъ былъ и сказалъ, что въ семь часовъ тронемся...

Мы выкурили съ нимъ по одной папиросѣ, поговорили кое о чемъ и я рѣшилъ послѣдовать его совѣту; забрался на свою полку и присоединился къ тихо храпящимъ друзьямъ.

Дневка въ Сызрани.

17 Іюля.

Проснувшись и открывъ желѣзное окошко, которое съ шумомъ ударилось о стѣнку вагона, я увидѣлъ на широкой деревянной платформѣ людей нашего полка изъ другихъ эшелоновъ, снующихъ взадъ и впередъ. Мы стояли на ст. Сызрань, которую съ удовольствіемъ ждали и куда пріѣхали ночью, когда всѣ спали.

Наскоро одѣвшись и умывшись холодной водой, оставленной на мою долю кѣмъ то, я побѣжалъ

на станцію, куда, вѣроятно, ушли уже многіе мои сослуживцы. Перейдя множество рельсъ и минуя воздушный мостъ, перекинутый черезъ желѣзнодорожные пути у самой станціи, я встрѣтилъ Широхова, который вотъ уже второй день чувствуетъ себя не хорошо. Разстройство желудка и полное безсиліе такъ отразились на его лицѣ, что онъ выглядѣлъ совершенно больнымъ и еле движущимся. Я еще вчера замѣтилъ его недомоганіе.

— „Какъ бы, Павлюкъ, не расхвораться“—проговорилъ онъ съ тихой грустью въ глазахъ.

— Ничего, пройдетъ... Вотъ сходимъ въ баню сегодня; прогрѣмся, глядишь и лучше будетъ, — постарался я въ свою очередь утѣшить его. Но онъ, какъ бы не слушая меня, продолжалъ:

— „Ты еще спалъ, я сходилъ къ Дмитріеву... Онъ измѣрилъ температуру; далъ какихъ то порошковъ и сказалъ, что если лучше не будетъ къ вечеру, то — лучше остаться здѣсь въ какомъ либо госпиталѣ или лазаретѣ... А ты знаешь, какъ это скверно; вы всѣ уѣдете, а я останусь здѣсь одинъ среди чужихъ; хотя и поправишься, не умрешь, допустимъ, — но все-таки, когда-то и гдѣ догонишь васъ... Можетъ быть, еще гдѣ нибудь прикомандируютъ къ чужой части, или къ этапу, и будешь служить... Нѣтъ, я ужъ лучше какъ нибудь переломлю себя, можетъ и пройдетъ!“.

Подумавъ надъ сказаннымъ и представивъ себя въ томъ положеніи, если бы пришлось оторваться отъ своего полка,—я вполне согласился съ опасеніями моего друга. Купили съ нимъ соленой рыбы и булокъ у станціи и пошли обратно въ вагонъ закусить и напиться чаю. Рядомъ съ нашимъ вагономъ былъ офицерскій вагонъ второго класса, проходя мимо котораго за кипяткомъ, я услышалъ окрикъ по фамиліи и поспѣшилъ подойти къ открытому окну.

— „Ты куда?“—услышалъ я ровный и спокойный голосъ полкового адъютанта, полулежавшаго на подушкѣ и читающаго газету. — „Какъ сегодня

Широховъ?“—продолжалъ онъ. Я поспѣшилъ сказать ему, куда иду и доложилъ о здоровьѣ товарища.—„Ты ему скажи, что я совѣтую больше держаться на ногахъ, вообще—не лежать безъ движенія...“ Я объяснилъ, какъ тотъ всѣми силами старается больше ходить, потому что боится остаться гдѣ либо здѣсь въ лазаретѣ и, между прочимъ, попросилъ разрѣшенія сходить въ баню.

— „Пожалуйста, я противъ этого ничего не имѣю, идите... Вѣдь мы сегодня выѣзжаемъ поздно ночью, да и вы уже объ этомъ, вѣроятно, знаете?.. Считаю лишнимъ дѣлать какія либо предупрежденія въ отношеніи вашего поведенія въ городѣ и, между прочимъ, очень радъ, что вы будете чистыми. Вотъ, на, почитай и дай еще кому нибудь, кто интересуется мѣстными событіями!“ — проговорилъ онъ, подавая мнѣ „Самарскій Курьеръ“. Я поспѣшилъ поблагодарить его и отправился за кипяткомъ.

Въ двѣнадцать часовъ дня мы вчетверомъ отправились въ баню, которая оказалась биткомъ набита нашей братіей. Послѣ долгаго ожиданія намъ удалось таки занять № за шестьдесятъ копѣекъ. Мы были очень рады этому удовольствію, но только, къ великому горю нашему, изъ обоихъ крановъ шелъ крутой кипятокъ, которымъ мыться не было никакой возможности. Въ недоумѣніи мы собирались протестовать, какъ послышался стукъ въ нашу дверь, и высокая молодая женщина подала намъ два ведра холодной воды, нисколько не смущаясь нашей наготой.

— „У насъ—всегда такъ... Когда много народу, то въ обоихъ бакахъ воду кипятятъ, а то не хватаетъ горячей-то, а холодной сколько надо,—подадимъ ведрами, только постучите!“ — заявила она намъ, притворяя за собою дверь. Прекрасно вымывшись и выстиравъ даже бѣлье снятое съ себя, мы выйдя изъ бани, съ удовольствіемъ почувствовали свѣжесть тѣла. За нѣсколько дней нашего путешествія, въ пыльномъ и жаркомъ вагонѣ, мы начинали чувствовать уже нѣкоторую тяжесть. Затѣмъ

зашли въ маленькую и свѣтлую чайную и съ большимъ аппетитомъ наслаждались чаемъ съ лимономъ и *калачемъ*; какъ вообще здѣсь называютъ бѣлый хлѣбъ. Въ чайной кромѣ насъ никого не было и поэтому хозяинъ ея, человѣкъ лѣтъ тридцати, въ бѣлой рубашкѣ выпущенной изъ подъ чернаго жилета, въ туфляхъ на босую ногу, особенно засуетился при нашемъ появленіи и все время очень любезно спрашивалъ насъ кой о чемъ, стараясь какъ можно больше рассказать намъ о Сызрани.

Возвращаясь обратно на станцію, мы прошли почти весь городъ. Не скажу, чтобъ онъ намъ очень понравился. Разбросанныя постройки и кривыя улицы, почти нигдѣ не мощенныя, съ толстымъ слоемъ пыли. При проѣздѣ какого нибудь экипажа или телѣги, ободья колесъ совершенно погружались въ мягкую, теплую пыль. Облака этой пыли поднимали ѣдущіе, а потому и представлялись передвигающимися какъ бы на однихъ только спицахъ. Затѣмъ эти облака, разсѣиваясь, покрывали тонкимъ и сѣрымъ слоемъ прохожихъ, постройки, зеленѣющія небольшія деревца и цвѣты, растущіе во дворахъ и передъ домами въ небольшихъ палисадникахъ, оставляя все таки послѣ себя нѣкоторую муть, въ жаркомъ, безвѣтренномъ воздухѣ. Проходя по главной улицѣ, называемой „Большая“, мы нашли, что она только развѣ нѣкоторыми лучшими постройками отличается отъ прочихъ. Въ общемъ же, такая какъ и всѣ; почему, свернувъ въ переулокъ, мы рѣшили отправиться на вокзалъ полемъ.

Въ сторонѣ виднѣлась высокая церковь и мы, увидя ее, вспомнили, что сегодня суббота и рѣшили непременно побывать у всенощной, разъ представляется къ этому удобный случай.

Просторная церковь въ память Петра и Павла была полна молящимися горожанами, среди которыхъ кое гдѣ зеленѣли гимнастерки нашихъ однополчанъ. Пройдя къ самому амвону, я съ удовольствіемъ отстоялъ службу, какъ то особенно вслу-

шиваясь въ недурное пѣніе смѣшаннаго хора. Не знаю, почему это, но только въ настоящее время, какъ то стараешься глубже вдумываться во все, вглядываться, запоминать и во всемъ почти находишь ту, невидимую ранѣе, хорошую сторону, которая притягиваетъ къ себѣ и заставляетъ любить и сожалѣть о себѣ. Часто является въ сердцѣ безпокойное предположеніе, что можетъ быть впереди этого видѣть, болѣе уже не предоставится возможнымъ... Можетъ быть, все что такъ прельщаетъ и притягиваетъ къ себѣ теперь, встрѣчается и переживается въ послѣдній разъ...

— „Да, хорошо, что мы помолились сегодня... Какъ то и на душѣ то стало радостнѣе и свѣтлѣе!.. Можетъ это въ послѣдній разъ въ жизни намъ удалось такъ хорошо отстоять службу; дальше не придется уже, а какъ заѣдемъ за границу нашей матушки Россіи, то—и креста-то Божьяго не увидишь!“... — говорилъ, совершенно угадывая мои мысли, понуро поглядывая въ землю, запасный Борцовъ. Въ этотъ моментъ его простодушное лицо показалось мнѣ еще болѣе пріятнымъ и близкимъ и я былъ увѣренъ, что въ будущей нашей трудной службѣ, онъ вполнѣ сживется съ нашимъ крѣпкимъ, дѣйствительнымъ товарищескимъ кружкомъ.

Въ полку онъ только второй мѣсяцъ и сблизились мы съ нимъ только потому, что онъ случайно попалъ со мной рядомъ на одну верхнюю полку. Онъ всѣмъ сразу понравился и съ перваго же дня многіе подружился съ нимъ.

Придя отъ всенощной, мы нашли оставленный на нашу долю холодный ужинъ съ большими порціями мяса; разогрѣли его въ водогрѣйкѣ и ѣли съ удовольствіемъ... Постепенно всѣ собрались изъ города; начался обмѣнъ мнѣніями относительно видѣнныхъ и слышанныхъ новостей о Сызрани, о товарищахъ, ѣдущихъ въ прочихъ эшелонахъ нашего полка и незамѣтно перешли къ разговорамъ о Волгѣ, которую всѣмъ очень хотѣлось посмотреть.

Каждый русскій душой человѣкъ, какъ я замѣтилъ, чувствуетъ къ ней извѣстную долю любви...

Общій разговоръ о Волгѣ невольно и неожиданно воскресилъ въ моей памяти давно забытую картину изъ далекаго дѣтства, — съ такой поразительной ясностью, — что въ срединѣ разговора, я снова пережилъ далекіе и счастливые дни.

Вспомнилъ Волгу въ лунную, лѣтнюю ночь... По гигантскому мосту я ѣхалъ съ отцомъ на паровозѣ... Въ мелькающіе промежутки видно было, какъ что-то страшное, огромное, огненное занимало всю середину рѣки и плыло по направленію къ мосту, по которому тихо шелъ нашъ поѣздъ. Казалось, что вся вода въ Волгѣ загорѣлась и несется къ мосту, послѣ чего мы должны будемъ непременно сгорѣть...

— Папанька!.. Пусты шибче паровозъ, пусты! — заливаясь отъ страха слезами, кричалъ я.

Когда поѣздъ пройдя мостъ, быстро понесся по берегу къ ст. Батраки, я сдался на уговоры отца, успокоился и понялъ, что это горитъ не вода; что вода горѣть не можетъ, а случился пожаръ на нефтяныхъ баржахъ. Выливаемая за бортъ изъ бочекъ нефть продолжала горѣть, расплываясь по рѣкѣ...

Очнувшись наконецъ, отъ воспоминаній, я услышалъ, что наша братія собирается бодрствовать всю сегодняшнюю ночь, чтобъ не проспать Волгу. Однако, несмотря на общее соглашеніе, часовъ около одиннадцати, многіе, оправляя разбросанныя шинели и позѣвывая, забывъ, очевидно, о данномъ обѣщаніи, видимо пристраивались спать.

— „А что, братцы, не вздремнуть-ли до Волги то!“ — произноситъ одинъ, припадая на разостланную шинель, готовый съ удовольствіемъ привести свои слова въ исполненіе. И видно, что эти слова являются выраженіемъ желанія многихъ...

— „Конечно, братцы, чего всю ночь-то будемъ глазѣть... Вѣдь въ часъ ночи только тронемся отсюда, въ три будемъ въ Батракахъ, а Волгу, вѣроятно, будемъ переѣзжать часовъ въ пять“...

Одни промолчали на эти заявления, а другіе, укрываясь шинелями, стараются напомнить:

— „А кто не будет спать,—то разбудите, пожалуйста!“...

Неровный и мерцающій свѣтъ въ фонаряхъ освѣщаетъ всего уже только три фигуры... Одну читающую, прижавшуюся къ закрытой двери, съ огаркомъ въ одной рукѣ, какъ застывшую, на опрокинутомъ пустомъ ведрѣ; она изрѣдка давала о себѣ знать шелестомъ перевертываемыхъ страницъ,—это мой другъ Селезневъ, далъ слово дочитать сегодня, „Камо Грядеши“ Сенкевича и, конечно, съ свойственной ему настойчивостью, сдержитъ свое слово. Другую, какъ и всегда, почти неторопящуюся спать, за канцелярскимъ сундукомъ, пишущую свой дневникъ — фигура Пономарева, и мою третью, освѣщенную огаркомъ, полулежащую на верхней полкѣ, въ углу, записывающую вотъ эти строки... Что бы еще записать?.. Вотъ уже день кончился, но впечатлѣній въ душѣ, такихъ яркихъ, интересныхъ,—онъ почему-то не оставилъ. Все видѣнное, пережитое, начинается казаться настолько однообразнымъ, что, какъ будто, совершенно нечего и писать. Только и думается, что вотъ далѣе, тамъ,—будетъ болѣе интересное, новое, не виданное... Рѣдкая для насъ ночная тишина, безъ шума и дребезжанья вагона, не нарушается даже ничѣмъ храпомъ...

Черезъ „Матушку Волгу“.

18 іюля 1904 г.

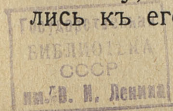
— „Волга! Волга! Братцы, вставай! — кричалъ кто то и было слышно какъ съ шумомъ и визгомъ открылась вагонная дверь. Сдѣлалось свѣтло и прохладно. Повернувшись въ сторону открытой

двери, я увидѣлъ Чернакова, тормозившаго поочередно каждого изъ насъ за ноги, заявляя каждой поворачивающейся къ нему головѣ: „Волга! Волга! Волга!“... Чернаковъ вчера почти весь день проспалъ, теперь же, проснувшись, вспомнилъ вчерашній общій разговоръ и вздумалъ обязательно услужить всѣмъ. Многіе сразу же быстро встали, боясь уснуть и стояли у открытой двери; старались громче разговаривать, чтобы, такимъ образомъ, заставить встать и остальныхъ, что конечно и удалось имъ.

Минуть черезъ пять, весь вагонъ былъ уже на ногахъ. До Волги оставалось еще верстъ десять, но мы, открывъ обѣ двери, при свѣтѣ наступающаго утра, посматривали на блиставшую подъ утренней росой природу и ждали какъ будто что то живое, родное или въ нѣкоторой степени знакомое каждому изъ насъ. Всѣ были веселы; говоръ, шутки, смѣхъ смѣшивались съ дребезжаньемъ вагона и сливались въ громкій, беспорядочный шумъ, насколько не угнетающій слуха, а, наоборотъ, вызывавшій желаніе пѣть, кричать и говорить, но только дружно со всѣми... Поѣздъ замедлилъ ходъ, и мы разсмотрѣли впереди не то — полустанокъ, не то — маленькую станцію. Вагоны остановились у сѣренькой платформы, на которой виднѣлись два-три служащихъ съ заспанными фizioноміями. Пользуясь минутной тишиной, Селезневъ, выйдя на средину вагона, неожиданно для всѣхъ и какъ бы угадывая общее настроеніе, гаркнулъ во всю свою высокую грудь, звучнымъ и протяжнымъ баритономъ:

„Внизъ по Волгѣ рѣкъ
Съ Нижня-города,—
Снаряжонъ стружокъ
Какъ стрѣла летитъ“...

Какъ по командѣ, всѣ, кто только зналъ эту пѣсню, любимую нами и подходящую къ данному моменту, — словно загипнотизированные присоединились къ его мощному запѣву. Голоса всего вагона

вылились въ одинъ сильный и стройный мотивъ русской народной пѣсни, и она поплыла далеко въ пространство гармоничной и нѣжно ласкающей слухъ, волной. Всѣ настолько увлеклись пѣніемъ, что какъ бы совершенно позабыли все на свѣтѣ, выражая свою любовь великой русской рѣкѣ. Изъ офицерскаго вагона прибѣжалъ денщикъ завѣдывающаго хозяйствомъ Касьянъ, съ улыбающейся фizioноміей. Онъ остановился около дверей съ удивленіемъ посматривая на насъ, очевидно, посланный нарочно посмотреть на столь раннее веселье.

Никто не спросилъ его даже, зачѣмъ онъ прибѣгалъ, какъ бы боясь оторваться отъ общаго пѣнія, и онъ, повернувшись, снова юркнулъ въ офицерскій вагонъ.

Когда мы пришли въ себя, то Волга уже была у насъ въ виду и нашъ поѣздъ, равномерно сотрясаясь и стуча колесами, бѣжалъ по ея ровному и крутому берегу, подъ склономъ высокой горы.

Вглядываясь въ бѣлѣющую туманную даль надъ водой, мы видѣли уже впереди перекинутый черезъ Волгу мостъ и очень удивлялись тому, какъ нашъ поѣздъ въѣдетъ на него. Мостъ казался совершенно упирающимся въ крутой берегъ, на которомъ, какъ мы предполагали, не будетъ никакой возможности повернуться поѣзду. Но, вотъ берегъ сталъ возвышаться передъ нашими глазами, постепенно скрывая отъ насъ начинавшую уже блестѣть подъ восходящимъ утреннимъ солнцемъ Волгу, и наконецъ мы, уклоняясь влѣво, стали огибать высокую гору и неожиданно, разясняя наше недоумѣніе, поѣздъ тихо въѣхалъ на давно жданный и давно желанный мостъ. Тихо было въ тотъ моментъ въ нашемъ вагонѣ... Всѣ словно застыли, любуясь въ мелькающіе промежутки, представшейся во всей своей утренней красѣ, рѣкою. Гладкая, какъ серебромъ сіяющая на необозримомъ пространствѣ дали, властная и спокойная, несла свои воды къ Каспійскому морю наша матушка Волга. Мы любо-

вались ею молча, сосредоточенно и словно очарованные.

Вдали виднѣлись два парохода, какъ нарисованные черной краской на блестящемъ подъ солнцемъ громадномъ зеркалѣ, казались совершенно маленькими, какъ бы игрушечными, тянущими по нѣскольکو большихъ баржъ.

Близъ самага моста промелькнули двѣ-три лодки съ сидящими въ нихъ фигурами рыбаковъ. Поѣздъ, словно желая продлить нашъ восторгъ, шелъ тихо, давая этимъ возможность долѣе любоваться величественнымъ видомъ исторической рѣки, съ которой связаны интересныя легенды нашей родины.

Но, вотъ бѣлая, мелькающая съѣтъ моста внезапно оборвалась передъ нами и мы, какъ бы очнувшись, провожали печальнымъ взоромъ красивую,—пробудившую много пріятныхъ чувствъ въ душѣ и скрывающую за убѣгавшимъ отъ насъ горизонтомъ — матушку Волгу. Придется ли намъ еще разъ въ жизни любоваться этой дорогой русскому взгляду картиной, а если и придется, то ужъ, конечно, не всѣмъ, немногимъ. Для нѣкоторыхъ изъ насъ, это былъ послѣдній и прощальный взглядъ!.. Своимъ молчаливо-величественнымъ видомъ, она какъ бы благословила насъ на то, чтобы въ краю далекомъ, невѣдомомъ намъ, каждый изъ насъ, слѣдуя завѣтамъ старины, какъ сынъ великой страны, долженъ съ честью умереть за счастье и покой дорогой родины, тамъ,—на чужихъ и непривѣтныхъ поляхъ Маньчжуріи...

Поѣздъ быстро катился по ровной, зеленой степи, озаренной яркимъ солнечнымъ свѣтомъ радостнаго лѣтняго дня. Почти въ каждомъ вагонѣ слышался смѣхъ и говоръ, и пѣсня, неунывающихъ людей нашего эшелона.

Когда чудный солнечный полдень окончательно вступилъ въ свои права, въ дали показалась станція „Мыльное“, которую я ждалъ, такъ какъ помнилъ ее болѣе всего. Здѣсь служилъ мой отецъ

послѣдніе дни своей жизни. Высунувшись черезъ перекладину двери, я старался какъ можно далѣе смотрѣть, готовый перелетѣть туда быстрѣе бѣгущаго поѣзда. Къ моему удовольствію, нашъ эшелонъ остановился для пропуска почтового поѣзда.

Съ какимъ то необыкновеннымъ и пріятнымъ чувствомъ, совершенно мнѣ незнакомымъ до сего времени, я смотрѣлъ на все, попадавшееся мнѣ на глаза и узнавалъ почти каждую постройку. Вотъ тотъ самый домикъ, въ которомъ жили мы при отцѣ; онъ къ моей великой радости, казался совершенно въ томъ же видѣ, какимъ былъ 15 лѣтъ тому назадъ — въ своемъ неизмѣнномъ желтомъ цвѣтѣ, какъ и всѣ станціонныя постройки. Съ выходящими въ маленькій зеленый палисадникъ окошками онъ выглядѣлъ мило и уютно. Бывало въ скучную и дождливую погоду, лишённые возможности бѣгать по улицѣ, мы дѣти съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда отца, а вотъ по этой самой дорожкѣ, улыбающійся, довольный, шелъ онъ, бывало, посматривая на наши нетерпѣливыя движенія и крики радости.

Представляя въ своемъ воспоминаніи мать и сестру, копошащихся въ этомъ маленькомъ палисадникѣ, я припомнилъ себя дѣтски счастливаго, незнакомаго еще ни съ какими тревоженіями жизни. Въ грустныхъ воспоминаніяхъ, какъ передъ священнымъ для меня памятникомъ прошлаго, я долго стоялъ одинокій, заброшенный на одну минуту сюда, гдѣ прошли мои свѣтлые дни, дни дѣтства, дни дѣйствительной радости, далекой и невозвратной...

— „Ты, братъ, прямо дѣлаешься невозможнымъ,—вотъ и все!.. Конечно, пріятно посмотреть на то, что воскрешаетъ въ памяти счастливое прошлое, но ужъ отъ слезъ то можно бы удержаться, я думаю... Ты вѣдь не баба, а солдатъ, ѣдущій на войну... Бросай ты эту бабью впечатлительность! Столичный житель... Эхъ ты!“ — хлопнувъ меня по плечу, съ дружеской улыбкой, гово-

рилъ Селезневъ, подошедшій неслышно ко мнѣ. Селезневъ былъ человѣкъ особеннаго склада; онъ умѣлъ не давать тяжелымъ и грустнымъ чувствамъ овладѣвать собой, перенося съ виду все равнодушно и спокойно будучи въ одно и то же время, отзывчивымъ, сердечнымъ товарищемъ.

— „Вотъ, воображаю, когда въ Самарѣ ты встрѣтишься съ родственниками, то ужъ навѣрное разреветься самымъ настоящимъ образомъ... А можетъ они настолько измѣнились, что ты ихъ не узнаешь никого!.. Сколько ты лѣтъ не видѣлъ ихъ? Пятнадцать лѣтъ!.. Это, братъ, не шутка, не мудрено и не помнить. Это не домъ, выкрашенный масляной желтой краской, который нисколько не измѣнился за пятнадцать лѣтъ; его подновляютъ, ремонтируютъ, а изъ человѣка такіе годы, — могутъ сдѣлать многое!“ — и Селезневъ спокойно махнулъ рукой.

Когда поѣздъ снова помчался въ даль, я съ волненіемъ сталъ ждать Самары, посматривая на зеленые, озаренныя яркимъ солнцемъ, поля. Влѣво на горизонтѣ, на протяженіи пятнадцати — двадцати верстъ, на плоской возвышенности, показалась Самара въ пыльномъ, какъ въ дымномъ, воздухѣ.

Обогнувъ влѣво громадный полукругъ по крутой насыпи, послѣ предварительнаго свистка, поѣздъ сталъ подъѣзжать къ мосту черезъ рѣку Самарку. Всю береговую мѣстность, съ ея неизмѣнными двухъэтажными деревянными амбарами для ссыпки хлѣба, я узналъ съ такой ясностью, что все это какъ будто оставилъ только вчера.

Мгновенно въ моей головѣ пронеслись воспоминанія объ уженъѣ рыбы на согнутую булавку, веселыя дѣтскія купанья на отмеляхъ песчаныхъ береговъ. Припомнились всѣ тѣ удовольствія, какія предоставляетъ дѣтямъ большая, веселая, судоходная рѣка на которой съ утра и до поздняго вечера кипитъ трудовая рабочая жизнь, подъ звуки артельныхъ мотивовъ, шума колесъ быстро мелькающихъ повсюду пароходовъ, съ рѣзкими и, вмѣстѣ

съ тѣмъ, пріятно-оглушительными свистками. Тихо подхोдившій къ станціи поѣздъ давалъ уже о себѣ знать громкой игрой музыки полкового оркестра. На платформѣ было очень много народа, и я, вглядываясь пристально, старался узнать въ толпѣ кого нибудь изъ своихъ родственниковъ. Мои друзья-сослуживцы были заинтересованы предстоящей встрѣчей и посовѣтовали встать къ перекладинѣ двери, спокойно ожидая, узнаетъ ли меня первымъ кто либо изъ родныхъ,—или нѣтъ.

Изъ всѣхъ вагоновъ нетерпѣливо выглядывали веселыя и улыбающіяся лица людей, ожидая остановки, готовясь къ новымъ впечатлѣніямъ и къ тому, что здѣсь долженъ быть обѣдъ на питательномъ для проѣзжающихъ эшелонѣхъ пунктѣ.

На самомъ краю начинающейся платформы стоялъ, держа мальчугана лѣтъ семи за руку, пожилыхъ лѣтъ человѣкъ, разглядывая лица людей, высунувшихся изъ вагоновъ. Лишь только глаза наши встрѣтились, какъ онъ, сорвавъ съ головы фуражку, кланяясь, устремился за нашимъ вагономъ.

— „Кто это?“ — задалъ мнѣ кто то изъ друзей вопросъ, но я не отвѣтилъ, боясь ошибиться. Послѣ, когда уже мы крѣпко сжимали въ объятіяхъ другъ друга, я узналъ съ дѣтства мнѣ знакомый, но съ годами забытый, голосъ дяди, родного брата моей матери. Я видѣлъ въ его глазахъ слезы радости и чувствовалъ, какъ по моему лицу тоже обильнымъ ручьемъ текли пріятныя, радостныя слезы.

— „Вотъ, ты, братъ какимъ сталъ? А-яй,—и не узнаешь!.. Ну, какъ здоровъ, какъ чувствуешь себя? А вѣдь я тебя сразу узналъ!“—поспѣшно, взволнованнымъ голосомъ, говорилъ онъ, прижимая меня къ себѣ.

Мы быстро шли, по заполненной народомъ платформѣ, говоря отрывочныя фразы одинъ другому, и, наконецъ, я очутился въ кругу моихъ родственниковъ.

— „Вотъ онъ, будущій то герой, такой ли, какого ждали?“ — весело говорилъ дядя, и я почувствовалъ себя крѣпко сжатымъ въ объятіяхъ.

— „Здравствуй, милый братецъ!“ — какъ сквозь пріятный сонъ, слышался ласковый голосъ и чувствовалось влажное прикосновеніе заплаканнаго лица старшей сестры.

— Только не плакать, — просилъ я ее, здороваясь и разглядывая прочихъ сестеръ и братьевъ, оставленных мною дѣтьми, а представившихся теперь взрослыми, полными жизни молодыми людьми.

Послѣ первыхъ радостныхъ привѣтствій и разспросовъ мы всѣ, какъ бы придя въ себя, рѣшили отдѣлиться отъ общей массы народа.

Перейдя черезъ тормазный вагонъ, на противоположную сторону станціи, мы расположились на зеленой травѣ, около какого то каменнаго станціоннаго зданія, тѣснымъ и радостно оживленнымъ кружкомъ. Среди насъ на посланной бѣлой скатерти, изъ имѣющихся у каждой изъ сестеръ узелковъ, свертковъ и корзинокъ, появились разнаго рода домашнія печенія и закуски и, само собой разумѣется, въ небольшомъ количествѣ выпивка, какъ неизмѣнная спутница всѣхъ радостей, торжественныхъ встрѣчъ и грустныхъ проводовъ.

— „Собрались мы встрѣчать тебя и думаемъ: а вѣдь нужно же что либо взять выпить при встрѣчѣ на радости, но не знали, ты пьешь что, — или нѣтъ!“ — смѣясь говорила сестра, хлопотливо развертывая и устанавливая содержимое узелковъ и корзинокъ.

— „А дядя, говоритъ: вы думаете, что проводили его въ Петербургъ съ конфеткой въ рукахъ ребенкомъ, такимъ онъ и явится къ вамъ?.. Нѣтъ, онъ теперь съ ружьемъ прикатитъ воякой; для него уже конфеты не имѣютъ той прелести, а нужно что либо изъ русскаго добра покрѣпче!“ — смѣясь продолжала она.

Много было выражено по моему адресу самыхъ искреннихъ, душевныхъ пожеланій сопровождае-

мыхъ и радостной улыбкой, и нѣжной лаской, и тихой грустью въ блестящихъ отъ слезъ глазахъ.

Черезъ нѣсколько времени мы всѣ настолько увлеклись, что совершенно забыли что вотъ, вотъ еще нѣсколько радостныхъ минутъ и вся наша восторженная бесѣда должна прерваться. Я вынужденъ снова разстаться съ этой кучкой родныхъ, съ которыми судьба столкнула меня лишь на нѣсколько пріятныхъ минутъ послѣ долготѣней разлуки, какъ бы исключительно для того, что бы снова оторвать, посылая въ далекую и невѣдомую даль.

Сигнальный рожокъ, нарушая нашу бесѣду, вѣстилъ о посадкѣ въ вагоны, и мы молча встали съ земли. Прощаясь взаимно желали отъ чистаго сердца другъ другу всего лучшаго, добраго и хорошаго. При прощаніи съ сестрой я просилъ ее отслужить панихиду на могилѣ отца. Кладбище, гдѣ онъ лежитъ, очень близко, но у меня нѣтъ возможности поклониться его праху и передъ заросшей могилой испросить себѣ благословенія на мой дальнѣйшій жизненный путь. Я дѣлаю это мысленно, и мнѣ становится легко.

Люди говорятъ что это предразсудокъ, что это самообманъ, но, не вдумываясь много, я стараюсь глубоко вѣрить этому, такъ какъ безъ вѣры — жизнь пуста и несносна. А если бы даже это былъ и самообманъ, я и то никогда не скажу этого другому, если этотъ самообманъ и пустой предразсудокъ поддерживаетъ духъ, отвлекая отъ дурного и направляя къ хорошему.

Послѣдній краткій сигналъ, свистокъ и поѣздъ, дрогнувъ, медленно сталъ отходить отъ шумящей толпы. Я еще чувствую себя крѣпко сжатымъ въ объятіяхъ дорогихъ мнѣ людей, но вотъ, открытая дверь, минуя платформу, уже лишаетъ меня возможности видѣть ихъ. Сестра и дядя, при помощи товарищей, сѣли въ вагонъ и рѣшили проводить меня до ст. Кинель, и мы, прижавшись одинъ къ другому, казалось, въ нѣсколько минутъ проѣхали

разстояніе въ сорокъ верстъ. Встрѣчный почтовый поѣздъ, въ который пересѣли они на ст. Кинель, скрылся изъ моихъ глазъ, а я долго стоялъ на краю платформы, какъ бы не вѣря, что со мной уже нѣтъ ихъ.

Прощаніе въ Петербургѣ съ матерью и прочими родными и близкими — камнемъ давило грудь, но время постепенно сгладило уже остроту впечатлѣній, а встрѣча въ Самарѣ, — снова заставила меня пережить горестъ разлуки. Да, вѣдь и всегда такъ бываетъ... Когда человѣкъ втянется въ тяжелую однообразную жизнь, то все свѣтлое, радостное и минутное только дразнить его и еще рѣзче подчеркиваетъ трудную и печальную сторону переживаемаго положенія.

Уфимскій татарченкокъ и Уралъ.

19 іюля.

Подъѣзжая къ Уфѣ, мы были въ веселомъ настроеніи и глядя на разнообразныя постройки, тянущіяся по склону высокой горы, удивлялись тому, какимъ образомъ тутъ могутъ ѣздить извозчики. Казалось на первый взглядъ, что къ нѣкоторымъ домамъ, стоящимъ какъ на прикрѣпленныхъ полкахъ къ громадной горной стѣнѣ, трудно было даже и подойти. Въ тихомъ вечернемъ воздухѣ, въ спускавшихся уже на землю сумеркахъ, всѣ эти постройки различныхъ величинъ и оттѣнковъ, разбросанныхъ въ художественномъ безпорядкѣ, производили очень красивое и пріятное впечатлѣніе; какъ чудная картина, нарисованная на темно-зеленомъ фонѣ.

Нашему эшелону былъ приготовленъ на питательномъ пунктѣ ужинъ по телеграммѣ, данной за

двѣ или за три станціи до Уфы. Послѣ ужина я отправился въ ближайшую лавку, во первыхъ, для того, чтобы купить чего нибудь съѣдобнаго для завтрашняго дня, а во вторыхъ, — что самое главное, — увидѣть что либо, запомнить, а затѣмъ занести въ свой дневникъ. Но, къ моему сожалѣнію, все интересное, замѣчательное и красивое, если таковое и имѣется здѣсь, погружено въ таинственный и теплый, ночной мракъ.

Кое-гдѣ блестѣлъ огонекъ, освѣщая на аршинъ, не болѣе, темное пространство, а затѣмъ снова шла темнота тихой, уснувшей отъ дневныхъ заботъ улицы. Я брелъ наугадъ въ надеждѣ найти какую либо лавченку. Иногда слышались отдаленные звуки колесъ проѣзжающихъ, вѣроятно, наверху по горѣ, извозчиковъ, да тихо визжалъ въ какомъ то изъ дворовъ щенокъ, судя по звуку, очень маленькій. Вотъ и все, что напоминало о жизни...

Наконецъ, вдали показалась широкая, пересѣкающая темноту улицы, полоса свѣта и я понялъ, что это должна быть лавка, съ заспаннымъ продавцомъ, съ раскрытой настежь дверью. Вѣроятно одинъ изъ лавочниковъ рѣшилъ всетаки покинуть свою мягкую постель не надолго, ради того, чтобы продать кое что изъ своихъ разнообразныхъ товаровъ, одному—двумъ солдатамъ, если прибудутъ на огонекъ, изъ пришедшаго на станцію эшелона. Войдя въ лавку, отъ пола и до потолка установленную и увѣшанную всѣмъ, какъ говорится—чего твоей душѣ надо, — отъ дегтя, гвоздей — до духовъ включительно, я увидѣлъ, съ всклооченной головой и безразличной фізіономіей, продавца, въ рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, въ жилеткѣ на распашку и въ галошахъ на босую ногу, тучнаго и заспаннаго.

— „А весельица-съ въ стекляницѣ не нужно-ли-съ, есть!“—оскалившись, заискивающимъ тономъ, промычалъ онъ, когда я направлялся уже къ двери. Несмотря на то, что я, какъ и всѣ мои собратья, пользовался иногда подобнаго рода предложеніями

этихъ, спаивающихъ незаконнымъ образомъ кулаковъ, но всегда страшно возмущался ихъ наглыми предложеніями и ругаль прямо въ глаза, на чемъ свѣтъ стоитъ. Въ такіе моменты я не соображалъ того, что этимъ нисколько не уменьшу ихъ алчности къ легкой безнравственной наживѣ. Они посмѣиваясь на подобную брань, всегда будутъ спаивать православный народъ, взимая двойную, а иногда и большую цѣну за это проклятое зелье. Сегодня же я ничего не отвѣтилъ на сказанное мнѣ и молча вышелъ изъ лавки.

На станціи до нѣкоторой степени кипѣла жизнь. Полуосвѣщенный ночной мракъ нарушался бѣготней, суетней и безтолковщиной, а наша неустанная, пытлившая и шипѣвшая лошадка, была вновь готова ринуться своей тяжелой громадой въ темное, какъ и наша будущность, пространство. Около нашего вагона я засталъ цѣлую кучу ребятишекъ-татарчатъ нищихъ, болтавшихъ, коверкая слова, съ двумя-тремя бодрствующими еще сослуживцами. Почти всѣ ребята жевали хлѣбъ, исключая одного, который, стоя въ сторонѣ, молча поглядывалъ на своихъ сверстниковъ; онъ казался обдѣленнымъ и, видимо, не рѣшался просить. Подойдя поближе къ двери, татарченокъ взглянулъ въ вагонъ, увидѣлъ лежащую на полкѣ гармонію и указывая на нее, съ мгновенно оживленнымъ лицомъ, крикнулъ:

— „Эй, грай, скарэй, грай маленка, плысать буду!“.

Всѣ засмѣялись, заиграла гармоника и угрюмый татарченокъ сталъ выкидывать различныя фигуры трепака, видимо добытыя имъ не малымъ трудомъ; умѣлая, мастерскія, и довольно таки комическія. Изъ сосѣднихъ вагоновъ на звуки музыки и удары босыми ногами, которыхъ, видимо, нисколько не жалѣлъ вошедшій въ экстазъ татарченокъ, сбѣжалось очень много солдатъ. Поднялся смѣхъ, говоръ, шутки, а неустанный татарченокъ, съ какимъ-то ожесточеніемъ, плясалъ и плясалъ...

Наконецъ гармонія умолкла неожиданно для

всѣхъ и для плясуна, и онъ, прыгнувъ еще разъ, насколько позволяла ему на это ловкость, — сѣлъ посреди собравшейся толпы и въ изнеможеніи, тяжело дыша, посматривалъ на окружающихъ. На него со всѣхъ сторонъ посыпались одобренія и похвалы и, получивъ за это отъ насъ хлѣба и половину французской булки, двѣ баранки и кусокъ сахару, онъ, торжествующе поглядывая на своихъ товарищей, ушелъ, видимо, вполне довольный наградой за свое искусство.

Ровно въ двѣнадцать часовъ ночи при звукахъ музыки, вѣроятно, очень далеко слышной по сонной окрестности, мы отошли отъ станціи Уфа.

— „Эхъ, хорошія мѣста, ей Богу, хорошія, вотъ красота!“ — были первыя слова, которыя я услышалъ 20 іюля.

Проснувшись и приподнявшись на локоть, я увидѣлъ Чернакова, сидящаго противъ открытой двери на канцелярскомъ сундукѣ; онъ одиноко любовался мелькающей мѣстностью. Оказалось, что мы проѣзжаемъ Уралъ. И вотъ, послѣ утренняго чая, который мы усѣлись пить, набравъ кипятку на ст. Миньяръ, гдѣ поѣздъ стоялъ минутъ двадцать, всѣ невольно любовались природными красотами мѣстности, съ ея горами причудливой формы, одѣтыми въ зеленый бархатъ и залитыми лучами яркаго лѣтняго солнца.

Нашъ поѣздъ кажется какимъ то маленькимъ червякомъ, извивающимся по узкимъ вырубамъ для одного пути, въ громадныхъ, какъ бы упирающихся въ небо, горахъ. Они, то прислоняясь почти вплотную къ проложенному пути, лишаютъ всякой возможности полюбоваться на ихъ вершины, то сразу, отступая отъ него, открываютъ живописную, мощную кручъ. Въ такіе моменты съ нихъ какъ бы валятся, готовые сбить нашъ поѣздъ, висящіе надъ нашими головами деревья и громадные камни разной величины, обнаженные изъ подъ зеленаго покрова. Съ

другой стороны, подъ крутымъ склономъ, все время насъ отдѣляетъ отъ цѣпи такихъ же великановъ, блестящая какъ серебро рѣчка, быстро бѣгущая по каменному и неровному дну. Глядя на всѣ эти красоты, еще невиданныя мною, является страстное желаніе, хотя бы недолго походить по этимъ дивнымъ мѣстамъ и подышать этимъ чистымъ, горнымъ воздухомъ.

Въ четыре часа пополудни мы прибыли на ст. Златоустъ. Здѣсь на каждомъ шагу продаютъ очень дешево красивые, выдѣланные изъ горныхъ породъ, различные предметы роскоши и домашняго обихода, и я далъ себѣ слово купить что нибудь на обрат-пути, если только Богъ мнѣ судилъ его.

Въ Челябинскѣ.

21-е Іюля.

Проснувшись въ 5-мъ часу солнечнаго утра я сразу всталъ и первымъ долгомъ взялъ дневникъ...

Впередъ, все вдаль нашъ поѣздъ мчится,
Какъ гордый соколъ молодой,
А сердце—радостно стремится
Узрѣть нарушившихъ покой.
Передъ глазами—горы, скалы,
Деревни, села, города,
Съ красотою рѣдкостной дубравы,
А въ нихъ привольныя стада...
Различный людъ, нарѣчїи, нравы,
Мосты большіе на водахъ,
Богатства всѣ родной державы
Мелькаютъ молніей въ глазахъ.
Летимъ туда, гдѣ всходитъ солнце,
Отвагу, силу показать,
И гордость чванную съ японца
Рукой могучею сорвать...
Насъ Тотъ послалъ,—Кому мы милы,
Кому мы Свыше вручены...
За миръ, покой, мы сложимъ силы,
Мы царства славнаго сыны...

Насколько мнѣ помнится, чуть ли не съ перваго года училища я полюбилъ стихи, а затѣмъ, чувствовалъ потребность самъ писать. Писалъ я ихъ, какъ умѣлъ: безъ цѣли, безъ умѣнья, лишь бы писать и чувствовать себя удовлетвореннымъ въ этомъ желаніи. Какъ они выходили, чего въ нихъ не доставало, что для этого нужно было, какая техника должна быть при изложеніи рифмованной мысли, я не зналъ, хотя меня это и очень иногда интересовало. Вся моя неудача была въ томъ, что въ своей жизни я еще не встрѣтилъ ни разу такого человѣка, который бы взялъ два, три подобныхъ этому стихотворенію и объяснилъ бы мнѣ до тонкости, мою бесполезную,—но вмѣстѣ съ тѣмъ упорную, пачкотню бумаги. О, какъ бы я былъ радъ тому человѣку, но его нѣтъ, не было и, вѣроятно не будетъ. Отъ людей болѣе развитыхъ, образованныхъ я эту свою слабость стараюсь скрыть, боясь быть осмѣяннымъ, а друзьямъ, равнымъ мнѣ по знаніямъ, я съ удовольствіемъ читаю свои стихи. Они восторгаются иногда ими, заставляя меня, чувствовать себя на седьмомъ небѣ. Вѣдь и этого достаточно для человѣка. Однажды, на второмъ году службы, переписавъ на почтовый листъ одно стихотвореніе, я послалъ въ редакцію, какъ воръ, не объясняя даже, кто я такой, боясь объяснить, что я солдатъ.

Товарищи тоже были заинтересованы этимъ и вотъ, черезъ три дня, купивъ „Волховской Листокъ“ я прочелъ собственное стихотвореніе „Нищяя“. О, Боже!.. Радости моей не было границъ!..

— „Ты бы помылся хотя, вѣдь, смотри, къ Челябинску подъѣзжаемъ“,—говорилъ мнѣ Широховъ съ дружески шутливой укоризной.

— „Никакъ и за стихоплетство схватился уже?“—смѣясь, добавилъ онъ, приводя въ порядокъ нашу полку и мелькомъ взглянувъ въ мою тетрадку. Какъ разъ въ этотъ моментъ раздался продолжительный свистокъ и всѣ закопошились около аммуниціи, такъ какъ въ Челябинскѣ должна быть дневка и

мы должны будемъ на время покинуть свой вагонъ.

Ровно въ десять часовъ поѣздъ остановился среди массы эшелоновъ разныхъ частей войскъ, прибывшихъ немного ранѣ насъ и собиравшихся слѣдовать дальше. Оживленіе чувствовалось вездѣ и во всемъ. Происходило тоже, что и въ Сызрани: встрѣча съ товарищами предыдущихъ эшелоновъ, разпросы, привѣтствія... Какъ только всѣ вышли изъ вагоновъ, эшелонъ двинулся подъ командой всѣхъ офицеровъ во главѣ съ командиромъ полка въ бараки, расположенные недалеко отъ станціи. День былъ жаркій и пыльный, и въ душномъ баракѣ, послѣ вагоннаго воздуха, намъ всѣмъ стало не по себѣ. Послѣ обѣда, черезъ старшаго Селезнева, намъ удалось безъ всякаго труда испросить разрѣшеніе сходить въ городъ, послѣ чего всѣ разбрелись кто куда. Расхаживая по пыльнымъ улицамъ Челябинска съ однимъ изъ сослуживцевъ, Теркачевымъ, я вспомнилъ, что не худо бы подбить къ сапогамъ подметки. Хотя сапоги на мнѣ были и новые, только что сшитые передъ отъѣздомъ, но я рассчиталъ, это тамъ на Востокѣ это сдѣлать едва-ли будетъ можно, если подошвы на сапогахъ откажутся служить и несмотря на то, что будетъ тяжело ходить, рѣшилъ удвоить прочность ихъ. Увидѣвъ вивѣску немудренаго сапожника, зашелъ во дворъ, гдѣ и розыскалъ жилище самого мастера.

Разутый я часа два сидѣлъ, разговаривая съ мастеромъ, который трудился надъ моими сапогами и за 70 коп. старался мнѣ всѣми силами угодить.

Сибирякъ Шурка.

24 Іюля.

— „Шурка! Шурка! А, Шурка!“ — раздавался внизу подо мной голосъ Теркачева, который спалъ

на нижней полкѣ вмѣстѣ съ Пономаревымъ и другими. Зная, что тамъ не могло быть никакого Шурки такъ такъ ни одного изъ насъ не было Александра, я заинтересовался, кого бы это онъ могъ будить, называя Шуркой.

Когда Теркачевъ вылѣзъ изъ своего мѣста, смѣясь и расхаживая по вагону, продолжалъ звать какого-то Шурку, мы увидѣли, что оттуда же вылѣзъ мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати. Оказалось, что вчера, не говоря никому ни слова, онъ посадилъ его въ Петропавловскѣ и везетъ теперь до Омска, откуда мальчикъ приѣхалъ съ отцомъ, но, потерявшись въ городѣ, пробирается во свояси. Мы всѣ почему то очень обрадовались этому новому лицу въ нашей компаніи и осыпали его со всѣхъ сторонъ различными вопросами.

Онъ оказался довольно развитымъ и чувствовалъ себя среди насъ совершенно свободно. Я его спросилъ—развѣ онъ не боится ѣхать съ нами, на что онъ разсмѣявшись, отвѣтилъ:

— „А что же мнѣ васъ бояться? Вы, вѣдь, наши, русскіе, а не японскіе солдаты... Вотъ, если бы вы были японскіе солдаты, то я бы и самъ не сѣлъ, побоялся бы“.

— „Такъ вѣдь мы то тебѣ чужіе, ты не знаешь насъ, сказалъ я.

Онъ еще веселѣе засмѣялся на мои слова и добавилъ:

— „Всѣ мы русскіе—свои, только что не родные, а родныхъ мнѣ гдѣ-жъ теперь взять, они въ Омскѣ... Меня начальникъ станціи въ пассажирскій сажалъ, да я самъ не сѣлъ, потому, съ вами лучше и веселѣй“. Я понялъ, что говорить съ нимъ, какъ съ подросткомъ уже нельзя, такъ какъ это своего рода Некрасовскій мужичекъ, только не въ полушубкѣ овчинномъ, а въ черной довольно приличной курткѣ. Настолько онъ занялъ всѣхъ насъ, что мы закидывали его различными вопросами и не давали, какъ говорится, ни отдыху, ни сроку и, молчавшій

нѣкоторое время, Теркачевъ, видя, что его гостя совершенно отбили отъ него, закричалъ:

— „Да дайте хоть попить чаю то путемъ ему... Чего осадили мальчишку! А ты, Шурка, плюнь, не говори больше ничего имъ, ломай булки, да пей. Ишь, они налетѣли... Пей!“

— „А вотъ и Иртышъ рѣка, гдѣ Ермакъ-то утопился, читали?.. Вотъ, какъ дошелъ до этого мѣста со своими разбойниками, а ужъ дальше не могъ идти, потому, татаръ было много—премного, а разбойниковъ то ужъ мало осталось, потому что разбѣжались они“ — рассказывалъ Шурка, когда нашъ поѣздъ тихо проходилъ по большому деревянному мосту черезъ громкую въ исторіи рѣку Иртышъ.

— „А онъ не хотѣлъ живьемъ-то даваться татарамъ, взялъ да и прыгнулъ съ крутого берега вонъ тамъ, хотѣлъ плыть да и утопъ... А теперь тамъ памятникъ стоитъ ему,—хорошій“... Воодушевившись, повѣствовалъ намъ Шурка.

Оказалось, мальчикъ прекрасно читаетъ и пишетъ и мы рѣшили подарить ему иллюстрированную книгу „Царствованіе Императора Александра III“, сдѣлавъ при этомъ надпись: „На память сибиряку Шуркѣ, ѣхавшему въ эшелонѣ № 132, отъ Петропавловска до Омска, отъ писарей 85 пѣх. Выборгскаго полка“, съ нашими подписями, и онъ очень остался доволенъ подаркомъ. Какъ только остановился нашъ поѣздъ, онъ, распроставшись съ нами, веселый и довольный скрылся въ толпѣ. Въ вагонѣ сдѣлалось тихо и по лицамъ многихъ было замѣтно, что вмѣстѣ съ этимъ убѣгающимъ жизнерадостнымъ мальчикомъ, всѣ мы какъ будто что то теряемъ, ставшее дорогимъ за такое короткое время совмѣстнаго пути.

Какъ свѣтлый солнечный лучъ, прорѣзая угрюмую, безпросвѣтную тьму, воскрешаетъ и оживляетъ спящую окружность, такъ и этотъ Шурка, оживилъ нашу скучную, однообразную, путевую жизнь.

— „А какъ онъ, братцы, обрадовался, когда отца своего нашель“—разсказываль, возвратившійся Теркачевъ, который не утерпѣлъ, чтобы не проводить своего спутника далѣе прочихъ.

— „Отецъ тоже благодарилъ очень, что мы его привезли. „Я—говорить—потому то и не искалъ его, такъ какъ зналъ, что онъ доѣдетъ и ничего съ нимъ не случится. Онъ—говорить—у меня молодецъ. Да иначе и нельзя; въ жизни нужно ко всему привыкать“...

И долго шелъ бы еще разговоръ о Шуркѣ, да какъ разъ въ это время прибылъ встрѣчный санитарный поѣздъ съ театра войны. Мы всѣ бросились туда, къ этимъ зеленымъ блестящимъ вагонамъ, изъ которыхъ съ такимъ же жаднымъ интересомъ, какъ и мы, посматривали перевязанные и забинтованные, наши собратья, возвращающіеся разбитыми и искалѣченными, но свято исполнившими долгъ, на сколько это было возможно по ихъ собственнымъ силамъ.

Въ санитарные вагоны входить постороннимъ, не дозволялось и поэтому, кто изъ больныхъ имѣлъ силы и радъ былъ подѣлиться впечатлѣніями, то самъ стремился на площадку.

— „Какой губерніи?.. Какой части?—осыпали они насъ вопросами.

— „Давно ли съ позиціи?.. Въ какомъ бою ранены?.. Гдѣ теперь наши?—въ свою очередь разспрашивали мы то одного, то другого, и они съ удовольствіемъ дѣлились съ новыми свѣжими людьми, разсказывая намъ все, что видѣли и пережили до момента раненія и отъѣзда съ позицій. Въ тоже время сами съ большимъ удовольствіемъ разспрашивали о родинѣ...

Большинство были стрѣлки, израненные ружейными пулями въ жаркомъ бою подъ Вафангоу; у нѣкоторыхъ были по 4—5 и болѣе уже совершенно зажившихъ ранъ. Разстегивая рубашки, они спокойно показывали намъ больныя мѣста.

— „Стрѣляетъ, бестія, прямо—какъ угорѣлый,

безъ всякаго разбора. Жарить и жарить пачками, что горохомъ посыпаетъ, а на штыкъ не идетъ... Солдаты разные у него, все равно что перемѣшанные, то молодые, какъ мальчишки, а то ужъ чуть не старики старые попадаютъся. Наши все норовятъ по Суворовски ползкомъ, да въ штыки, а онъ, не тутъ то было: жарить изъ пулеметовъ, посыпаетъ окаянный, какъ горохомъ, даже злость беретъ“...

Такъ повѣствовалъ намъ раненый съ блѣднымъ, на половину забинтованнымъ лицомъ. Впечатлѣніе было новое и весь остатокъ дня былъ проведенъ въ разговорахъ и предположеніяхъ о войнѣ.

— „А все таки Шурки, моего дорогого гостя, нѣтъ сегодня со мной. Въ Омскѣ теперь онъ, съ матерью навѣрно бесѣдуетъ“—съ грустью проговорилъ Теркачевъ, когда разговоры о войнѣ почти совсѣмъ прекратились и большая половина вагона предалась уже крѣпкому сну.

По Сибири.

25 Іюля.

Не доѣзжая до станціи Каинскъ, на разѣздѣ, расположенномъ среди открытыхъ зеленыхъ полей, командиръ полка, полковникъ Заіончковскій, обходя весь эшелонъ, привѣтливо здоровался, заботливо освѣдомляясь о здоровьи нижнихъ чиновъ. Подойдя къ двери нашего вагона, послѣ привѣтствія и послѣ дружнаго отвѣта, онъ съ улыбкой сказалъ:

— „Ну, а вы, писатели, какъ себя чувствуете? Ничего? Ну, славу Богу“. Послѣ чего, дойдя до группы офицеровъ, стоящихъ около своего вагона, приказалъ адъютанту вывести всѣхъ лошадей и вызвать желающихъ ѣхать верхомъ до Каинска. Прекрасная мысль съ его стороны вызвала въ душѣ

каждаго изъ насъ одобреніе, такъ какъ можно себя представить удовольствіе бѣдныхъ животныхъ, которыя, послѣ столькихъ дней непонятнаго для нихъ заточенія въ вагонахъ, будутъ имѣть возможность пробѣжать разстояніе около 10—12 верстъ по зеленымъ, залитымъ яркимъ солнцемъ полямъ.

Конечно, желающихъ оказалось больше, чѣмъ имѣлось въ наличности лошадей, и вотъ, вся эта обезоруженная кавалерія, во главѣ съ полковымъ адъютантомъ, поручикомъ Никольскимъ, двинулась по направленію къ станціи Каинскъ. Кстати замѣчу, что нѣкоторыя лошади, почувствовавъ себя неожиданно на свободѣ, сдѣлались точно сумасшедшія и ихъ очень трудно было обуздать. Какъ только кто либо захочетъ сѣсть верхомъ, такъ она игриво падаетъ на землю и начинаетъ валяться и тотъ еле успѣваетъ отскочить, чтобы не очутиться подъ ней.

Одна лошадь вырвавшись, ни за что не давалась въ руки и скакала, какъ угорѣлая, по полю, а когда изъ гоняющихся за ней обозныхъ, одинъ ухитрился было поймать ее, то она, въ одинъ моментъ вскочивъ на дыбы, сбила его подъ себя и начала бить ногами и, если бы не подоспѣлъ болѣе ловкій ветеринарный фельдшеръ, то дорого бы обошлась бѣдному обозному его оплошность.

На станціи Каинскъ стояли довольно долго, чему, конечно, мы были очень рады. У мальчугана на платформѣ я купилъ газету „Степной Край“ и, избравъ тѣнистый уголокъ около станціоннаго палисадника, усѣлся читать, на сложенныхъ бревнахъ. Вокругъ меня собралась кучка однополчанъ и поэтому читать уже пришлось вслухъ. Во время чтенія къ нашему кружку присоединились два-три мѣстныхъ жителя сибиряка, съ явнымъ интересомъ послушать чтеніе. Затѣмъ начался оживленный разговоръ о прочитанномъ, а далѣе перешли на разговоръ, о житьѣ-бытьѣ туземцевъ.

— „Урожаемъ, братъ ты мой, насъ Богъ не обижаетъ! Съешь одинъ, а убирать иной разъ всѣмъ поселкомъ надо... А что покосовъ, такъ покосы мы

не мѣряемъ и не дѣлимъ! Вонъ, видишь, ея зеленой матушки сколь Богъ послалъ!—говорилъ туземецъ-старичекъ, спокойно поглаживая бороду, и устремляя свой взоръ на зеленые, необразимые поля, тихо волнующіяся какъ дремлющее море. Благодарное чувство удовольствия, наполнявшее его сердце, замѣтно отражалось на загорѣломъ лицѣ.

— „Вотъ, какъ придетъ пора косить,—сядешь верхомъ на коня да и поѣдешь облюбовывать себѣ покось, гдѣ только душѣ твоей угодно, а потомъ, какъ облюбуетъ, вѣху поставишь, длинную съ краснымъ аль бѣлымъ лоскутомъ... Ужъ тогда никто не пожелаетъ косить на томъ мѣстѣ, потому разъ стоитъ вѣха, значитъ мѣсто облюбовано... Косишь, чтобъ до новой хватило... Только покось у насъ страсть тяжелый! Потому, разъ другой махнешъ и косу точи; не столь косишь, сколь точишь,—густа уже больно!“...

Послѣ этого разсказа, другой крестьянинъ, сидѣвшій съ нимъ рядомъ, говоритъ, третій годъ не успѣваетъ собирать весь посѣянный имъ хлѣбъ.

— „Сѣешь, думается, кажись немного, а уродить его Богъ, собрать—рукъ не хватаетъ!..“

Мы долго говорили на эту тему, и видно было, что они съ удовольствіемъ отвѣчали на наши вопросы.

Подошелъ къ намъ киргизъ, смуглый, увѣшанный веревками и ремнями. Разстегнувъ воротъ, онъ преспокойно сѣлъ, не обращая ни на кого вниманія, и началъ ѣсть, накрошивъ прямо на бревнѣ, что то вродѣ печенки.

— „Нашъ, ишь!“—проговорилъ онъ, видя, что я пристально разсматриваю его, подавая мнѣ кусокъ насаженный на конецъ ножа. При этомъ повернулъ ко мнѣ свое потное лицо съ выдающимися скулами.

На платформѣ играла музыка и, по обыкновенію, собрала вокругъ себя порядочную и разнообразную толпу и жарила, что называется во всю—

не то вальсъ, не то маршъ, прямо на память безъ всякихъ нотъ.

26 іюля утромъ на станціи Дуплевская пришло на мысль поинтересоваться,—сколько мы проѣхали со дня посадки въ вагоны, и оказалось, что отъ Чудова мы отдалились на 3664 версты, а до Иркутска по Сибирской дорогѣ еще осталось 1799 верстъ. Въ общемъ, приходится на каждый проведенный въ пути день что то около 230 верстъ. Часовъ около четырехъ переѣхали рѣку Обь и по крутой насыпи прибыли въ г. Новониколаевскъ. Здѣсь снова дневка и снова представился случай отправиться въ баню.

Болѣе шести часовъ стояли 28 іюля на станціи Тайга, которая окружена множествомъ построекъ. Громадное желѣзнодорожное депо и прекрасный вокзалъ съ примыкающей вѣтвью на Томскъ способствовали, вѣроятно, нѣкоторому развитію этого пункта. Народъ здѣсь довольно приличнаго городского типа. Поѣзда почти ежеминутно приходятъ и отходятъ. Въ слѣдующихъ съ востока на западъ пассажирскихъ поѣздахъ видны исключительно женщины и дѣти. Но болѣе всего тянутся пустыми длинными вереницами воинскихъ теплушекъ товарные поѣзда.

Сегодня впервые встрѣтился поѣздъ съ плѣнными японцами, но только не пришлось разсмотрѣть ихъ вблизи. Едва поѣздъ ихъ пріостановился, нашъ эшелонъ отправился далѣе. Въ общемъ, они насъ такъ не интересуютъ, какъ свои собратья — раненые, встрѣчающіеся въ санитарныхъ поѣздахъ, отъ которыхъ мы узнаемъ многое о дѣйствіяхъ и жизни на боевыхъ поляхъ.

Раньше, читая про Сибирь, я воображалъ ее иначе. Представлялъ я ее въ какомъ то сказочно-ужасномъ видѣ, съ непроходимыми лѣсами, переполненными массой различнаго звѣрья, но въ дѣйствительности, нѣтъ ничего подобнаго. Очень обыкновенная, разнообразная зеленая страна, малонасе-

ленная и только; по крайней мѣрѣ, близъ желѣзной дороги, но не знаю, конечно, что дальше.

Да и воображеніе не работаетъ о томъ, что изъ себя представляетъ глубь всѣхъ встрѣчающихся на пути губерній. По обѣимъ сторонамъ, — хотя бы вотъ въ районѣ станціи Тайга, — зеленые и ровные поля съ группами мелкаго березняка, да извивающіяся ленты рѣкъ и озеръ, какъ и въ Европейской Россіи. Всюду небольшіе конные разъѣзды; у желѣзнодорожныхъ мостовъ выстроены казармы и стоитъ караулъ пограничной стражи, какой бы величины мостъ ни былъ.

29 іюля проснулись рано; было совершенно темно въ наглухо закрытомъ вагонѣ. Немного поболтали, продолжая лежать каждый на своемъ мѣстѣ. Сквозь щели дверей виднѣлся яркій дневной свѣтъ, который, прорѣзая свѣтлыми полосками тьму вагона, слабо обрисовывалъ лежащую фигуру. Прикоснувшись рукой къ желѣзному люку окна, я убѣдился, что насталъ новый жаркій день. Кругомъ насъ была полная тишина и, казалось, что нашъ вагонъ забытъ гдѣ то, среди тихой и необитаемой пустыни. Никто изъ сослуживцевъ не торопился встать и удостовѣриться, гдѣ мы находимся, такъ какъ это было для насъ совершенно безразлично. Главное было то, что кругомъ насъ царила рѣдкая въ пути тишина и, наслаждаясь ею, отдыхая отъ обычнаго стука и грохота, мы продолжали оставаться на своихъ мѣстахъ.

— „Братцы!.. Ужъ не оторвались ли мы отъ поѣзда ночью?.. Что то ужъ больно тихо, и голоса человѣческаго не слышно!“ — произнесъ скороговоркой Чернаковъ. Громкій взрывъ хохота раздался на его слова. Въ это же самое время раздалось дружное вдали: „здравія желаемъ ваше высокоблагородіе!“ Кто то живо вскочилъ, съ шумомъ открылъ окно и крикнулъ:

— „Командиръ обходить, вставай!..“

Всѣ повскакали со своихъ мѣстъ; распахнулись

окна и двери, и яркій свѣтъ залилъ нашу походную хижину въ полномъ ея ночномъ развалѣ.

Поднялась суматоха. Наскоро одѣваясь, мы торопились привести кое что въ должный порядокъ. Только двое-трое оставались лежащими, не считывая на свою расторопность. Несмотря на то, что насъ не могло за это постигнуть наказаніе со стороны командира полка, все-же никому не хотѣлось представиться разстрепаннымъ и полуодѣтымъ и, поэтому, каждый спѣшилъ сдѣлать ему удовольствіе своей опрятной наружностью и бодрымъ видомъ.

Всего только нѣсколько мѣсяцевъ командовалъ онъ полкомъ, но уже всѣхъ людей сумѣлъ расположить въ свою пользу. Его любилъ уже полкъ своей безмолвной и сильной любовью, столь важной для каждаго начальника, какой бы то ни было отдѣльной части, въ особенности, ѣдущей на Дальній Востокъ. Главная причина этой любви, по моему мнѣнію, заключалась въ ровномъ, справедливомъ и внимательномъ отношеніи его къ подчиненнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

— „Какъ здоровье, братцы?.. Это кто тамъ зарылся съ головой,—развѣ у васъ мухи есть въ вагонѣ“ — громко, веселымъ тономъ, спрашивалъ онъ послѣ привѣтствій, осматривая почти каждаго изъ насъ.

— „На воздухъ, на воздухъ, братцы... Пользуйтесь случаемъ, пока поѣздъ стоитъ... Нечего сидѣть въ вагонѣ“ — добавилъ онъ, направляясь далѣе, и мы высыпали на небольшую, залитую лучами яркаго солнца, платформу станціи Маринскъ.

Неизвѣстно откуда взялся бродячій парикмахеръ и давай брить всю нашу братію по 3 копѣйки съ человѣка, усаживая на большое круглое полѣно. Дѣлалъ онъ это такъ быстро и искусно, что собралъ вокругъ себя громадную толпу, желающихъ привести свою фізіономію въ порядокъ.

На станціи Суслово былъ обѣдъ, но уже не на питательномъ пунктѣ, а изъ собственной походной

кухни, которая помѣщена въ одномъ изъ вагоновъ и ея труба проведена въ окно. Въ ней приготовляютъ ежедневно великолѣпный обѣдъ, какого мы никогда не получали ни на одномъ изъ питательныхъ пунктовъ. На станціи Боготолъ стояли часа два и, какъ я узналъ, — проѣхали отъ Челябинска уже 1707 верстъ, а разница во времени съ Петербургомъ на 4 часа 20 минутъ.

30 іюля мѣстность рѣзко измѣнилась и вмѣсто ровныхъ полей появились различнаго вида горы, кое гдѣ покрытыя хвойными и лиственными деревьями

Поѣздъ извивается межъ ними и, то очень медленно, то довольно быстро, катится по одноклейному вырубленному въ горахъ пути. Иногда кажется, что вотъ, вотъ сорвавшись съ рельсъ, поѣздъ полетитъ подъ крутой откосъ въ глубокую пропасть. При одной этой мысли дѣлается страшно; голова кружится, когда пристально вглядываешься въ зеленую пучину лѣсовъ, мелькающихъ внизу подъ откосомъ. Иногда замѣтно, какъ паровозъ, напрягая всѣ силы, тихо тащитъ длинный хвостъ вагоновъ на подъемъ; визжатъ колеса, гремятъ сцепленія. Но, вотъ, уклонъ, и паровозъ уже старается своимъ постоянно работающимъ тормазомъ, сдерживать всю тяжесть накатывающагося на него состава, а колеса отъ сильнаго вращенія, какъ бы припрыгиваютъ, ударяясь о спайки рельсъ.

Въ общемъ, припоминается Уралъ...

Въ половинѣ пятаго прибыли на станцію Красноярскъ и здѣсь я опять могъ спокойно любоваться высокими и ровными горами, теряющимися въ облакахъ. Мѣстность намъ всѣмъ понравилась. Городъ находится между высокихъ цѣпей горъ, и мимо его протекаетъ Енисей, въ зеленыхъ и крутыхъ берегахъ. Черезъ него мы вечеромъ переѣхали по желѣзнодорожному мосту и, свернувши влѣво, покатали по вырубамъ въ горахъ. Смѣняя одна другую, горы стѣной стояли съ правой стороны, а слѣва, бѣлая въ темно-зеленыхъ берегахъ, спокойно дремалъ Енисей.

Чудные виды ежеминутно смѣнялись одинъ другимъ, и только спустившійся вечеръ оторвалъ насъ отъ созерцанія этихъ дивныхъ природныхъ красотъ, окутывая все постепенно однообразной и темной пеленой.

31 іюля, послѣ обѣда на станціи Канскъ, я принялся за чтеніе давно начатой книги „Камо грядеши“, но, послѣ не болѣе десятка страницъ, положилъ ее снова на полку. Очень удивляюсь обстоятельству, что совершенно не могу читать, несмотря на то, что я большой любитель чтенія...

Весь день идетъ разговоръ о войнѣ, о жизни на Востокѣ и всѣ вѣрятъ въ скорое ея окончаніе, въ побѣду надъ врагомъ; кто то даже рисовалъ картину возвращенія нашего въ Новгородъ.

Еще не доѣхали до назначенной судьбой цѣли, нисколько не знакомы съ положеніемъ вещей на Востокѣ; все будущее, быть можетъ ужасное, всѣ труды, невзгоды, лишенія, о которыхъ мы не имѣемъ даже никакого представленія,—впереди, но воображеніе—удивительно,—успѣваетъ даже работать и надъ картиной возвращенія.

Несмотря на то, что все покрыто таинственнымъ и жуткимъ мракомъ неизвѣстности, мысль человѣческая идетъ далеко впередъ. Одно скажу я самъ себѣ: какъ Богу угодно,—такъ пусть и будетъ и, чѣмъ скорѣе мною будетъ сыграна на землѣ роль, въ сложной общечеловѣческой жизненной драмѣ, тѣмъ лучше.

1 августа всѣ мы получили радостную вѣсть съ далекой отъ насъ родины, которая какъ бы встряхнула насъ, ободрила и влила новыя силы въ наши сердца. Въ 2 часа 15 минутъ, какъ только эшелонъ остановился на станціи Нижнеудинскъ, рѣзко бросилось въ глаза какое то необыкновенное оживленіе.

До насъ прибыли сюда второй и третій батальоны полка и почти всѣ нижніе чины и офицеры находились на платформѣ. Выйдя изъ вагона первымъ, командиръ полка, поздоровался со всѣми, затѣмъ, выслушалъ что-то отъ начальника одного

изъ эшелоновъ. Всѣ почувствовали что то особенное, необычайно-важное во всемъ окружающемъ.

— „Смирно!“—громко скомандоваль онъ, и всѣ, въ ожиданіи услышать что то новое и интересное, казалось, какъ бы застыли, а громкій голосъ командира, радостно и отчетливо раздаваясь въ тихомъ воздухѣ, оповѣстилъ:

— „Поздравляю васъ, братцы, съ рожденіемъ Наслѣдника Престола Великаго Князя Алексѣя Николаевича!“

Мертвая тишина смѣнилась бурей отвѣта, на столь радостное и пріятное поздравленіе. Изъ не одной тысячи грудей моихъ собратьевъ вырвался этотъ радостный крикъ, громовымъ и надолго несмолкаемымъ „ура“, перемѣшавшимся съ звуками гимна. У нѣкоторыхъ блестяли слезы радости; такъ дорога и такъ близка была для насъ эта великая вѣсть съ далекой родины. Было извѣстно, что стоимъ часа три и, поэтому, представлялось возможнымъ посмотреть городъ. Я, Борцовъ и Широховъ, расхаживали по кривымъ и грязнымъ улицамъ, гдѣ вполнѣ возможно незнакомому, да ночью, сломать ноги, и весело разсматривали все попадавшееся намъ на глаза. Все вокругъ насъ казалось веселымъ и смѣшнымъ,—вѣроятно, отъ радостно-праздничнаго настроенія, вызваннаго пріятной вѣстью.

Большая беспорядочная деревня, по ошибкѣ названная городомъ, не представляла изъ себя ничего интереснаго, и мы сосредоточивали все свое вниманіе на комическихъ вывѣскахъ, намалеванныхъ доморощенными живописцами.

Одна, напримѣръ, изображала: черную высокую фигуру, которая держала въ одной рукѣ что то въ родѣ согнутаго угольникомъ аршина, а передъ ней сидѣла другая, толстая, въ жилетѣ и бѣлой рубашкѣ. Нижняя часть лица сидящей фигуры была небрежно измазана бѣлой краской. Эта вывѣска изображала парикмахера за бритьемъ лица своего кліента. Слѣдующая, изображала высокаго чело-

вѣка, неимовѣрно широко разставившаго ноги. Перекинувшись назадъ, онъ замахнулся длиннымъ топоромъ, надъ какой то безформенной красной массой, и закрылъ топоромъ часть буквъ, написанныхъ вверху такъ, что можно было только прочесть: „Мяс-ая“.

Долго расхаживать было нельзя и мы поспѣшили въ вагонъ, гдѣ шелъ оживленный разговоръ между сослуживцами. Есть вѣсти, что генераль Линевицъ, гдѣ то, съ небольшой частью войска, пробрался въ тылъ японцамъ и очень удачно нанесъ имъ нѣкоторое пораженіе. Вообще,—славный день пріятныхъ вѣстей и впечатлѣній!..

Черезъ Байкаль.

— „Выходите изъ вагоновъ!.. Выходите изъ вагоновъ“—раздалось въ тишинѣ ночи на 6 августа, послѣ громкаго стука въ вагонную дверь.

— „Сейчасъ вагоны подавать назадъ нужно... Живо, вылѣзть и выносить вещи!“—кричалъ низенькаго роста офицеръ, вѣроятно, помощникъ коменданта станціи. Мы быстро повскакали; суетясь, полуодѣтые выносили всѣ свои вещи и складывали ихъ въ безпорядкѣ въ одну кучу, къ высокой стѣнѣ какого то зданія.

Было ровно три часа ночи, а темное свинцовое небо начинало уже замѣтно бѣлѣть. Очистивъ совершенно вагонъ, мы стояли около вынесенныхъ вещей, приходя въ себя, послѣ прерваннаго и только было вошедшаго въ силу крѣпкаго сна.

Это была станція Байкаль, гдѣ мы должны садиться на ледоколъ, т. е. огромный четырехъ этажный пароходъ.

Когда пути очистились и нашъ поѣздъ отодвинулся назадъ, я, оглядѣвшись кругомъ, къ неволь-

ному удивленію своему замѣтилъ, что мы находимся вовсе не у зданія. Поднимая голову все выше и выше, при наступившемъ слабомъ утреннемъ свѣтѣ, я рассмотрѣлъ, что стою у вырубленной горной каменной стѣны, теряющейся вершиной гдѣ то далеко, въ бѣлесоватой выси начинающагося утра. Мы находились въ гигантскомъ каменномъ жолобѣ, шириною въ три, или четыре пути рельсъ, упاداющемъ въ воды Байкала прямой, отвѣсной стѣной. Безмолвно разглядывая эту мощную, грозно-красивую обстановку, я, повернувшись направо, вышелъ на низкую деревянную платформу, послѣ которой уже слѣдовала пристань, а за ней, какъ зеркало, разстилалась необозримая водная ширь, окутанная предразсвѣтнымъ утреннимъ туманомъ.

Вдоль длинной деревянной платформы, среди сложенной въ безпорядкѣ амуниціи, расположились цѣлыхъ два эшелона нашего полка; полулежа, и сидя, и стоя, любовались всѣ грандіознымъ видомъ, окружающимъ насъ. Появились чайники и многіе занялись чаепитіемъ. Дѣлалось свѣтлѣе и свѣтлѣе и для насъ открывалась, все болѣе красивая, невиданная даль.

Я увидѣлъ почтовый ящикъ и, вынувъ изъ вещевого мѣшка записную книжку, въ которой были открытки, растянувшись на животѣ, написалъ дорогимъ своимъ родственникамъ, что вотъ, сейчасъ садимся на ледоколъ. На сердцѣ сдѣлалось легко и весело, какъ будто они услышали мои слова и будутъ тоже видѣть все это чудное и красивое, плѣнившее меня до глубины души. Какъ будто эти, написанныя мною слова, они уже прочли и точно также рады тому, что я живъ и здоровъ, въ это туманное утро на берегу священнаго озера Байкаль; кажущагося маленькимъ и неровнымъ пятнышкомъ на географической картѣ. А сейчасъ,—я сижу на скалистомъ берегу этого маленькаго пятнышка и ожидаю прибытія ледокола...

— „Идетъ!.. Идетъ!..“ — раздалось впереди и, вскочивъ, мы увидѣли, что-то громадное, какъ

гора, выдвигается изъ тумана по гладкой поверхности спокойныхъ водъ; все ближе, ближе къ отвѣсному берегу. Когда пароходъ причалилъ кормовой частью, по сцѣпленнымъ съ палубой и берегомъ рельсамъ, паровозъ сталъ вкатывать въ него вагоны съ грузомъ, точно въ желѣзнодорожное депо. Лошадей вводили по высокимъ мосткамъ на верхнюю палубу и привязывали къ периламъ.

Я очутился тоже на верху и, озираясь на сіяющія подъ солнцемъ воды, съ восторгомъ, посматривалъ по сторонамъ и любовался на громадныя горы, окружающія высокой стѣной озеро. Съ вышины ледокола вырубъ въ горѣ, изъ котораго мы только что вошли сюда, казался очень маленькимъ и даже совершенно терялся изъ вида.

Всего въ ледоколъ погрузили 24 вагона съ грузомъ, 200 лошадей и около 2000 человекъ ниж. чиновъ, и вся эта нагрузка, происходила не болѣе 20 минутъ. Этотъ ледоколъ называется „Байкаль“, курсируетъ отъ ст. Байкаль, до ст. Танхой, дѣлая 41 версту. Другой, такой же, подъ названіемъ „Ангара“, ходитъ до ст. Мысовая, на разстояніи около 60 верстъ. И тотъ, и другой дѣлаютъ по четыре рейса въ сутки, почему особенной задержки въ перевозкѣ нѣтъ. Кругобайкальская дорога будетъ окончена, какъ говорятъ, въ сентябрѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ самыхъ трудныхъ тоннелей.

Ровно въ четыре часа утра, мы отошли отъ берега и весь этотъ великанъ какъ бы заворчалъ отъ быстро вращающихся внутри его машинъ. Оставляя послѣ себя длинную, ровную, темную полосу на зеркальной поверхности, онъ быстро безъ всякаго колебанія заскользилъ, отдаляясь отъ горнаго, теряющагося въ пространствѣ, берега.

Господи, какъ хорошо!..—невольнo вырвалось у меня какъ бы изъ самаго сердца и я весь ушелъ въ созерцаніе еще никогда невиданнаго мною величія природы. У меня явилось страстное желаніе запечатлѣть въ собственной памяти все видѣнное

въ это чудное въ моей жизни утро, и я съ грустью въ душѣ пожалѣлъ, что не имѣю силъ и словъ записать такъ ярко все это чудное, красивое и величественное, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ.

У меня въ рукахъ оказалась записная книжка, изъ которой я вынулъ одну открытку съ видомъ ледокола и съ написаннымъ уже адресомъ въ Новгородъ, одному изъ близкихъ мнѣ друзей. Очинивъ карандашъ, чтобы болѣе можно было уписать на пробѣлахъ, я началъ пробовать передать ему свой восторгъ въ рифмованныхъ строкахъ и, къ моему удовольствію, вышло слѣдующее:

Тебѣ, о Новгородъ великій,
Я шлю съ Байкала свой привѣтъ!..
Любуюсь здѣсь природой дикой.
Я вижу новый, чудный свѣтъ.
Но, нѣтъ!.. Былое вспоминая,
Я дикой не прельщусь красой,
И дни въ пути переживая,
Я мчуся въ Новгородъ душой.

— „Ты что тутъ чертишь?.. Корреспондентъ царя небеснаго; пишушій о небѣ, о воздухѣ и читающій свои сплетенія небу и воздуху!.. Они, не критикуя, тебя слушаютъ и, увѣряю, будутъ слушать терпѣливо и ты имъ не надоѣшь!“—заглядывая мнѣ черезъ плечо, говорилъ смѣющийся Селезневъ.

— Павликъ! — крикнулъ я отрываясь отъ письма,—Посмотри кругомъ,—гдѣ мы?.. Куда мы ѣдемъ?..

— „Конечно домой... А ты куда же думаешь?.. Что ты глаза то расширилъ,—или воды увидѣлъ много—такъ и обрадовался? Чудакъ ты, право, а не солдатъ!.. Садись лучше!“..

И мы сѣли съ нимъ рядомъ на палубу.

— Это ты не про вѣчный ли домъ толковать вздумалъ?—спросилъ я его, смѣясь.

— „А ты, что же думаешь? Не мечтаешь ли еще разъ прокатиться по Байкалу?.. Шалишь, дружище!“—добавилъ онъ съ грустной улыбкой, и мы долго сидѣли молча, занятые собственными мыслями.

— Ну, а можетъ быть еще разъ придется прокатиться по Байкалу; съѣздить въ гости къ жизни и повидаться съ ней!.. Чѣмъ-то она угоститъ насъ тогда, и какъ то приметъ въ свои объятія... Какъ, вѣдь недурно?—спросилъ я.

— „Да, не дурно, только шабашъ тебѣ кататься на ледоколѣ... Понялъ?“...

Заинтересованный его прочествомъ и таинственнымъ видомъ я приставалъ съ разспросами.

— „Да потому, что кругобайкальская дорога тогда будетъ!.. Ну, вотъ и отвяжись!“...

Онъ всталъ и, смѣясь, направился на другую сторону палубы. Вскорѣ сталъ вырисовываться противоположный берегъ, къ которому мы приближались очень быстро. Высокія горы уже сѣрѣли okayмленныя мѣстами, какъ бы темно-зеленымъ бархатомъ.

Выйдя на каменистый берегъ, мы какъ и прежде размѣстились въ вагонѣ и, уложивъ вещи, устремились на берегъ. Вода, какъ движущееся прозрачное стекло, сквозь которое было видно каменистое, неровное дно, на двухсаженной глубинѣ,—доставила намъ не малое удовольствіе. Какъ малые дѣти, мы съ наслажденіемъ купались въ прохладной водѣ Байкала, а приходившія за водой женщины, поглядывая издали на насъ, говорили:

— „Ишь, милые солдатики, какъ весело моются въ священномъ нашемъ Байкалѣ... А вотъ мы, какъ родились, такъ только пить беремъ изъ него воду!“...

Въ четыре часа дня мы двинулись далѣе по каменистому берегу. По лѣвую сторону все время красовался тихій и ровный Байкалъ, а справа высокія, какъ стѣны, смѣняя одна другую, красивыя сѣрыя скалы.

По Забайкалью и по Маньчжуріи.

7 августа.

Увиваясь межъ зеленыхъ, ровныхъ холмовъ и горъ, поѣздъ мчится по направленію къ ст. Чита...

Горы здѣсь совершенно гладкія и зеленыя, безъ всякаго лѣса и безъ выступовъ каменныхъ породъ. Въ 6 часовъ вечера мы остановились на ст. Чита, гдѣ предстояла въ нѣсколько часовъ остановка.

Здѣсь двѣ станціи, одна—Чита, на которой остановились мы, другая „городъ“ въ разстояніи двухъ верстъ. Туда ходитъ спеціальной поѣздъ въ два три вагона.

Выйдя на платформу и не видя никого изъ своихъ сослуживцевъ, я рѣшилъ отправиться одинъ впередъ по линіи, такъ какъ спеціальный поѣздъ въ городъ, долженъ идти черезъ часъ. Меня догналъ на полпути полковой псаломщикъ Дюбинъ и мы отправились съ нимъ вмѣстѣ. Перейдя небольшой желѣзнодорожный мостъ, мы добрались и до небольшой бѣлой каменной станціи, на которой было много гуляющей публики, офицерства и нашей братіи. Вдоль зеленого пустыря, открывающагося сзади вокзала, начинался рядъ различныхъ лавокъ, гдѣ мой спутникъ закупилъ разныхъ съѣдобныхъ припасовъ и сталъ тащить меня обратно. Я купилъ лимонъ, французскую булку и три открытыхъ письма, заплативъ за все это тридцать пять копѣекъ и рѣшилъ вернуться, такъ какъ впереди интереснаго ничего не предвидѣлось. Какъ разъ въ это время на станціи стояли обратно идущіе вагоны мѣстнаго поѣзда, куда мы и забрались, чтобы не идти пѣшкомъ, да къ тому-же, плата съ нижнихъ чиновъ за это не взималась.

Возвратясь въ свой вагонъ, я нашелъ одного Бандорина, который объяснилъ, что рядомъ со станціей есть желѣзнодорожный театръ, куда пригла-

силы нашъ хоръ музыки и что туда отправились всѣ наши писаря. Пошелъ и я. Оказалось, что тамъ былъ дѣтскій танцевальный вечеръ съ платою со взрослыхъ по 50 коп. но меня посмотрѣть пропустили безпрепятственно, принявъ, въ началѣ, вѣроятно, за музыканта. Полный залъ танцующей разодѣтой дѣтвы, веселой и радостной, производилъ довольно пріятное впечатлѣніе; всѣ очень увлекались, танцуя подъ любимую вообще дѣтьми военную музыку.

Когда я вернулся въ вагонъ, послѣ только что видѣннаго мною веселаго дѣтскаго праздника, то почувствовалъ нѣкоторую тяжесть въ душѣ. Долго думалъ я, что тамъ, гдѣ рѣкою льется русская кровь и, русскій солдатъ, изнемогая, терпѣливо переносить всѣ труды и невзгоды, вѣроятно, нѣтъ такихъ веселыхъ и жизнерадостныхъ лицъ и не слышится такихъ чарующе-игривыхъ мелодій...

Въ одиннадцать часовъ мы покинули станцію Читу...

Очень часто попадаютъ зеленые санитарные поѣзда, да то и дѣло, пережидая насъ на станціяхъ и разъѣздахъ, стоятъ длинныя цѣпи пустыхъ вагоновъ, съ открытыми настежь дверьми. Разгрузились, доставили по назначенію полный жизни и молодыхъ силъ живой грузъ и спѣшно передвигаются снова за славными, русскими силами.

Тянутся однообразныя, дикія Забайкальскія степи. Дикими я ихъ называю потому, — что не видно нигдѣ человѣческаго жилья. Гладкія, зеленыя, съ массой какихъ то маленькихъ звѣрьковъ, какъ будто сусликовъ, которые, при проходѣ поѣзда, становятся на заднія лапы и преспокойно посматриваютъ на насъ. На ст. Оловянная мнѣ сказали, что этихъ звѣрьковъ здѣсь очень много и что ихъ называютъ тарабаганы. Мѣстные жители Буряты охотятся за ними и, сдирая съ нихъ шкуры, продаютъ приѣзжающимъ для этой цѣли скупщикамъ. Встрѣчается много китайцевъ, работающихъ въ ремонтѣ по ли-

ніи, и я спросилъ одного, сколько онъ получаетъ, получилъ лаконическій отвѣтъ: „Лупъ листь“.

9 августа утромъ, прибыли на станцію Маньчжурія, гдѣ были уже два нашихъ эшелона. Громадное движеніе, суетня многолюднаго вокзала, напоминають станцію Иннокентьевскую. Здѣсь строится новый вокзалъ, на постройкѣ котораго работаютъ преимущественно китайцы. Зайдя во внутрь одного изъ отдѣляемыхъ помѣщеній, я увидѣлъ молодого китайца, который, глядя стекляннѣйшей рамѣ и подоконники, уныло напѣвалъ какую то мелодію, на своемъ гортанномъ языкѣ. Взглянувъ на меня, онъ съ улыбкой запѣлъ еще шибче, видя, что я съ интересомъ слушаю его крикливую, отрывочную, непонятную для меня пѣсню.

Близъ самой станціи очень много разнаго рода и разной величины лавокъ и ресторановъ, въ которыхъ стоитъ на все страшная дороговизна. Справляясь о цѣнахъ, я купилъ для нашей компаніи 4 фунта сахара по 26 коп. за фунтъ.

Всему эшелону была перегрузка и пересадка и мы, перекрестясь въ сторону родной земли, вечеромъ покатали по Китайской Восточной желѣзной дорогѣ.

Мѣстность однообразная и скучная. Скалистыя горы менѣе красивы, чѣмъ предыдущія. Проѣхали большой тоннель, длиною въ 3 версты и поѣздъ шелъ подъ землей около 16 минутъ, очень тихо. Иногда съ шумомъ ударялась о тонкую желѣзную крышу вагона вытекающая изъ горы вода. Много вновь строящихся станцій, на которыхъ работаютъ китайцы, а сегодня, на паровозѣ встрѣтился исполняющій должность кочегара—китаецъ; въ этой же роли попадаютъ они и на встрѣчныхъ поѣздахъ.

Послѣ станціи Хайларъ потянулась зеленая, безконечная равнина, скучная, гладкая и однообразная. Послѣ пересадки на станціи Маньчжурія мы

всѣ замѣтно измѣнились въ отношеніи одинъ къ другому. Серьезнѣе и положителнѣе стали разсуждать о предстоящемъ будущемъ, дѣлаясь и согласнѣе и предупредительнѣе.

— „Да, распрощались съ послѣднимъ уголкомъ родной земли и теперь ѣдемъ по чужой необозримой пустынѣ“,—говорили нѣкоторые.

Частые разъѣзды пограничной стражи почти то и дѣло попадаютъ на пути. Встрѣчаются ихъ небольшія каменные казармы, обрытыя земляными валами. Около каждого сторожевого поста стоятъ сигнальные шесты, съ прикрѣпленными къ нимъ ракетами, на случай вызова подмоги съ ближайшихъ постовъ. Вообще, замѣтно усиленное военное положеніе и даже у каждой отдѣльной постройки на линіи устроены наблюдательный постъ. Посты эти вышиною въ пять и болѣе саженей, на деревянныхъ столбахъ, гдѣ и стоятъ часовые, посматривая по сторонамъ.

На станціи Цицикаръ, разговорившись съ однимъ изъ пограничниковъ, я узналъ, что бываютъ очень частыя нападенія хунхузовъ, которые стараются, разрушить линію, ограбить и завладѣть оружіемъ пограничниковъ. Вообще, свою службу называлъ онъ тяжелой и опасной. Приходится стоять среди поля, у какого либо моста желѣзной дороги, и вполне можно не успѣть дать сигналъ ночью, въ моментъ нападенія шайки хунхузовъ.

— „На прошлой недѣлѣ, —разсказывалъ онъ, — днемъ зарѣзали одного пограничника, отняли оружіе, не дали добѣжать ему трехъ-четырехъ шаговъ до сигнальнаго шеста... Послѣ, верстъ десять гнали за ними, но не могли догнать!“

Впередъ подвигаемся очень медленно, потому, что много встрѣчныхъ порожнихъ поѣздовъ и почти на каждой станціи и разъѣздѣ приходится долго стоять пережидая.

13 Августа день пасмурный съ утра, а послѣ полудня, съ мелкимъ и частымъ дождемъ, скучный и довольно прохладный. Проснувшись утромъ, мы

узнали, что до Харбина осталось ровно 80 верстъ. Но, прошелъ цѣлый день и, только къ десяти часамъ вечера, я узналъ, что мы проѣхали около тридцати верстъ. Почти безвыходно сидимъ въ вагонѣ изъ за дождя, который безостановочно моросить весь день.

На станціи Сунъ, я взялъ чайникъ и побѣжалъ за кипяткомъ. Сердитый китаецъ, весь измазанный въ сажѣ, отопливающий водогрѣйку, остановилъ меня, когда я только дотронулся до одного изъ крановъ.

— „Не тарога, кибатока сирая, капитана ру-гайца,—сачимъ сардата тарогай сирая кибатокъ!“— строго закричалъ онъ и я пошелъ обратно ни съ чѣмъ, по мокрой отъ дождя платформѣ.

Въ Харбинѣ.

14 августа.

Проснулись въ Харбинѣ.

Наконецъ то, добрались,—подумалъ я и, одѣвшись, заторопился на почту. Я предполагалъ получить тамъ одно, а можетъ быть даже и нѣсколько писемъ, адресованныхъ на мое имя. Вскочивъ изъ вагона, я очутился какъ въ лѣсу, среди стоящихъ эшелоновъ разнаго рода оружія и совершенно не зналъ, куда и въ какую сторону направиться, чтобы ближе выйти на станцію.

Тутъ были и понтонные баталіоны, съ нагруженными на открытыхъ подвижныхъ составахъ желѣзными лодками для мостовъ; парковыя артиллерійскія бригады и батареи, у орудій которыхъ стояли часовые. Но больше всего было нашей братіи—пѣхоты, вагоны которой гудѣли, отъ множества находящихся въ нихъ людей.

Подлѣзая и переходя черезъ тормазы, я вышелъ на станцію, гдѣ и отыскалъ отдѣленіе почты для проходящихъ эшелоновъ.

Всѣ письма, адресованныя въ полки ожидаемые въ Харбинѣ, находились въ отдѣльныхъ ящикахъ въ строгомъ алфавитномъ порядкѣ, и я, сказавъ полкѣ и фамилію, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ, пока лицо, завѣдывающее этимъ, перебирало большую пачку писемъ.

— „На Выборгскій полкъ очень много писемъ, а только на вашу фамилію ни одного нѣтъ!“ — услышалъ я спокойныя слова и съ печалью въ сердцѣ вернулся въ вагонъ. Всѣ мои ожиданія были напрасны.

— „А я получилъ одно, отъ 24 іюля, изъ Новгорода!“ — радостно говорилъ мнѣ Широховъ, и я съ завистью посматривалъ на него, теряясь въ предположеніяхъ, почему, не смотря на обѣщанія, мнѣ ни откуда нѣтъ ни единой строчки.

— Ну, за то потомъ получишь цѣлую охапку... Не унывай... Бери-ка свой узелокъ съ бѣльемъ, да отправимся послѣдній разъ въ баню!.. Я сейчасъ бесѣдовалъ съ однимъ раненымъ казакомъ, который совѣтовалъ обязательно вымыться здѣсь, такъ какъ дальше уже не представится подобнаго удовольствія... Онъ уже восемь мѣсяцевъ какъ на позиціяхъ и все время, — говоритъ, — путемъ и умыться не приходилось“!..

Недолго думая, мы отправились въ баню, слѣдуя нѣкоторымъ указаніямъ казака.

День былъ не особенно жаркій послѣ вчерашняго дождя, который и здѣсь продолжался почти до самаго утра.

Пройдя заполненные эшелонами линіи и выйдя на широкую платформу, вновь строящагося большого каменнаго вокзала, въ декадентскомъ стилѣ, мы увидѣли большой перекидной мостъ черезъ пути, по которому шли и ѣхали различные пѣшеходы и возницы. Далѣе по путямъ, когда мостъ остался уже позади насъ, мы очутились на высо-

кой желѣзнодорожной насыпи, ведущей къ рѣкѣ Сунгари.

Впереди виднѣлся большой желѣзнодорожный мостъ. Направо было ровное пространство, вдали котораго виднѣлись какіе-то склады, а затѣмъ — китайская деревня Фу-дя-дянь. Налѣво, мѣстность, называемая Харбинъ-Пристань, представляла изъ себя — сплошное болото, среди котораго много различныхъ построекъ, какъ по величинѣ, такъ и характеру. Въ большинствѣ случаевъ, сколоченныя на скорую руку, досчатые лачуги и ларки.

Между полотномъ желѣзной дороги и длиннымъ, тянущимся до Сунгари, рядомъ построекъ, шла грязная до невозможности избитая дорога. По ней длинными вереницами тянулись характернаго типа извозчики, подводы съ различной кладью, китайскія арбы запряженныя шестью — восемью лошадьми, воинскія двуколки и четырехъ-колесныя повозки, и, то и дѣло, виднѣлись блѣдные, грязные, обливающіеся градомъ пота — рикши. Въ засученныхъ выше колѣнъ штанахъ, увязая въ грязи, они тащили, большею частью вдвоемъ, на своихъ жиденькихъ коляскахъ, то горожанина, то солдата.

Все же вмѣстѣ взятое, представляло странную и непривлекательную картину. Казалось, все это, живое и движущееся, внезапно упало въ большое болото и, выбиваясь изъ силъ, барахтается, кричитъ, ругается, понукаетъ, еле вытаскивая собственные ноги и хлещетъ животныхъ, утопающихъ почти до живота, двигающихся со скоростью черепахи.

— „Это все русскіе кулаки понаѣхали... Это паутина торгашей-безбожниковъ, налетѣвшихъ сюда за большимъ рублемъ!.. Вонъ, какъ грибы растутъ ихъ лачуги, въ которыхъ они безъ стѣсненія готовы обобрать нашего брата до нитки. Крестьяне снимаютъ съ своего же русскаго солдата, черти!.. Удивляюсь, зачѣмъ только пускаетъ ихъ начальство въ Маньчжурію!“ — говорилъ намъ одинъ солдатъ желѣзнодорожнаго баталіона.

Мы шли, глядя на разрастающіяся неровныя

улицы новаго города, которому предсказываютъ громадную торговую будущность, называя его Петербургомъ Дальняго Востока.

Интереснѣе всего было наблюдать за китайцами, какъ они, до невозможности грязные, полуодѣтые, сидя на арбахъ съ саженными тонкими кнутами, неистово кричали на своихъ увязающихъ лошадокъ.

— Цо! Цо! Цо! — раздавались въ воздухъ ихъ визгливые возгласы, сопровождаемые частыми и громкими ударами хлыста, и лошади, изнемогая, тащатъ черезъ мѣру наваленный на арбы грузъ.

— И! И! И! И! И! — пищить китаецъ и лошади послушно останавливаются.

Спустившись съ возвышенной насыпи въ одну изъ улицъ, мы подошли къ небольшому каменному дому, гдѣ дѣйствительно нашли баню и вымылись въ отдѣльномъ номерѣ за 1 руб. 75 коп., такъ какъ дешевыхъ и общихъ не существовало. Какъ ни ужасна показалась намъ эта цѣна, но заплатили съ радостью; хорошо что и за эту плату представился случай помыться и выстирать снятое съ себя бѣлье. Близъ станціи находилась казенная, „Царская“ баня, но въ нее попасть было очень трудно, потому что всѣ проѣзжающіе или не долго стоящіе въ Харбинѣ эшелоны, не имѣли никакой возможности пользоваться ею, а тѣмъ болѣе выстирать бѣлье.

Обратный путь мы рѣшили совершить по параллельной полотну улицъ и за это очень ругали себя, когда увязали въ грязи и измученные еле добрались до станціи.

По пути прельстились китайской панорамой, около которой китаецъ выкрикивалъ ея достоинства.

— „Шанго! Мыного капитаны расны!.. Карасива мадама-китай!.. Саматри, ходя!.. Шанго! Мыного, ходя!.. Саматри!.. Шанго!..

Заплативъ по 5 коп., мы разглядывали различные китайскіе виды и торжества, уставясь въ круглыя стеклянныя окошечки, а неугомонный китаецъ, какъ мельница, трещалъ на ломаномъ, совершенно съ непривычки непонятномъ намъ языкѣ.

Подъ вечеръ я побывалъ еще разъ на почтѣ, гдѣ мнѣ сказали, что завтра утромъ, ожидается новая корреспонденція, задержавшаяся нѣскольکو дней въ пути, но дожидаться ея намъ уже не пришлось, такъ какъ въ 8 часовъ двинулись по направлению къ Мукдену.

Близость войны.

15 августа.

Чувствуется близость войны...

Среди сплошь засѣянныхъ полей попадаются небольшія станціи, на которыхъ разбиты подвижные госпитали, ярко выдѣляющіеся своими блестящими на солнышкѣ палатками. Всѣ они переполнены до невозможности, большею частью легко ранеными людьми, требующими леченія не болѣе одной—двухъ недѣль. Раненыхъ и больныхъ серьезно — отправляли далѣе. Попадаютъ санитарные поѣзда, въ которыхъ виднѣются люди въ бѣломъ и чистомъ бѣльѣ, перевязанные и забинтованные; они почти не выходятъ на остановкахъ. Специальными санитарными поѣздами перевозятся только раненые тяжело, раненые же легко и больные, набитые биткомъ, переправляются въ обыкновенныхъ воинскихъ теплушкахъ, идущихъ обратно; опорожненныхъ изъ подъ вновь прибывающихъ эшелоновъ.

Утромъ, на станціи Бухай, затѣмъ на станціи Куаньченцы, пришлось стоять болѣе обыкновеннаго. Посматривая кругомъ, мы удивлялись богато засѣянному гаолянновымъ полямъ, которыя то и дѣло чередуются съ созрѣвающими полосами чумидзи, какихъ то бобовъ и сизыхъ, перегнувшихъ, длинноватыхъ огурцовъ, растущихъ на кустикахъ, какъ и бобы.

Между созрѣвающихъ полей виднѣются небольшія китайскія деревни. Сѣрыя, одноцвѣтныя фанзы, съ рѣшетчатыми окнами, заклееными вмѣсто стеколъ бѣлой бумагой, огорожены длинными земляными заборами. Во всѣхъ деревняхъ находятся только старики и старухи, готовые покинуть собственныя жилища при первой надобности. Молодыя женщины и дѣти отправлены въ большіе города, или вообще въ мѣстности болѣе безопасныя; подалѣе отъ той и другой изъ воюющихъ сторонъ. Что же касается здоровыхъ, могущихъ работать подростковъ и взрослыхъ китайцевъ, то они, по видимому, всѣ ударились въ различнаго рода торговыя предпріятія.

Какъ только поѣздъ остановится, китайцы съ корзинами обступаютъ эшелонъ, выкрикивая: — „Лѣба галячо!.. Табага—магорка!.. Пички, бумага!.. Сухли!...“

Всѣ ремонтныя рабочіе, станціонныя сторожа, стрѣлочники, кочегары, служащіе въ буфетахъ, газетчики, — почти исключительно китайцы и, какъ рассказываютъ, возлагаемыя на нихъ работы, исполняютъ аккуратно и добросовѣстно, не возбуждая со стороны нашего начальства ни малѣйшаго подозрѣнія и недовѣрчивости.

16 Августа прибыли на станцію Гунчжулинъ. Эта станція болѣе предыдущихъ, попадавшихся намъ послѣ Харбина. Громадное передвиженіе даетъ возможность мелкимъ торговцамъ — китайцамъ, свободно заработать здѣсь русскій „лубль“.

На западъ усиленно перевозятся въ переполненныхъ поѣздахъ больные и раненые. Изможденные и болѣзненные лица, посматривая на насъ, говорятъ за себя о многомъ, только что перенесенномъ на своихъ плечахъ. Съ жаромъ передаютъ они о ходѣ сраженій съ разъяренными, неумолкающимъ ни на минуту, врагомъ и съ грустью передаютъ, что наши, кажется, снова хотятъ отступить.

Весь нашъ эшелонъ, всѣ до единого нижняго чина, съ прискорбіемъ въ душѣ, слушая раненыхъ,

отгоняютъ отъ себя мысль объ отступленіи. При остановкахъ въ вагонахъ становится какъ то тихо, чего не было прежде и во всемъ, даже въ самомъ простомъ, обыкновенномъ разговорѣ, сужденіяхъ, разспросахъ у раненыхъ о ходѣ битвы, — сквозить какая то необыкновенная серьезность и сосредоточенность.

Дай только Богъ, чтобъ это было вызвано не страхомъ передъ смертью, а лишь необходимымъ обдумываніемъ предстоящей боевой жизни. Подготавливая себя мысленно ко всему, мы безъ страха, безъ боязни, безъ разсужденія, смотримъ впередъ, а лишь только съ единственной твердой вѣрой въ благополучный исходъ, съ безусловнымъ и горячимъ желаніемъ послужить на пользу дорогой родинѣ!..

17 Августа прибыли на станцію Мукденъ, гдѣ предполагалась ранѣе остановка нашего полка. Въ Ляоянѣ уже нѣсколько дней шелъ жаркій бой по всему фронту нашей арміи и, въ виду этого, насъ двинули туда прямо въ бой, на смѣну сражающимся войскамъ.

Всѣ предположенія о войнѣ должны не сегодня-завтра разсѣяться и смѣниться дѣйствительностью. Придется послѣ столь долгаго пути приступить къ тому, что, быть можетъ, для многихъ изъ насъ будетъ имѣть роковой конецъ.

— „Смерть такъ смерти!“ — говорили многіе, посматривая въ даль, — „лишь бы она была въ пользу... Два раза никто не умираетъ“!..

Хладнокровнѣ себя чувствуютъ, повидимому, мои собратья дѣйствительные. Что же касается запасныхъ, то они сердито обрываютъ на первомъ словѣ, при попыткѣ завести съ ними какой бы то ни было на эту тему разговоръ, и, угрюмо уходя въ себя, стараются держаться особнякомъ отъ насъ, какъ бы чуждаясь или боясь. Не извѣстно, что творится въ ихъ нерасположенныхъ къ общительности сердцахъ...

Всѣ ихъ отношенія къ намъ кажутся очень странными и я предполагаю, что это жизнь, прерванная

второй разъ военной службой,—такъ сурово отражается на ихъ характерѣ. Безысходная тоска по оставленнымъ семьямъ, быть можетъ, заставляетъ ихъ быть такими замкнутыми, злыми и неразговорчивыми.

Въ насъ этого нѣтъ потому, что мы уже давно отвыкли отъ семьи и жизнь гражданская, какъ давнишній полузабытый сонъ, совершенно утратившій свои яркія, прельщающія краски, очень рѣдко вспоминается, а тѣмъ болѣе въ данный моментъ.

На маленькой пустынной станціи Суятунъ мы остановились въ 10 часовъ утра, и дальше ѣхать было нельзя, такъ какъ не было отвѣта по телеграфу о томъ, можно-ли пустить поѣздъ, какъ это объяснял молодой начальникъ станціи, совершенно не зная причины остановки.

Почти весь эшелонъ, какъ офицеры, такъ и нижніе чины, высыпали на линію впередъ паровоза и съ жуткимъ предчувствіемъ посматривали въ сторону бѣлесовой дали, гдѣ былъ Ляоянь. Несмотря на то, что до него еще было 43 версты, но уже ясно слышался глухой, отдаленный, перекатывающийся орудійный громъ, и можно было представить, что тамъ шель упорный и жаркій бой.

Прислушиваясь къ отдаленнымъ выстрѣламъ, я думалъ: что-то на первыхъ порахъ должно встрѣтиться намъ?.. И мнѣ становилось безразлично. Я уже настолько подготовилъ себя къ столкновенію съ новой, полной различныхъ трудностей и опасностей жизнью, что никакого страха передъ будущимъ не ощущаю въ душѣ.

— „Что вамъ писарямъ?.. Вы, вѣдь, въ обозѣ будете; до васъ и пуля не долетитъ“—говорятъ нѣкоторые изъ строевыхъ съ укоризной въ голосѣ и, полнымъ небрежности тономъ, даютъ намъ понять, что мы не вояки.

Съ подобнаго рода сужденіями я не согласенъ, потому, что во первыхъ, войска и на войнѣ не должны быть безъ писарей, а во вторыхъ, мы ни-

сколько не виноваты въ томъ, что на нашу долю судьба опредѣлила именно писарскія должности. Кстати замѣчу, что истинный сынъ Россіи, будучи и на писарской должности, съумѣетъ принести пользу родинѣ, а испорченный и никуда негодящійся строевой солдатъ, какіе къ сожалѣнію имѣются, только будетъ мѣшать своимъ присутствіемъ въ строю, дѣйствуя сквернымъ примѣромъ на окружающихъ его хорошихъ людей.

На войнѣ нужна душа, полная любви, полная сознанія высокаго долга, самоотвергающей рѣшимости, а ко всему этому присоединится и беззапятная храбрость, и удалъ, и сила. Не нуженъ и вреденъ человѣкъ на войнѣ,—на какой бы должности, или на какомъ бы мѣстѣ онъ не находился,—не проникнутый до глубины души всѣми этими высокими и добрыми качествами. Полковой писарь, вышедшій изъ стройныхъ и могучихъ рядовъ полка, не дрогнетъ—я увѣренъ въ этомъ, и ружье, сжатое крѣпко въ сознательныхъ рукахъ его—не будетъ сложено къ ногамъ противника...

Мимо насъ промчались почти вслѣдъ одинъ за другимъ, пять санитарныхъ поѣздовъ и два съ какимъ-то интендантскимъ грузомъ.

— „Устаетъ, устаетъ, проклятый!.. Какъ разъ пардону запросить, торопитесь, братцы!“—кричали намъ раненые изъ проходившихъ поѣздовъ, когда мы стояли на станціяхъ, то и дѣло пропуская встрѣчныхъ, еле двигаясь къ Ляояну. Несмотря на то, что онъ былъ ближе къ намъ, орудійный громъ становился все тише и тише, а когда нашъ эшелонъ остановился на одномъ изъ свободныхъ путей въ Ляоянѣ, то выстрѣлы почти совершенно стихли и наступила темная лѣтняя ночь.

Только лишь изрѣдка, нарушая тишину, раздавались отдѣльные выстрѣлы, замирая въ отдаленіи темной ночи, въ сторонѣ, гдѣ долженъ быть Ляоянъ. Въ черной дали, передъ каждымъ изъ ударовъ, вспыхивали огоньки на мгновеніе и затѣмъ снова наступала тьма.

— „Не расходиться!“ — раздавался изъ темноты ночи голосъ пробѣгающаго дежурнаго по эшелону офицера и мы рѣшили, не раздѣваясь, провести эту послѣднюю ночь въ вагонѣ, такъ какъ могло ежеминутно придти приказаніе о выступленіи на позиціи.

Слышно было, какъ прибыли еще два эшелона нашего полка, но все это нисколько не нарушало ночной тишины; какъ будто прибыли пустые вагоны, а не наполненные живыми людьми.

Прислушиваясь къ рѣдкимъ выстрѣламъ, записывая вотъ эти строки, я стараюсь представить себѣ завтрашній день.

„Какъ только доѣдете, такъ пиши сейчасъ“ — вспомнились мнѣ слова матери, сестры и другихъ родственниковъ, провожавшихъ меня въ Петербургъ; куда нашъ полкъ пріѣзжалъ для занятія караула и откуда мы, не простоявъ и мѣсяца, возвратились въ Новгородъ для мобилизаціи.

Да, я, дѣйствительно, писалъ чуть ли не съ каждой большой станціи, и если онѣ получили всѣ мои открытки съ мѣстными видами, то безусловно знали, гдѣ и когда мы находились, и когда и насколько отдалялись отъ нихъ.

Завтра, если только будетъ можно, сбѣгаю на станцію и попробую, можетъ быть удастся, пошлю имъ вотъ эту самую тетрадку, которая, дасть имъ до нѣкоторой степени представленіе о нашей жизни, чувствахъ, мысляхъ и душевномъ состояніи въ пути.

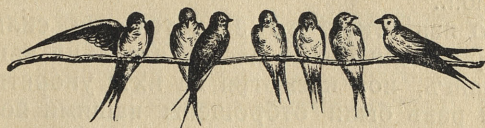
Съ началомъ новой жизни на поляхъ Маньчжуріи, свято исполняя свой долгъ передъ дорогой родиною, я буду кратко продолжать этотъ дневникъ въ свободные отъ труда моменты, записывая все, что придется видѣть, чувствовать и переживать, съ какими бы это трудностями не было сопряжено. Разъ далъ себѣ слово писать до тѣхъ поръ, пока не вернусь въ родную семью или не сложу свою голову здѣсь на этихъ чуждыхъ поляхъ, то постараюсь и исполнить.

Много приходилось въ дѣтствѣ читать про войну,

а вѣдь это было мое любимое чтеніе... Теперь же судьба заставляетъ перенести на своихъ собственныхъ плечахъ всѣ ея трудности и лишенія.

Одного прошу я у Бога,—это силъ, какъ мнѣ, такъ и всѣмъ спящимъ тревожнымъ сномъ въ этомъ вагонѣ, моимъ близкимъ друзьямъ-сослуживцамъ и всѣмъ вообще русскимъ братьямъ-воинамъ...

Вѣра, надежда, любовь, вотъ три великихъ чувства, необходимыхъ для насъ. Къ моей радости всѣ эти добрыя и необходимыя великія чувства имѣются въ полной мѣрѣ въ душѣ каждого русскаго солдата и, если еще къ нимъ пошлетъ Богъ силы, той силы, которая даетъ въ душѣ сильную вѣру, сильную надежду и сильную любовь, то никакому врагу не устоятъ противъ проснувшагося богатыря—Россіи!

І. Первые впечатлѣнія. Сибирскій стрѣлокъ. Труженики войны на станціи.

18 августа 1904 г.

Послѣдняя тревожная ночь, проведенная въ вагонѣ, кончилась для всѣхъ насъ съ того момента, какъ дежурный по эшелону офицеръ, перебѣгая отъ вагона къ вагону, кричалъ:

— „Вставай живо, катай шинели, приготавливай амуницію!!..“

Было извѣстно, что значительныя силы японцевъ, произвели болѣе десяти атакъ на нашъ правый флангъ, но, несмотря на ихъ упорство, они каждый разъ были отброшены нашими войсками, съ значительными потерями для нихъ. Сегодня орудѣнный огонь не умолкаетъ ни на минуту и бой разгорается все сильнѣе и сильнѣе. Можно предположить, что продолжающаяся восьмой день борьба принимаетъ все большіе и ужасные размѣры...

Люди, выскакивая изъ вагоновъ, катаютъ шинели на платформѣ и прямо на путяхъ, связывая и приготавливая амуницію; наскоро умываются, поливая одинъ другому воду изъ чайниковъ, манерокъ и котелковъ.

Молча, ни о чемъ не разговаривая, съ серьезнымъ выраженіемъ лицъ, изрѣдка поглядываютъ въ сторону Ляояна; гдѣ уже не вспыхиваютъ огоньки на горахъ послѣ выстрѣловъ, какъ это было видно ночью,—а какъ будто все пространство, подернутое утреннимъ туманомъ, — гудитъ и сотрясается

отъ какой-то невидимой и страшной стихійной силы.

Не долго идутъ приготовленія; черезъ какихъ-нибудь полчаса, всѣ три прибывшіе эшелона полка выстраиваются въ полной боевой готовности.

Было ровно четыре часа утра.

Изъ офицерскаго вагона показался командиръ полка и, спокойно здороваясь съ ближайшими къ нему, громко скомандовалъ:

— „Взводъ четвертой роты—ко мнѣ!“...

Поздоровавшись съ быстро выстроившимся взводомъ, онъ приказалъ вынести знамя, послѣ чего этотъ взводъ со знаменемъ передвинулся въ сторону станціи на гладкое и ровное, такъ называемое, военное поле, гдѣ уже стояли I, II и III баталіоны полка.

До насъ донеслись звуки команды „подъ знамя“, а полковой оркестръ далеко наполнилъ пространство мелодичными звуками нашего чуднаго Выборгскаго марша.

Между тѣмъ, выводили лошадей и, запрягая, выстраивали весь полковой обозъ, по направленію къ городской стѣнѣ, слѣва отъ желѣзной дороги. Первый разрядъ обоза долженъ сейчасъ же тронуться вслѣдъ за полкомъ, а второй, къ которому принадлежала и полковая канцелярія, къ нашему прискорбію, долженъ остаться до особаго распоряженія здѣсь, вотъ на этомъ пустырь.

Конечно, каждый изъ насъ понималъ, что всему обозу не мыслимо быть вмѣстѣ съ полкомъ, но тѣмъ не менѣе, какъ-то непріятно было отдѣляться отъ общей и сильной массы людей, которая будетъ въ огнѣ и въ бурѣ сраженія, а мы въ сторонѣ, не зная, гдѣ наши собратья. Что они увидятъ и какъ будутъ чувствовать себя, встрѣтятся съ упорнымъ врагомъ, и гдѣ-то и при какихъ-то обстоятельствахъ примутъ, какъ принято выражаться, *славное, боевое крещеніе*.

Посматривая туда, гдѣ въ отдаленіи стоялъ нашъ родной полкъ въ трехъ баталіонномъ составѣ, такъ

какъ 4-й баталіонъ еще не прибылъ, мы видѣли, какъ въ семь часовъ утра Главнокомандующій Генераль Куропаткинъ, объѣзжалъ его ряды, здоровался, поздравляя съ прибытіемъ. Доносились дружные отвѣты на привѣтствія, а затѣмъ, громкое „ура“, переливаясь, долго слышалось намъ, прерываемое громовыми раскатами орудіейной стрѣльбы на позиціяхъ.

Когда Главнокомандующій отбылъ, въ сопровожденіи своего адъютанта, вслѣдъ за нимъ и нашъ полкъ стройными рядами двинулся на указанныя позиціи, подъ звуки полкового марша; но куда именно — мы не знали и молча посматривали на удаляющихся отъ насъ товарищей. Впереди баталіоновъ виднѣлась стройная фигура командира полковника Заіончковскаго, а за нимъ адъютанта поручика Никольскаго. Озаренные яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, всѣ вмѣстѣ взятые, какъ офицеры, такъ и нижніе чины представляли изъ себя грозную и вмѣстѣ съ тѣмъ, красивую картину.

— „Эхъ, братцы, наши дѣла не убавятъ; смотри, — какъ выступаютъ бодро, дай Богъ силы и терпѣнья имъ!“ — говорилъ Теркачевъ, веселыми глазами провожая послѣдніе ряды.

— „Только, вотъ, Алексѣй Алексѣичъ нашъ, — что-то и забылъ про своихъ писарей; видѣли, какимъ орломъ выглядѣлъ на лошади, а къ намъ сюда и не заглянулъ даже!“ — добавилъ онъ.

И дѣйствительно, съ заботливостью и вниманіемъ относящійся къ намъ, адъютантъ сегодня, въ этотъ первый день на твердой маньчжурской землѣ, послѣ сорокодневнаго путешествія, почему-то не удостоилъ насъ своимъ вниманіемъ въ видѣ утренняго привѣтствія, что насъ, конечно, затронуло и мы долго толковали на эту тему.

— „Да что, братцы, по-правдѣ если будемъ разсуждать, такъ, до насъ-ли ему теперь... Что мы?.. Мы вѣдь въ этомъ сложномъ, боевомъ дѣлѣ играемъ второстепенную роль“, — говорилъ кто-то, какъ бы утѣшая, своими правдивыми разсужденіями, себя и другихъ.

— „Правильно, ей-Богу, правильно... Пожалуй даже менѣе, чѣмъ второстепенную... Потому-то на насъ даже и главнокомандующій не пожелалъ взглянуть... Обозъ,—такъ обозъ и есть!“—вставилъ Борцовъ.

— „Не обозъ, а обуза,—это вѣрнѣе будетъ!.. Смотри,—сколько повозокъ; всѣ съ кладью, съ разной разностью, и изволь-ка ихъ передвигать вотъ по такимъ громадамъ, да еще тогда, когда это нужно сдѣлать и быстро, и незамѣтно для непріятеля. Честное слово — обуза!.. Напрасно такъ не назвали въ старину, когда формировали первые полки!“—смѣясь заявилъ Селезневъ.

— „Что вы, господа, такое о себѣ мнѣніе составили... А что же мы — не солдаты? Коснется дѣло до насъ, такъ вотъ у меня, старика, и то ружье изъ рукъ не вывалится, а вѣдь вы всѣ молодцы; погодите, вѣдь всего еще нѣсколько часовъ слушаете орудіянную музыку то, да и то издали, быть можетъ, еще все переиспытаете!“,—говорилъ старичекъ оружейный мастеръ, Либерскій, бывшій участникъ Русско-Турецкой компаніи.

— „А вонъ и вашъ Алексѣй Алексѣевичъ скачетъ!“—добавилъ онъ, указывая на быстро мчавшагося адъютанта, который, не дождая до завѣдывающаго хозяйствомъ, крикнулъ:

— „Первый разрядъ,—впередъ!“...

Затѣмъ, доложилъ что-то завѣдывающему и замѣтилъ насъ стоявшихъ кучкой въ сторонѣ дороги, по которой длинной вереницей выстроился весь нашъ обозъ.

— „Здорово,—братцы!.. Теперь вы остаетесь на полномъ попеченіи подполковника Пальникова, такъ какъ теперь ни къ какому канцелярскому дѣлу приступить не будетъ возможности, до тѣхъ поръ, пока мы не получимъ совершенно опредѣленное назначеніе. Помогайте и словомъ и дѣломъ въ обозѣ. Теперь мы пока назначены на лѣвый флангъ на помощь усталымъ полкамъ. До свиданія, братцы!“—и онъ, круто повернувъ, быстро понесся обратно.

— „Счастливаго пути Ваше Благородіе!.. Дай Богъ всего лучшаго вамъ!“—кричали мы ему вслѣдъ, но онъ уже былъ далеко, и, вѣроятно, не слышалъ нашихъ словъ.

Былъ жаркій августовскій день, какіе бываютъ только на Дальнемъ Востокѣ, съ голубымъ, безоблачнымъ небомъ. По всему фронту шла упорная, не прекращающаяся ни днемъ, ни ночью—рѣзня, съ непрерывнымъ грохотомъ орудій и заунывно-жуткимъ гудѣніемъ гранатъ. Прислушиваясь невольно и вглядываясь въ облака дыма и пыли, можно было представить, что тамъ, за Ляояномъ, въ горахъ,—творится дѣйствительно что-то ужасное: тамъ сошлись два сильныхъ врага, не желающихъ уступить одинъ другому.

Мимо насъ, то и дѣло, длинными вереницами неслись артиллерійскіе парки, которые въ своихъ снарядныхъ ящикахъ, спѣшили подвозить боевые припасы усиленно старающейся артиллеріи. Патронныя двуколки пѣхотныхъ частей, перемѣшиваясь съ парковыми, нагруженныя цинковыми ящиками съ патронами, тоже спѣшили туда, удовлетворить непрерывно и яростно стрѣляющихъ, пачками и залпами стрѣлковъ. Все это вокругъ насъ кричало, ругалось и торопилось, обгоняя другъ друга.

— „Вотъ она, война-то, братцы, а-я-яй!“—говорилъ Чернаковъ, стоя у самой дороги и, не отрываясь, посматривалъ на необычайно быстрое передвиженіе, покачивая изъ стороны въ сторону головой.

— „Это бѣда просто-да и только!.. Вы посмотрите,—перемѣшались-то они какъ, и какъ только разберутся и разѣдутся—одинъ Богъ знаетъ!“—разводилъ онъ руками.

— „Это не война, Игнаша, а прихожая войны, или кухня войны,—а сама то война — вонъ она!.. Видишь?“—говорилъ ему Борцовъ, указывая въ сторону гремящихъ высокихъ горъ.

Подойдя къ завѣдывающему хозяйствомъ полка, я спросилъ разрѣшенія сходить на станцію.

— „Можешь идти, только если мы двинемся къ полку, то ты гдѣ насъ будешь искать?.. Смотри, не задерживайся тамъ,—сказаль онъ мнѣ.

Я даль слово вернуться черезъ часъ, и бѣгомъ побѣжалъ на станцію черезъ военное поле, гдѣ утромъ осматриваль нашъ полкъ Главнокомандующій. Вдоль линіи, въ сторону ст. Янтай, тянулись по обѣ стороны интендантскіе транспорты съ различного рода кладью, повозки разныхъ полковъ, походныя кухни, а за ними шли отдѣльные команды людей,—какихъ полковъ и частей,—трудно было разобрать. Усталые, изорванные и грязные, они только по одному ружью да по истомленнымъ загорѣлымъ лицамъ были похожи на русскихъ солдатъ; по всему остальному, ихъ трудно было признать, такъ какъ они были безъ всякой опредѣленной, воинской формы. Въ пропитанныхъ пылью и потомъ рубашкахъ, нѣкоторые имѣли на своей головѣ, Богъ знаетъ гдѣ доставшіяся имъ, соломенные китайскія шляпы; многіе попадались даже повязанные чѣмъ-то въ родѣ платковъ или просто съ непокрытой головой. За малымъ исключеніемъ встрѣчались люди въ крѣпкихъ сапогахъ, въ большинствѣ же случаевъ, или совершенно безъ обуви, съ грязными избитыми ногами, или обутые во что-то, нисколько по своему виду, не похожее на обувь.

Это были наши труженики неустанные—Сибирскіе стрѣлки, первыми взвалившіе на свои плечи ужасное бремя войны, и безъ ропота несущіе его отъ самыхъ стѣнъ Портъ-Артура. Карабкаясь по крутымъ и дикимъ Маньчжурскимъ горамъ, защищаясь и отстрѣливаясь, они всѣми силами препятствовали наступленію противника, болѣе сильнаго и многочисленнаго по сравненію съ ними.

— „Эй, свѣженькій, дай-ка російскаго табачку закурить, есть вѣдь небось, не весь вышелъ?!—крикнулъ одинъ изъ проходившихъ и, перебѣжавъ ко мнѣ на насыпь, устало опустилсѣ на рельсы, кладя рядомъ съ собою ружье.

— „Давай, пріятель, закуримъ!.. Сегодня, гово-

ришь, только прибыль?.. Это какой же полкъ-то?“—спросилъ онъ, свертывая большую папироску изъ даннаго мною табаку.

— 85 пѣхотный Выборгскій полкъ, первый полкъ въ 1-мъ армейскомъ корпусѣ; онъ въ пути еще, близъ Ляояна и въ день—два, а самое большое въ три—будетъ весь уже здѣсь,—объяснилъ я ему.

— „Первый армейскій корпусъ,—это изъ Петербурга... Ого, братецъ, корпусъ хорошій!.. Это отборный армейскій солдатъ; пожалуй, и нашему Сибирику не уступить... Такъ, братъ, ты мой... Въ самый, какъ говорится, разъ вы прибыли... А то онъ, окаянный, того и гляди осилить... Да и устали мы, милѣйшій, вѣдь ни дня, ни ночи не знаемъ; жметъ и жметъ, чертовъ сынъ... А корпусъ свѣжій,—это не штука!.. А куда двинули вашихъ? На лѣвый?—Я такъ и зналъ; потому, онъ со вчерашняго дня всю силу артиллерійскую, кажись, туда перетаскилъ! — говорилъ мой собесѣдникъ, съ наслажденіемъ затягиваясь папиросой.

— А почему вы всѣ такъ разнообразно одѣты, развѣ у васъ нѣтъ бѣлья?.. Да и вещевые мѣшки-то не у всѣхъ; на нѣкоторыхъ такъ и военного-то ничего нѣтъ... Не узнаешь даже—кто какой части!..—спрашивалъ я.

— „Эхъ, братъ ты мой... Развѣ тутъ напаешься всего!.. Тутъ не до того, чтобы былъ у тебя мѣшокъ, да погоны, да рубашка чистая... Были бы только одни патроны, вотъ главное!.. Каждый день хотъ новую рубаху одѣвай, все равно, братъ, она будетъ вотъ такая, какъ сейчасъ на мнѣ... Видишь, какъ жарить?“—говорилъ онъ, вытирая грязнымъ рукавомъ катившійся потъ съ загорѣлаго лица.

— „А тутъ, то перебѣжка, то — ползкомъ по грязи, то — на гору карабкаться, то — рѣчушку въ бродъ, а потомъ по пыльной дорогѣ—вотъ на такой жарѣ, куда нибудь въ сторону верстъ 15—20 двинуть, такъ тутъ, братецъ, сегодня выдадутъ тебѣ сапоги, а черезъ два — три дня ихъ и нѣтъ, разо-

бьются, а то и съ человѣкомъ вмѣстѣ совсѣмъ пропадутъ... Вотъ—ты думаешь, долго свой мѣшокъ таскать будешь?.. Все равно, въ первомъ же переходѣ половину побросаешь изъ него!.. Вѣрно я тебѣ говорю, потому, до того устанешь, — что и волосы то съ головы радъ бы сбросить, не только что-нибудь изъ мѣшка. Я такъ ничего не ношу съ собой, кромѣ сухарей да патроновъ, которыхъ у меня 22 обоймы. Очень часто, какъ перекиднымъ огнемъ начнетъ онъ палить, подвозить патроновъ не дастъ ни сколько, сыплеть и сыплеть... Вотъ тутъ, братъ, не вынешь рубаху, да не хлыснешь ему по рылу... А какъ патроновъ есть запасъ, такъ тогда ничего; только все-же зря тратить нельзя... Я вотъ седьмой мѣсяцъ орудую, отъ самой Ялу, и такъ приносившись, что ужъ знаю,—что больше нужно и дороже тебѣ, когда ты съ нимъ сойдешься настолько, что каменьемъ бросаться приходится, потому, патроновъ нѣтъ“!

Съ благоговѣйнымъ чувствомъ смотрѣлъ я на это черное, мощное лицо русскаго богатыря и думалъ: насколько силенъ духомъ долженъ быть этотъ, закалившійся въ боевомъ огнѣ, русскій воинъ, а сколько сильной любви и приверженности къ своему трудному, святому дѣлу, сквозило въ его темныхъ, усталыхъ глазахъ!..

Впечатлѣніе произведенное на меня этимъ со-братомъ, измученнымъ боевымъ трудомъ, по всей вѣрности, никогда не изгладится изъ моей памяти.

Всѣ мы, вновь прибывшіе, должны безусловно поучиться и позаимствоваться умѣньемъ, такъ важно переносить свой трудный и сложный долгъ.

— „Я вотъ, точь-въ-точъ, также разсуждалъ, какъ ты, землячекъ, а теперь, — нѣтъ! Всѣ наши Сибирскіе стрѣлки, какъ только наступятъ жары, ничего лишняго не носятъ!..“

— А откуда вы сейчасъ и куда идете? — спросилъ я, перебивая его.

— „Да съ лѣваго; насъ Орловскій полкъ смѣ-

нилъ, и мы теперь къ Янтайскимъ копиямъ идемъ; тамъ, говорятъ, позиции будемъ устраивать на всякій случай.

— А это что, раненъ вѣрно былъ? — перебилъ я его снова, увидѣвъ черезъ разорванную рубашку, зажившій рубецъ на плечѣ.

— „Быль... Четыре раза, братецъ мой, четыре!.. Два раза—въ строю остался, а два—въ госпиталѣ лежать пришлось. Это вотъ послѣдній разъ, — произнесъ онъ, спокойно указывая на зажившее плечо... На рѣкѣ Хай-ченъ-хэ, рубнулъ меня косо-глазый. А за то, вотъ этимъ штыкомъ, я такъ грянулъ ему въ грудь, что и вытащить ужъ не могъ, и повалился съ нимъ вмѣстѣ. Спасибо, сотня Забайкальцевъ подоспѣла, отбросила ихъ и уже не знаю,—какъ я очутился въ подвижномъ отрядѣ, — ей-Богу не помню!.. Много боли за всѣ разы перенести пришлось,—ну, за то два Георгія получилъ, вотъ они!..“

Онъ, открылъ патронную сумку, вынулъ изъ подъ обоймъ, завернутые въ чистую тряпочку два Георгіевскихъ креста 4-й и 3-й степени и, блестя ими на солнцѣ, показалъ мнѣ.

— „Я, знаешь, ихъ одѣваю только когда въ бой идемъ, а такъ—прячу, потому, потерять боюсь... Рубаха то—видишь какая; отъ булавки рвется, ползеть вся по ниткѣ!“

Онъ бережно завернулъ кресты и спряталъ ихъ на прежнее мѣсто.

— Хочешь, я тебѣ рубашку дамъ?.. Только гимнастерки, у меня нѣтъ лишней! — спросилъ я, доставая изъ мѣшка новую, ситцевую рубашку, а онъ, съ нескрываемой благодарностью, взялъ и сейчасъ же переодѣлся.

— „Ну, братъ, давай еще на дорожку закуримъ... Ты, какъ видно, хорошій человѣкъ; душа у тебя хорошая... Дай тебѣ Богъ силы и здоровья. Можетъ, еще свидимся когда; здѣсь, братъ, не долго... Прощай, дружище, далеконько отсталъ я отъ своихъ, ну да ничего, догоню, живо!“..

Мы разстались.

Мимо меня быстро пронесся санитарный поѣздъ, биткомъ набитый искалѣченными врагомъ людьми, блестя на солнцѣ бѣлыми вагонами съ Императорскимъ гербомъ, затѣмъ, еще поѣздъ, въ слѣдъ за нимъ, но уже обыкновеннаго состава изъ присноровленныхъ вагоновъ III класса. Когда же я входилъ на заполненную людьми платформу ст. Ляоянъ, то тамъ стояли два поѣзда, изъ обыкновенныхъ воинскихъ теплушекъ, нагруженныхъ ранеными.

Близъ станціи, въ мѣстности, такъ называемой Русскій поселокъ, было чрезвычайное оживленіе. Всюду видѣлись арбы, запряженные ослами и мулами; толпы китайцевъ, перемѣшанные, съ полурусскими по виду людьми. Верховые, пѣшіе, они всѣ куда то спѣшили, вынося изъ наскоро сколоченныхъ досчатыхъ лавченокъ-ларьковъ, обитыхъ циновками,—все что было тамъ, поспѣшно укладывая на арбы.

Io! Io! Io! Io! — раздавалось выкрикиваніе возницъ, сопровождаемое громкимъ шелканьемъ бичей, покрывая общій шумъ торопящейся массы людей, чѣмъ еще болѣе подчеркивая чрезмѣрную и безпорядочную суетливость.

Густая толпа, совершенно заполняющая платформу, состояла исключительно изъ прибывающихъ съ позицій раненыхъ. Тяжелая, надрывающая душу картина... Тѣ изъ собратьевъ, которые могли еще держаться на ногахъ, перевязанные и забинтованные, ходили взадъ и впередъ, разглядывая одинъ другого, спрашивая и передавая собственныя впечатлѣнія, — обстановку, при которой были ранены и положеніе собственной части на позиціяхъ. Раненые же тяжело, ослабшіе отъ потери крови — видны были просто лежащими въ рядъ на платформѣ.

Тяжелые вздохи, стоны, крики, говоръ, — сливаясь вмѣстѣ, тяжело давили сердце... Становилось нестерпимо жаль до неузнаваемости искалѣченныхъ и израненныхъ людей, которыхъ переносили и укладывали въ вагоны, для отправленія въ тылъ арміи по госпиталямъ.

Вездѣ виднѣлись врачи, сестры милосердія, фельдшера, работающіе не покладая рукъ надъ непрерывно прибывающими съ позицій людьми. Вдали, по направленію къ горамъ, влѣво отъ желѣзнодорожнаго пути, виднѣлись транспорты, везущіе со стороны боя биткомъ набитыя санитарныя повозки, съ лежащими и сидящими окровавленными людьми.

Измученные, обливающіеся потомъ санитары, притащивъ на носилкахъ одного,— снова спѣшили въ сѣрую даль, гдѣ по-прежнему гремитъ и гремитъ орудіейный громъ. Я ходилъ среди этой суматохи и совершенно забылъ, что пришелъ опустить написанныя мною сегодняшнюю ночью письма. Наконецъ, увидѣлъ почтовый ящикъ и, подойдя,— хотѣлъ опустить письмо. Но, ящикъ былъ настолько набитъ, что изъ отверстій, съ обѣихъ сторонъ, торчали съ силой засунутыя письма, а затѣмъ подъ ящикомъ на платформѣ,— было въ два раза болѣе писемъ и разнаго рода корреспонденціи, бросаемой прямо въ кучу. Постоявъ въ раздумьи, что дѣлать, я положилъ и свои въ общую кучу подъ ящикомъ.

Средина вокзала былъ въ полномъ смыслѣ слова,—госпиталь. Виднѣлись кровати и нары съ лежащими на нихъ людьми въ чистомъ и бѣломъ бѣльѣ, по всей вѣроятности—безнадежными, которыхъ боялись переносить въ вагоны, а дали имъ полное право покончить расчеты съ славной, боевой жизнью, въ этомъ небольшомъ зданіи Ляоянскаго вокзала.

Заглянувъ въ послѣднюю, пріоткрытую дверь, я увидѣлъ недвижимо лежащія фигуры, покрытыя бѣлымъ. Пожилой священникъ въ поношенномъ подрясникѣ съ потрепаннымъ требникомъ въ рукахъ, читалъ надъ почившими, изрѣдка осѣняя себя широкимъ крестомъ. Чувствовался запахъ ладона, и я, снявъ фуражку, со слезами поклонился праху бѣдныхъ страдальцевъ за родину, собственную кровью и жизнью запечатлѣвшихъ свою любовь къ ней и своему Царю, строго выполнивъ данную присягу...

— „Здорово Выборгскій!“—крикнулъ мнѣ слабымъ голосомъ, съ совершенно забинтованной головой, молодой офицеръ 23-го Вост.-Сиб. стрѣлковаго полка, котораго несли на носилкахъ.

— Здравіе желаю, Ваше Благородіе!—отвѣтилъ я, стараясь разсмотрѣть его лицо, но это было совершенно невозможно, такъ какъ за бѣлыми повязками ничего нельзя было видѣть, кромѣ быстрыхъ голубыхъ глазъ. Я старался идти рядомъ съ санитарями, несущими его на носилкахъ.

— „Я, братецъ мой, вольноопредѣляющимся служилъ въ Выборгскомъ полку... Начало моей службы было въ вашемъ полку, въ седьмой ротѣ!.. Я тоже считаю себя изъ вашей семьи“,—говорилъ онъ мнѣ, но въ это время его внесли въ зданіе вокзала, куда мнѣ уже войти было неудобно, и я, походивъ еще среди этого ужаснаго склада человѣческихъ силъ и жизней, поспѣшилъ къ своимъ.

II. Блужданіе. Первая Маньчжурская гроза. У костра.

Въ одиннадцать часовъ прибылъ нашъ послѣдній эшелонъ съ 4-мъ баталіономъ, который прямо изъ вагоновъ, былъ двинутъ на лѣвый флангъ въ присоединеніе къ полку. Обозу же пришло приказаніе передвинуться на двѣнадцать верстъ къ деревнѣ Эр-дао-гоу.

По распоряженію завѣдывающаго хозяйствомъ, Селезневъ, Теркачевъ и я, должны были отправиться за четыре версты по линіи жел. дор. къ гуртовщику, передать, чтобы онъ пригналъ извѣстное число головъ рогатаго скота къ деревнѣ Эр-дао-гоу, для полка на завтра.

— „Вы амуницію всю снимите и отправьтесь съ одними ружьями, будетъ легче, да и насъ ско-

рѣй догоните“! — говорилъ подполковникъ Пальниковъ.

Разстояніе наглядно опредѣлялось въ четыре версты, но когда пришли только туда, то мы убѣдились, что предполагаемыя четыре версты окажутся на самомъ дѣлѣ ровно вчетверо. Только къ вечеру мы еле возвращались на то самое мѣсто, гдѣ днемъ стоялъ нашъ обозъ. Спускавшіяся сумерки заставляли невольно думать: а гдѣ-то наши, и когда-то мы найдемъ ихъ!..

Вотъ та самая дорога, вдоль которой идетъ глубокая канава, наполовину наполненная грязной дождевой водой; вотъ и потухнувшій костеръ, гдѣ мы кипятили чайникъ, но, только удивительно то, что городская стѣна, бывшая на разстояніи полуторыхъ верстъ отъ этого мѣста, днемъ ясно виднѣлась съ стоящими на ней, какъ и на прочихъ возвышенностяхъ, фигурами китайцевъ, наблюдающихъ за боемъ, теперь, — въ наступившемъ сумракѣ, — какъ бы отдалилась отъ насъ на столько, что мы никакъ не можемъ дойти до нея.

Уже на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ нельзя было ничего разсмотрѣть, и мы тихо шли на свѣтящіяся огненные точки; вѣроятно фонари, зажженные около какого-либо стоявшаго бивуакомъ обоза, или транспорта. До нашего слуха долетали отдѣльные рѣдкіе выстрѣлы, вѣроятно, изъ очень крупныхъ артиллерійскихъ орудій. Дневная канонада, сотрясавшая воздухъ своимъ страшнымъ грохотомъ, почти стихла; на смѣну ей была слышна въ темнотѣ ночи рѣдкая ружейная стрѣльба пачками, которой днемъ не слышно.

Гдѣ-то очень близко, хриплымъ и изступленнымъ голосомъ, лаяла собака, какъ будто нападающая на кого-то, готовая разорвать на части. Слышалось отдаленное пофыркиваніе лошадей, а затѣмъ, впереди насъ, тамъ, гдѣ свѣтились огоньки, притягивая къ себѣ, надрывающимъ душу голосомъ рыдалъ осель.

Но, вотъ передъ нами наконецъ, темной грома-

дой, выдвинулась внезапно городская стѣна, и мы, свернувъ влѣво, пошли вдоль ея, держась все-жъ таки отъ нея на нѣсколько сажень.

— „Кто идетъ!“ — громко раздалось впереди, и мы увидѣли фигуру часового, выступившаго на дорогу, съ ружьемъ на перевѣсь.

— „Нижніе чины 85-го пѣхотнаго Выборгскаго полка, посланные по хозяйственной надобности!“ — отвѣтилъ Селезневъ и спросилъ, не проходилъ-ли здѣсь полкъ, только что сегодня прибывшій изъ Россіи.

— „Валите, братцы, до моста прямо!.. Вонъ, огоньки-то; это—мостъ. Полкъ съ него влѣво повернулъ; тамъ только одна дорога будетъ... Только полкъ-то вы едва-ли ночью найдете, а вотъ обозъ вашъ, навѣрное, неподалеку въ галянь заночевать остановился!“ ...

Выслушавъ, мы, какъ бы ободренные, устремились впередъ. У понтоннаго моста черезъ рѣку Тай-цзы-хэ, огибавшую въ этомъ мѣстѣ Ляоянь, мы встрѣтили точно такой же окрикъ часового, и перейдя мостъ, свернули влѣво и очутились среди двухъ высокихъ галяновыхъ полей.

Какъ въ узкой, темной, неимѣющей конца улицъ, по которой то и дѣло оступаясь и спотыкаясь, по ужасно избитой дорогѣ, мы ошупью еле двигались впередъ, близко держась одинъ другого.

Легкій ночной вѣтерокъ, перебѣгая по созрѣвающимъ макушкамъ галяня, шумѣлъ зеленой листвою и раскачивалъ его на высокихъ и тонкихъ стволахъ, какъ темныя, угрюмыя волны.

Наконецъ, вѣтеръ сталъ значительно усиливаться. Пригибая двухсаженный галянь, хлесталъ насъ по лицу, застилая собою и безъ того невозможную дорогу. Вдали разъ, другой сверкнула молнія, еще и еще, и вдругъ,—разразилась такая страшная гроза, что боя сдѣлалось совершенно не слышно. Какъ будто артиллерійскій громъ, удвоивъ силы, перелетѣлъ съ горъ на облака, посылая оттуда крупный и теплый дождь, какъ изъ ведра, который

заставилъ насъ отказаться отъ всякой мысли двигаться далѣе.

Мы остановились, боясь сойти съ мѣста. По лицу такимъ потокомъ бѣжала вода, что становилось трудно дышать. Почва скользила и расплывалась подъ ногами и казалось, что вотъ-вотъ, эта вода, съ шумомъ несущаяся мимо насъ обильными ручьями, сшибетъ наконецъ-таки насъ съ ногъ, и мы не выйдемъ изъ этой темноты съ ужасными, наполненными водою ямами.

Мы уже не разъ читали, что здѣшніе ужасные ливни смывали и уносили съ собой цѣлые обозы и склады и по этому не мудрено было чувствовать себя очень скверно въ подобной обстановкѣ.

Прислушиваясь, какъ кругомъ съ шумомъ бѣжала вода, какъ изъ прорвавшейся плотины, я, какъ только сталъ совершенно промокать, вынулъ изъ кармана маленькую китайскую коробку со спичками и крѣпко сжалъ ее въ кулакѣ. Такимъ образомъ, я рѣшилъ не дать ей возможности смокнуть, чтобы потомъ не быть безъ огня. Объ остальномъ думать было все равно бесполезно, такъ какъ отъ такого дождя, да еще подъ открытымъ небомъ, невозможно остаться и ниткѣ сухой.

Первый разъ въ своей жизни мнѣ пришлось слышать такую грозу и испытать всю силу Маньчжурскаго ливня на себѣ, въ эту первую ночь нашего прибытія на войну.

Черезъ какихъ-нибудь полчаса, вся эта масса воды, льющаяся съ быстро бѣжавшихъ темныхъ облаковъ, такъ же внезапно остановилась, какъ и пошла, послѣ чего сдѣлалось свѣтло настолько, что мы могли безъ труда рассмотреть одинъ другого.

Шлепая и увязая по колѣно, мы тихо поплелись по ужасной дорогѣ, превращенной въ жидкую, скользкую и непролазную грязь. Пройдя версты полторы, а можетъ быть и двѣ, мы вошли на возвышенное мѣсто, съ котораго дорога принимала уже два направленія. Въ нерѣшимости мы остано-

вились и не знали, по которому изъ двухъ вѣрнѣе направиться. Надъ нами раскинуло свои темные вѣтви высокое, шумящее отъ вѣтра, дерево, съ котораго спадали крупныя капли дождя.

Прояснилось-ли послѣ дождя или просто оттого, что мы вышли изъ низины на высокое мѣсто, намъ было видно, какъ по другую сторону дороги, растутъ точно такіе же два великана-дерева, а за ними волнуется черное, какъ бы не имѣющее конца, гаоляновое море. Вдали этого темнаго моря въ двухъ мѣстахъ виднѣются то вспыхивающіе, то вновь замирающіе въ темномъ пространствѣ, маленькіе огоньки, на очень далекомъ разстояніи.

— „Эхъ, братцы, а гдѣ-то наши теперь!“ — сокрушаясь, проговорилъ Теркачевъ. — „Неужели въ бой ходили, пока мы вязли въ этомъ болотѣ?...“

— „Навѣрное—ходили; а ты вотъ скажи лучше, какъ бы намъ найти ихъ поскорѣй?“ — отвѣтилъ Селезневъ, снялъ съ себя рубашку и скрутилъ, выжимая воду.

— „Курнуть бы теперь... Табакъ-то хотя и смокъ, все-же свернуть можно, а спички такъ бросить пришлось“...

Мы свернули изъ мокрой газетной бумаги, а изъ сохраненныхъ мною спичекъ еле удалось вычеркнуть одну, потому что онѣ, хотя и не промокли въ крѣпко сжатомъ кулакѣ, но настолько отсырѣли, что при зажиганіи только ломались, издавая сѣрный запахъ.

Въ пространствѣ — ни звука, ни выстрѣла, ни голоса человѣческаго, какъ будто этотъ ужасный ливень прибилъ все къ землѣ; все замерло и унеслось куда-то вдаль съ этими журчащими ручьями воды. Порывистый холодный вѣтеръ, перебѣгая по верхушкамъ значительно пригнутого къ землѣ гаоляна, нарушалъ грозно-спокойную тишину.

Идти-ли дальше, или остаться на этой возвышенной мѣстности до разсвѣта—вотъ вопросъ, который мы не сразу могли рѣшить, продолжая стоять въ раздумьи... Прислушиваясь, мы старались уловить какой-либо звукъ, наталкивающій на мысль о

близкомъ присутствіи части или обоза, или хотя бы идущаго, шлепа по этой жидкой грязи, какого-либо отсталаго, или вообще живого человѣка, но напрасно: все напоминающее о жизни, о войнѣ, — какъ бы скрылось куда-то...

— „Нѣтъ, братцы, идемъ... Стоять — нечего... Ноги отдохнули, да и свѣтлѣе стало!“ — рѣшительно заявилъ Селезневъ. И мы поплелись наугадъ по сплошной жидкой грязи, освѣщенной уже полнымъ мѣсяцемъ, который только что выглянулъ изъ-за темныхъ тучъ, разгоняемыхъ вѣтромъ. Не разбирая пути и не обращая на себя вниманія, мы тихо шли, неизвѣстно куда, то и дѣло или оступались въ ямы, наполненные водой, обдавая брызгами одинъ другого, или едва вытаскивали ноги, стараясь только не отстать другъ отъ друга.

Отъ давно находящихся на войнѣ собратьевъ мы слышали, что въ темныя ночи на одиночныхъ нижнихъ чиновъ очень часто нападаютъ хунхузы, прячась въ гаолянѣ, съ цѣлью ограбить, а главное, завладѣть оружіемъ убитаго ими солдата. Въ большинствѣ случаевъ такому нападенію подвергаются раненые, еле бредущіе съ позицій, которые желая скорѣе дойти до перевязочнаго пункта, иногда пускаются въ одиночку, или больные, измученные и отсталые отъ своихъ частей.

Впереди, съ правой стороны, блеснулъ огонекъ, другой, а затѣмъ, уже были видны, сидящіе у небольшихъ костерковъ, люди и привязанные къ коновязи лошади.

— Какой части, друзья?.. — крикнулъ я, подходя первымъ къ сидящимъ на настланномъ толстымъ слоемъ гаолянѣ около костра, надъ которымъ висѣлъ большой черный чайникъ.

— „Тебѣ какую надо“? — спросилъ кто-то изъ нихъ, рассматривая насъ...

Это оказался артиллерійскій паркъ, только что вернувшійся съ позицій. Онъ нѣсколько дней подрядъ подвозилъ снаряды къ центру боя, а сегодня оставленъ свободно вздохнуть, вѣроятно, только на

одну ночь. Его могут снова назначить въ работу, какъ только встрѣтятся въ этомъ гдѣ-либо надобность.

— Экъ, какъ васъ, миляги, разрисовало!.. Нечего отыскивать часть, садись да грѣйся,—все равно не найдешь!“—проговорилъ другой, усмѣхаясь, поглядывая на насъ.

— „Вотъ мы васъ чайкомъ погрѣмъ, если хотите, только безъ сахара; потому, мы его давно ужъ не употребляемъ... Недѣли двѣ, какъ вышелъ, а казеннаго не выдаютъ, потому, теперь, братъ, не до сахару!.. Слышали, что было сегодня?“—произнесъ третій изъ сидящихъ.

— „Э братъ... А что вчера было днемъ—страсть! Такой бой, что, право, вотъ мы здѣсь ужъ на четвертыхъ позиціяхъ, но такого огня еще не было, какъ вчера!“...

Слушая, я вспомнилъ, какъ мы вчера долго стояли днемъ на ст. Суятунъ въ 43-хъ верстахъ отъ Ляояна и, посматривая въ его сторону, прислушивались къ грому орудій, вполне соглашался, что здѣсь, дѣйствительно, происходило что-то ужасное.

— „Вчера еще жара не наступила, а мы уже два конца сдѣлали на правый флангъ... А вѣдь онъ, главнымъ огнемъ, на лѣвомъ берегу у Ляояна громилъ до самаго вечера!“...

— „Ну и сегодня дрались хорошо, главное по всему фронту, а сейчасъ—не щелкнетъ ни тотъ, ни другой, все равно какъ будто устали!“—добавилъ еще одинъ изъ собесѣдниковъ, запасный, лѣтъ сорока на видъ, съ широкой черной бородой, и глядя на насъ продолжалъ:

— „А вотъ, вы молодчики, знаете, почему сегодня такой дождь шелъ, — а?.. Если не знаете, то, какъ бы вы думали, отчего это вдругъ такой громадный дождь пошелъ?“...

Мы смотрѣли на него заинтересованные, не зная, какъ отвѣтить на столь странный вопросъ. Видя, что запасный настойчиво ожидаетъ отвѣта, Селез-

невѣ рѣшилъ объяснить ему дождевое явленіе въ природѣ, и началъ:

— „Да все потому, почему и вообще бываютъ дожди... Только съ той разницей, что здѣсь, на примѣръ, бываютъ краткіе внезапные ливни, а у насъ въ Россіи продолжительные мелкіе дожди. А происходятъ они отъ чрезмѣрнаго скопленія испареній, въ облак...

— „Стой! стой! Нѣтъ, ты братъ, не то запѣлъ“, — оборвалъ Селезнева на полусловѣ запасный. — „Это ты про дожди Россійскіе поешь, — изъ книгъ читался... Нѣтъ, а ты вотъ про сегодняшний дождь послушай, — что я тебѣ скажу!“... И запасный тономъ не допускающимъ возраженія, строго и увѣренно, продолжилъ:

— „Правда, что вода тамъ, на облакахъ, накопивается и виситъ, а когда подуетъ сильный вѣтеръ, такъ немножко потрясетъ ихъ — и дождикъ пойдетъ... Это мы, пріятель, и безъ тебя знаемъ... А вотъ, когда вы такихъ нѣсколько боевъ увидите, такъ узнаете, что не отъ одного вѣтра бываютъ дожди, а и еще кой отъ чего... Какъ только по всему фронту пойдетъ такая пальба шрапнелью, перекиднымъ, гранатами, лидитными, такъ вотъ эта самая-то пальба, братцы мои, — такъ растрясетъ эти самые облака, что и не ждешь, какъ польетъ такой дождь, какъ сегодня... Вотъ тутъ дѣло-то въ чемъ!.. Правда вѣдь я говорю?“ — торжествующе поглядывая на насъ, обращался онъ къ своимъ.

— „Правда, конечно, правда... Гдѣ-жъ имъ знать, когда они еще только изъ вагона сегодня“, — вторили его сослуживцы.

— „Вотъ погоди, все узнаютъ, дай срокъ... А теперь, вотъ что, ребята, я вамъ укрыться попону дамъ, а вы маршъ за гаолянкомъ!.. Ломай его больше и потолще настилай, вотъ подъ этой повозкой... А то, братъ, здѣсь земля мягкая, мало подстелешь, не успѣешь уснуть, какъ подъ бокомъ мокро будетъ... Валитесь спать съ Богомъ, пока японецъ не зашаваршилъ, а то насъ, вѣдь, живой рукой дви-

нута“, — говорилъ намъ все тотъ же коренастый запасный, и мы эту фразу не заставили, конечно, повторять еще разъ.

Кутаясь въ данную намъ попону, крѣпко прижимаясь одинъ къ другому, мы долго не могли уснуть. Мокрая одежда прилипла къ тѣлу, а холодный отъ сырости и вѣтра посланный на землю гаолянъ, конечно, нисколько не могъ согрѣть насъ. Ворочаясь и стуча зубами, какъ въ лихорадкѣ, мы долго прислушивались къ разговорамъ у костра спокойно и серьезно разсуждающихъ людей о положеніи боя. Отдыхая, они ежеминутно ждутъ приказанія двинуться въ сторону приумолкнувшихъ позицій.

III. Утреннія встрѣчи. Среди своихъ. Просьбы товарищей.

Лишь только въ мутномъ сумракѣ начинающагося утра, вправо отъ насъ, стали вырисовываться неровные контуры горъ, громадныхъ, сѣрыхъ, лишенныхъ всякой растительности, мы уже снова шагали впередъ, стараясь идти какъ можно быстрѣе. Нижняя челюсть нервно тряслась, несмотря на всѣ усилія побороть въ себѣ тотъ нестерпимый холодъ, который ощущался отъ мокрой гимнастерки, совершенно не просохшей за эту краткую и холодную ночь. Говорятъ, что ночи здѣсь на Востокѣ всегда почти бываютъ такія холодныя, а въ особенности послѣ дождей.

Впереди показалось среди дороги что-то въ родѣ повозки и, подойдя, мы увидѣли обозную двуколку съ переломленной оглоблей, которая настолько ушла въ землю, что представляла изъ себя видъ обыкновеннаго брошеннаго въ грязь ящика, по бокамъ

котораго виднѣлись еле торчащія изъ земли колеса.

— „Вишь, какъ засосало... Вотъ вчера лоша-
дямъ-то досталось, братцы!“ — замѣтилъ Теркачевъ,
разсматривая сломанную и брошенную двуколку.

— „Стойте, да вѣдь это наша двуколка, ей-Богу,
посмотрите-ка!“ — продолжалъ онъ, и мы, вернув-
шись, на самомъ дѣлѣ увидѣли сквозь просыхаю-
щую грязь надписи „85 п. В. п.“

Это открытіе увѣрило насъ, что мы идемъ дѣй-
ствительно по той самой дорогѣ, гдѣ ночью дви-
гался нашъ полкъ и обозъ.

Радостно стало на душѣ, что свои близко, что
вотъ еще нѣсколько верстъ и мы будемъ снова въ
кругу товарищей, въ своемъ полку, судьба кото-
раго была теперь нашей собственной судьбой. По-
зади послышался конскій топотъ и, оглянувшись,
мы были еще больше обрадованы, увидѣвъ орди-
нарца нашего полка.

— „А, пріятели, здорово!“ — кричалъ онъ еще
издали.

— „Гдѣ наши?.. Гдѣ полкъ?.. Были въ бою
уже?“ — закидывали мы его вопросами.

— „Нѣтъ еще, нѣтъ... А что вотъ сегодня бу-
детъ, — неизвѣстно... Наши вотъ тутъ, вонъ у той
горы, и полкъ и обозъ. Мы пока въ резервѣ сто-
имъ, на чеку“...

Разспрашивая его, мы весело шагали, не чув-
ствуя совершенной усталости.

Уже гдѣ-то за горами всходило солнышко, по-
степенно оживляя зеленую растительность, а без-
облачное небо дѣлалось все ярче и свѣтлѣе. По
обѣимъ сторонамъ сплошной стѣной мелькалъ вы-
сокій гаюлянъ, не шевеля ни единымъ стеблемъ.
Былъ уже шестой часъ утра и вотъ гдѣ-то далеко,
далеко раздался первый, еле слышный орудійный
раскатъ... Затѣмъ вскорѣ другой, какъ бы отзы-
ваясь, болѣе слышный, разошелся протяжнымъ
эхомъ... Еще и еще, и постепенно, ежеминутно уси-
ливаясь, началась снова непрерывная пальба въ
разномъ направленіи фронта.

Черезъ часъ мы уже были среди своихъ и только тогда почувствовали, насколько измучила насъ эта ужасная, проведенная въ блужданіи, ночь. Обмѣниваясь впечатлѣніями, мы утоляли свой голодъ размоченными въ котелкѣ сухарями.

Весь полкъ, расположенный фронтомъ къ горѣ, ожидалъ той минуты, когда придетъ приказаніе двинуться впередъ, туда, за эту огромную гору, гдѣ безъ умолку гремитъ артиллерія прикрывая такимъ образомъ вправо отъ насъ передовую цѣпь пѣхоты.

Напившись чая и переодѣвшись въ сухую рубашку, я побѣждалъ въ конецъ бивуака въ пятнадцатую роту, повидаться съ друзьями первыхъ шаговъ своей службы. Не смотря на то, что съ перваго же года былъ откомандированъ въ полковую канцелярію, я все продолжалъ считать ее своей ротой, и со всѣми сверстниками былъ связанъ самой тѣсной дружбой. Переходя отъ одного кружка къ другому, сидящихъ и бесѣдующихъ среди составленныхъ въ козла ружей людей роты, я старался болѣе спрашивать ихъ о всемъ, что они видятъ и чувствуютъ и съ какимъ-то особеннымъ интересомъ разглядывалъ почти каждого изъ товарищей.

Видъ бодрый, спокойствіе наружное полное, приподнятое настроеніе, — вотъ что я видѣлъ на ихъ лицахъ, и они всѣ были рады моему приходу.

— „Помнишь, какъ мы съ тобой въ Трубичинѣ новобранцами черезъ канаву прыгали, не забылъ еще?.. А вотъ теперь не желаешь черезъ эту гору прыгнуть?“—говорилъ унт.-оф. Тарасовъ, съ которымъ мы чувствовали одинъ къ другому большую въ сравненіи съ прочими привязанность.

— „А вотъ, запиши-ка адресъ моей жены, и если только меня убьютъ, такъ ты напиши письмишко ей!“—говорилъ другой.

— „А я самъ написать, чтобы избу никому не отдавали, кромѣ сестры; потому, изба моя собственная, и я не хочу, чтобы она братьямъ досталась...

Какъ только узнаешь, что меня нѣтъ, то перешли прямо на волостное правленіе, а я пойду ротнаго попрошу подписать да печать поставить“, — серьезно просилъ меня третій, а за нимъ и еще нѣсколько просьбъ спѣшили заявить мои собесѣдники.

Я каждому давалъ слово выполнить все, что они хотѣли и вся наша бесѣда была похожа на обыкновенную болтовню, а не на серьезное приготовленіе разставаться съ жизнью. У всѣхъ товарищей безъ исключенія была какая-то увѣренность въ побѣду и все прочее говорилось и дѣлалось просто такъ, какъ-бы на всякій случай.

— „А ты зачѣмъ пришелъ сюда?.. Давай ему, ребята, ружье!.. Мы его теперь не отпустимъ... Тарасовъ, бери его къ себѣ во взводъ, а я сейчасъ пойду командиру полка доложу, чтобы онъ отдалъ мнѣ всѣхъ молодцовъ изъ канцеляріи, которыхъ адъютантъ отхватилъ отъ 15-й роты!“ — смѣясь, схвативъ меня за плечо, говорилъ подошедшій ротный командиръ, капитанъ Фадѣевъ.

— „Что, не стыдно!.. Изъ такого солдата, крысой канцелярской сдѣлался... Смотри-ка, смотри на своихъ сверстниковъ, они не сегодня-завтра съ Георгіями будутъ, а ты что?“...

— Такъ я то чѣмъ же виноватъ, Ваше Высокоблагородіе, я хоть сейчасъ готовъ, — отвѣтилъ я на его слова.

— „Куда ты годишься теперь?.. Ты, братъ, отсталъ теперь... Правда вѣдь отсталъ, Козловъ, какъ ты думаешь?“...

— „Залпъ еще сорветъ, Ваше Высокоблагородіе... Куда его, пусть ужъ пишетъ тамъ въ обозѣ, да сухарей намъ выписываетъ!“ — смѣясь, отвѣтилъ на слова старика ротнаго, унт.-оф. Козловъ.

Еще долго я былъ среди своихъ; еще долго продолжались и смѣхъ, и шутки, заставившіе забыть совершенно о той грозной обстановкѣ, которая съ каждой минутой приближается къ этимъ роднымъ мнѣ рядамъ. Возвращаясь, я увидѣлъ у палатки командира полка, нѣсколько собравшихся

старшихъ офицеровъ. Спѣшившійся казакъ-забайкалецъ, утирая потное лицо рукавомъ, стоялъ около нихъ, какъ видно, только-что привезшій что-нибудь особенное, судя по его взмыленной, тяжело дышащей лошади.

Черезъ нѣсколько минутъ раздалась громкая команда „полкъ, въ ружье!“... Отдѣльные возгласы ротныхъ командировъ продолжили эту команду, быстро выстраивая роты и двинулись въ горы, гдѣ какъ бы съ удвоенной уже силой, гремитъ та и другая сторона. Обозъ было приказано отодвинуть назадъ, подъ охраной двухъ ротъ четвертаго баталіона.

Солнце уже палило нестерпимо, совершенно просушивъ исковерканную дорогу, не оставляя никакого воспоминанія о вчерашнемъ дождѣ.

Рядомъ съ нами двигались обозы другихъ частей. Спѣшила на лѣвый флангъ артиллерія, стараясь усилить огонь болѣе крупными орудіями, въ которыхъ были впряжены по шесть и болѣе породистыхъ и сильныхъ лошадей. Небольшіе отряды казаковъ, Сибирскаго и Забайкальскаго войска на своихъ маленькихъ монголкахъ, виднѣлись то и дѣло въ разныхъ направленіяхъ, и молча проходили, растянувшись стороною дороги, разныя пѣхотныя части. Всѣ торопятся сегодня на лѣвый флангъ. Ходить слухъ, что непріятель намѣревается обойти его...

Къ вечеру подвинулись къ полку, который точно такъ же расположился бивуакомъ между двухъ высокихъ горъ. Въ бой не пришлось сходить сегодня, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ, пока безъ особаго труда, былъ отброшенъ непріятель артиллерійскимъ огнемъ и особой настойчивости вновь не проявляетъ. Изрѣдка съ горъ раздаются удары крупныхъ орудій по непріятельскимъ позиціямъ, но зато въ сторонѣ Ляояна и лѣвѣ насъ слышится непрерывная канонада. Несмотря на то, что японцы совершенно притихли въ этой мѣстности, полку приказано въ эту ночь быть на готовѣ, такъ какъ малѣйшее съ ихъ стороны наступленіе должно быть

подавлено нашимъ полкомъ. Въ ротныхъ походныхъ кухняхъ первый разъ еще, какъ мы прибыли, былъ приготовленъ горячій обѣдъ, который всѣ ѣли съ особеннымъ удовольствіемъ.

Вечеромъ бивуакъ озарился множествомъ костерковъ, надъ которыми кипятился неизмѣнный солдатскій напитокъ—чай.

Ночь была теплая, звѣздная, и никто, кажется, изъ всего нашего тихаго, недремлющаго бивуака не ложился спать. Всѣ ждали, прислушиваясь, разговаривая тихо между собою. Что-то ждетъ насъ завтра?.. Предполагается рѣшительное сраженіе по всему фронту и, поэтому, боевое крещеніе полка не за горами...

IV. Германскій Аташе. Ночной бой при деревнѣ Сиквантунъ. Разказы товарищей.

21 августа 1904 г.

Тихая, теплая ночь прошла совершенно спокойно, а новый день, свѣтлый и жаркій, въ прозрачномъ, безвѣтренномъ воздухѣ заставилъ чувствовать сильную жару, вѣроятно доходившую до 40°.

Сегодня полкъ представлялся Германскому Аташе, который передалъ привѣтствіе Державнаго шефа, Императора Вильгельма II, поздравляя отъ Его имени съ наступающей, славной, боевой службой.

Несмолкаемое „ура“ покрыло его привѣтствія и пожеланія и онъ, найдя полкъ въ блестящемъ состояніи, обѣщался донести объ этомъ Его Императорскому Величеству. Полкъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ и удостоился получить неоднократное „спасибо“.

Къ вечеру разѣзды оповѣстили съ горь, что непріятель близко. Забили снова тревогу. Быстро разбирая ружья, люди строились и было видно, какъ нѣкоторые, благоговѣнно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, спокойно становились въ ряды. Въ глубокомъ молчаніи роты двигались одна за другой, въ узкое ущелье между двухъ высокихъ горь.

Отдавъ нужныя приказанія, командиръ полка съ бригаднымъ командиромъ, генераломъ Новиковымъ, уже давно скрылись за выступами этихъ горь, лично стараясь поспѣть вездѣ, гдѣ только роты должны были занять позиціи. Бодрость и спокойствіе выражались на ихъ серьезныхъ лицахъ, а это и есть самый лучший и безусловный залогъ на успѣхъ. Обозъ отодвинули къ деревнѣ Эр-дао-гоу, гдѣ онъ и стоялъ, не распрягаясь, готовый двинуться ежеминутно...

Войска снова передвигаются къ Ляояну...

Только что возвратившійся ординарецъ, ѣздившій въ дивизіонный обозъ, расположенный верстахъ въ трехъ отъ станціи, сообщилъ, что близъ станціи уже рвутся непріятельскіе снаряды. Провожавшій больного капельмейстера, музыкантъ передалъ, болѣе интересныя подробности: нѣсколько снарядовъ разорвались уже на самой станціи и однимъ изъ нихъ убило сестру милосердія, самоотверженно работающую на платформѣ, не смотря на то, что станція была уже совершенно пуста. Съ оторванной ногой, она была отброшена силой взрыва далеко отъ того мѣста, гдѣ производила перевязки и оставалась лежать въ сферѣ сильнаго огня.

Видя это, капельмейстеръ бросился къ ней и вынесъ ея трупъ, будучи при этомъ контуженъ самъ.

Жаркое дѣло идетъ къ сѣверо-востоку отъ Ляояна, куда и стягиваются наши главные силы. Все думается, что бой уже настолько разгорѣлся, что сейчасъ должна рѣшиться эта упорная война, въ ту или другую сторону. Но нѣтъ, конца не замѣчается, а лишь только грохотъ, сотрясая воздухъ, представляетъ изъ себя что-то ужасное, грозное,

стихийное. Посланные къ гуртовщику въ первый день приѣзда, свои шинели мы положили въ повозку дивизионнаго обоза, и теперь, сгорая нетерпѣніемъ видѣть поближе, что тамъ творится близъ станціи, стали проситься у подполковника Пальникова сходить за шинелями.

Толпами плетутся раненые, поддерживая одинъ другого... Переполненные санитарныя повозки вереницами тихо двигаются по неровной дорогѣ. Всюду виднѣются санитары, тащащіе на носилкахъ до ближайшаго перевязочнаго пункта кого-либо изъ обезображенныхъ вражескими снарядами людей. Сестры милосердія спѣшатъ на встрѣчу, перевязывая встрѣчныхъ или давая глотокъ холодной воды болѣе слабымъ раненымъ. Виднѣются китайцы, быстро покидающіе свои жилища, таща на своихъ плечахъ кое-какой скарбъ, видя, что бой принимаетъ все болѣе ужасный видъ. Спѣшатъ они на Сѣверъ, цѣлыми семьями, перевозя пожитки на своихъ тяжелыхъ и скрипящихъ арбахъ. Мы дѣлились и табакомъ, и словомъ, и водой, пока она была у насъ, съ измученными собратьями и старались всячески облегчить ихъ страданія.

Перейдя въ бродъ узенькую рѣчку, мы выкупались въ ея мутной водѣ, журчащей по неровному каменистому дну.

Направляясь черезъ гаолянъ, чтобы ближе пройти къ дер. Эр-дао-гоу, мы натолкнулись на трупъ китайца съ широкой рубленой раной на шеѣ. Онъ лежалъ скорчившись, съ выкатившимися открытыми глазами, тускло устремленными въ безоблачное, голубое небо. Свои-ли его уложили здѣсь, или наши казаки, заподозривъ въ шпіонствѣ, для насъ, конечно, было неизвѣстно, но, видя первый разъ брошенный трупъ человѣка, сдѣлалось какъ-то жутко, не по себѣ.

— „Давайте зароемъ его, братцы, все-таки человѣкъ вѣдь“, — подалъ мысль Чернаковъ, но, не имѣя съ собой ни одной шанцевой лопатки и ничего, чѣмъ бы можно было вырыть хотя небольшую

яму, мы оставили его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ и до насъ.

Ночь провели почти на ногахъ, ожидая команды двинуться куда-либо, и съ нетерпѣніемъ посматривали въ сторону позицій, раздумывая, гдѣ-то нашъ полкъ и что-то съ нашими однополчанами.

Въ грустныхъ предположеніяхъ я лежалъ на землѣ и всматриваясь въ темное звѣздное небо, прислушивался къ грознымъ раскатамъ орудій. Внезапно раздавшійся въ нѣсколькихъ шагахъ выстрѣлъ заставилъ меня вскочить съ раскинутой шинели. Хватая ружья, мы соображали, чтобы это могло быть. Весь обозъ всполошился, но посланные въ патруль нѣсколько вооруженныхъ, возвратясь, заявили, что ничего въ окрестности не произошло, а просто кто-либо изъ проѣзжающихъ, или изъ проходившихъ раненыхъ, по собственной оплошности или по забывчивости произвелъ столь неожиданный переполохъ среди насъ.

Лишь только стало свѣтать, мы всѣ уже были на дорогѣ и, всматриваясь въ прибывающихъ изъ горъ раненыхъ, старались узнать въ усталыхъ, еле бредущихъ фигурахъ, своихъ однополчанъ. Какъ только вдали замѣтили нѣсколько человѣкъ, то бросились имъ навстрѣчу и узнали, что наконецъ-то нашъ полкъ участвовалъ въ ночномъ бою при дер. Сиквантунъ. Вскорѣ прибыла еще партія, сообщившая еще большія подробности. И изъ ихъ разсказовъ я узналъ слѣдующее.

Какъ только полкъ развернутымъ строемъ занялъ опредѣленные позиціи, непріятель сталъ приближаться настолько, что приходилось держать прицѣлъ на 400. Значительныя силы его засѣли въ укрѣпленныхъ фанзахъ деревни, подъ прикрытіемъ артиллеріи, и такъ вели стрѣльбу до глубокой ночи. Вызвать въ открытый бой непріятеля не было никакой возможности. Съ наступленіемъ ночи командиръ полка рѣшилъ его выбить изъ этой деревни штыками и двинулъ полкъ на приступъ.

Забили атаку, загремѣла музыка, раздалось мо-

гучее „Ура“ быстро бѣгущихъ ротъ, подъ развѣвающимся полковымъ знаменемъ.

Для непріятеля это было настолько неожиданнѣмъ, что онъ своими неудачными залпами не заставилъ даже вздрогнуть ни одной нашей роты и послѣ нѣкотораго сопротивленія, былъ выбитъ изъ деревни Сиквантунъ, оставивъ на мѣстѣ много раненыхъ, оружія, патроновъ и снаряженія.

Наши принесли нѣсколько японскихъ ружей и патроновъ и, разсматривая, сравнивали со своими, нисколько не находя ихъ лучше.

Командиръ полка почти въ самомъ началѣ боя былъ страшно оглушенъ разорвавшимся близъ него снарядомъ, осколкомъ котораго получилъ легкую контузію лѣваго предплечья...

— „Царапнула меня пуля, вотъ, по плечу, а я и присѣлъ, думая, какъ бы ружье не уронить!— говорилъ мнѣ съ совершенно раздробленнымъ плечомъ одинъ унтеръ-офицеръ, котораго велъ подъ руку санитаръ. — „Вдругъ слышу по рядамъ: «Командиръ раненъ! Командиръ раненъ!» Всѣхъ такъ поразило это, что нѣкоторые даже ахнули... «Командиръ чувствуетъ себя хорошо, ребята, впередъ съ Богомъ!» — крикнулъ ротный, и мы, дѣйствительно, увидѣли командира верхомъ, цѣлаго и невредимаго, и еще сильнѣе побѣждали впередъ!“

— „Ну, зато и я благословилъ не одного лупоглазаго на тотъ свѣтъ, пусть теперь валяются, вылупя глаза!“ — говорилъ намъ рядовой 5-й роты В. Гарновскій, котораго несли на носилкахъ. Какъ мы, такъ и онъ были рады увидѣться, потому что онъ цѣлый годъ былъ прикомандированъ къ канцеляріи и взять въ роту только при объявленіи мобилизаціи. Санитары опустили его съ плечъ на землю и онъ, приподнявшись на локоть, рассказывалъ намъ собственныя впечатлѣнія минувшей ночи.

— „Когда мы вбѣжали въ деревню, всѣ роты перемѣшались, и давай ихъ выколачивать изъ всѣхъ угловъ штыками... Смотрю, ротный, капитанъ Фро-

ловъ, со мной рядомъ орудуешь... «Гарновскій!»— кричить,—я къ нему. «Жарь, жарь»,—говорить,— «молодецъ ты у меня!»...—Только вдругъ, чувствую, что нога у меня подкосилась и ружье изъ рукъ упало... Я проползъ нѣсколько шаговъ и сѣлъ на камнѣ у колодца... Наши—«Ура» и уже среди деревни орудуютъ... Мѣсяцъ вышелъ и свѣтло такъ стало... Слышу, позади меня хрипитъ кто-то и бормочеть—оглянулся, а это японецъ раненый, ползеть, да наровить меня своимъ тесакомъ царапнуть вдоль спины. Силы-то у него большой не было, но я вскочилъ и выбилъ у него этотъ самый тесакъ изъ рукъ... Разсердился, думаю, ужъ разъ раненый, такъ лежи, а если не хочешь лежать, такъ умирай... Схватилъ его въ охапку да какъ—ухну въ колодець, такъ онъ только загремѣлъ у меня, сердешный!.. А сейчасъ, какъ понесли меня, ротный увидѣлъ и говорить: «нечего, Гарновскій, поправляйся, перваго тебя къ Георгію представлю»... И его болѣзненное лицо озарилось радостною улыбкою.

— „Здравствуйте, друзья!“ — кричалъ той же роты ряд. Красевичъ, нашъ всеобщій другъ; пѣвчій, великолѣпный теноръ, все свободное время проводившій съ нами, именно изъ за любви къ пѣнію.

— „Потрепали немножко мы ихъ сегодня, а для меня это удовольствіе неvollнѣ удачно прошло.. Ну, ничего, споемъ еще не разъ, друзья, до свиданія!“ — кричалъ онъ намъ уже издали, покачиваясь на носилкахъ.

— „Меметь, Меметь! Куда ты? Куда?“ — кричали мы, увидѣвъ адъютантскаго денщика, собравшагося, повидимому, нести на позицію, судки наполненные горячей пищей изъ общаго котла.

— „Обѣдъ набралъ давеча, хочу свой баринъ носить, онъ чай ѣсть хочетъ“, — спокойно объяснилъ намъ Меметь Джемелетдинъ, пристально поглядывая въ горы.

— „Да развѣ можно такъ безъ ружья туда!.. Вѣдь ты не на стрѣльбище идешь, чудакъ ты

эдакій“,—старались мы втолковать ему опасность идти съ пустыми руками къ полку.

— „Не боюся, не убьетъ, небось... А если захочетъ, то я ему морду обшпарю супомъ!“—улыбаясь, говорилъ онъ намъ, направляясь кормить своего барина.

Въ эту ночь по всему фронту шло со стороны непріятеля усиленное наступленіе и мы думали, что вездѣ такъ легко и умѣло отбросятъ его, какъ это удалось нашему полку. Но, разсѣивая радостныя надежды, какъ громомъ насъ поразило извѣстіе, которое взмыленный вѣстовой привезъ командиру обоза... Было приказано немедленно отступить на сѣверъ и, часовъ около пяти вечера, мы уже покинувъ деревню Эр-дао-гоу, двигались по направленію къ дер. Янтай.

У. Отступленіе... Снова вмѣстѣ. Общее мнѣніе однополчанъ.

Со вчерашняго дня безъ остановки, безъ сна, и безъ отдыха двигаемся по большой Мандаринской дорогѣ, по направленію къ Мукдену. У всѣхъ нижнихъ чиновъ отступающихъ частей и обозовъ одни только вопросы:

— Почему отступаемъ?.. Зачѣмъ отступаемъ?.. Кто виноватъ, что пришлось покинуть такъ неожиданно, укрѣпленные и неприступныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позиціи?..

И на всѣ эти печальные вопросы слышится неясный отвѣтъ, что отрядъ генерала Орлова, въ самомъ важномъ пунктѣ, въ сторонѣ Янтайскихъ копей, лишившись своего начальника, который былъ раненъ, не удержалъ за собой позицій...

Части этого отряда, недавно прибывшія изъ Россіи, не такъ были опытны въ боевомъ дѣлѣ, и

испортили бы окончательно все дѣло, если-бы, къ счастью, къ нимъ во время не подоспѣлъ корпусъ ген. Штакельберга; но отступать — все-таки было необходимо уже.

Горько становится при мысли, что мы отступаемъ... Какъ это не вяжется съ желаніями всѣхъ вообще, огорченныхъ людей, устало шагавшихъ и никакъ въ душѣ не желающихъ примириться съ этимъ обстоятельствомъ.

Лица угрюмыя, недовольныя... Тяжело...

Такъ и хочется крикнуть на всю эту торопливо отступающую массу:

— Стой, братцы!!.. Вернемся!!.. Побѣдимъ—или умремъ!..

Но, наряду съ этимъ желаніемъ, сознаніе говорить, что трудно исправить всякое дѣло, такъ скоро, какъ можно испортить, да къ тому-же намъ невозможно знать точно положеніе дѣлъ всего фронта. На это есть стратегическій взглядъ Главнокомандующаго. Наше же дѣло — беззавѣтно исполнять, не разсуждая,—каждое данное приказаніе...

Въ два часа дня, передохнувъ и покормивъ лошадей чумизной соломой, снопами сложенной на поляхъ, мы снова примкнули къ общей движущейся массѣ обозовъ.

Жара нестерпимая, и жажда затмѣваетъ всякую работу мысли. Молчаливые и угрюмые всѣ шагаютъ впередъ, и за всѣ эти дни успѣли поѣсть только одинъ разъ; но голодь, не такъ одолѣваетъ насъ, какъ жажда. Кажется, что способенъ выпить очень много воды, цѣлый колодезь, а вода очень рѣдко попадаетъ на пути. Ни одной рѣчки не пришлось встрѣтить сегодня. Къ любому колодцу стоитъ лишь подойти только, какъ убѣждаешься, что вода совершенно до-суха вычерпана впереди идущими, но передъ нимъ все же толчется еще цѣлая толпа жаждающихъ. Связывая концы палаточныхъ веревокъ, они напрасно отпускаютъ на еле мокрое дно свои манерки и котелки... Стоитъ подойти къ какой-либо небольшой лужѣ, какъ она

сразу изсякнетъ, оставляя послѣ себя только мокрое, истоптанное дно...

23-го Августа двигались очень медленно, такъ какъ обозы, идущіе въ пять и болѣе вереницъ, страшно задерживались у маленькихъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ глубокіе рвы и канавы, по которымъ пропускаются только по одной повозкѣ.

Мы узнали, что нашъ полкъ былъ причисленъ къ отряду ген. Рененкампа и занималъ часть боевого участка на самомъ лѣвомъ флангѣ. Предполагая, что непріятель можетъ обойти насъ въ ночь на 21-е, — лѣвѣе былъ расположенъ Чембарскій полкъ, который точно такъ же участвовалъ въ ночномъ бою. Въ тотъ моментъ, какъ приказано было оставить всѣ Ляоянскія позиціи, нашъ полкъ двигался къ Мукдену близъ линіи жел. дороги.

— „Почему мы отступаемъ?.. Вѣдь какъ ловко отбросили-то ихъ, вотъ бы такъ по всему фронту сразу?“ — говорили наши Выборгцы, и никакъ не могли согласиться съ неудовлетворяющими ихъ отвѣтами.

Я думаю, что если бы весь нашъ корпусъ успѣлъ прибыть въ Ляоянь и со свѣжими силами присоединился къ усталымъ войскамъ, то возможно, что и отступление миновало бы всю армію. Но, что дѣлать... Знать, такъ уже угодно Богу... Только одному Выборгскому полку изъ всего корпуса суждено было занести въ свою исторію нѣсколько новыхъ страницъ о славномъ бою при дер. Сиквантунъ, въ которомъ три вражескія пули прострѣлили его „полковую святыню“.

Вечеромъ, передъ небольшою деревней, свернули съ дороги въ гаолянъ и расположились для ночлега; мы готовы были уже дать себѣ отдыхъ, какъ влѣво на очень близкомъ разстояніи, раздалась сильная ружейная стрѣльба. Командиръ обоза, тихо пробѣгая, приказывалъ снова выстраивать обозъ. Нѣсколько минутъ спустя мы уже двигались въ совершенной темнотѣ. Лошади, тяжело дыша и выбиваясь изъ силъ, то и дѣло останавливались, будучи

не въ состояніи сдвинуть повозокъ, колеса которыхъ попадали въ глубокія колеи высохшей грязи, въ канавы и ямы.

За всю ночь мы едва-ли подвинулись верстъ на пять, а передъ самымъ разсвѣтомъ обозъ окончательно остановился посреди дороги.

Пошелъ дождь, дѣлая еще болѣе ужасной и безъ того невозможную дорогу. На наше счастье онъ насъ перемочилъ не особенно сильно, но зато стороной пронесся страшнымъ ливнемъ.

Въ изнеможеніи мы усѣлись у дороги и молча отдыхали, боясь уснуть и отстать отъ своихъ.

— „Господа, вы ничего не знаете?.. Сейчасъ три японца на меня напали... Вотъ, выползли оттуда и прямо къ повозкѣ съ денежнымъ ящикомъ... Часового зарѣзали и десять тысячъ денегъ взяли. Но я ихъ—уложилъ на мѣстѣ!.. Пойдемъ, посмотри, да укажи-ка, гдѣ командиръ полка, я ему все это доложу“, — таща меня за рукавъ, говорилъ одинъ изъ запасныхъ пятнадцатой роты... Съ удивленіемъ поглядѣвъ я ему въ лицо и понялъ, по его блуждающимъ глазамъ, что онъ сошелъ съ ума.

— „А, ты боишься, трусь!.. Покажи, говорятъ тебѣ, гдѣ командиръ, слышишь?!..“ — приставалъ онъ ко мнѣ.

— Вонъ, командиръ, видишь? Иди скорѣй къ нему!—схитрилъ я, показывая на поручика Лоздовскаго, желая избавиться отъ несчастнаго, очень настойчиво пристававшего ко мнѣ.

Уже свѣтало... Поручикъ, осматривая обозъ, готовъ былъ, какъ казалось, снова двинуть его впередъ. Къ нему подбѣжалъ направленный мною запасный. Жестикулируя и объясняя свои дѣйствія надъ тремя японцами, чѣмъ сказалъ о своемъ состояніи и, продолжая его слушать, поручикъ крикнулъ фельдфебеля Иванова, которому велѣлъ приставить къ больному двухъ челоуѣкъ, изъ охраняющихъ обозъ нижнихъ чиновъ.

Позднѣе мы уже видѣли его прикрученнымъ

къ повозкѣ, такъ какъ онъ дѣлался все буйнѣе; бросался, сился вырвать ружье.

Вдали раздались крики привѣтствія... Съ нами поровнялся главнокомандующій, лично наблюдавшій за отступленіемъ обозовъ. Бодро держась, онъ ѣхалъ въ сопровожденіи одного изъ адъютантовъ и двухъ казаковъ съ распущеннымъ флагомъ Манчжурской арміи. Здороваясь чуть ли не съ каждой группой людей, онъ привѣтливо благодарилъ за службу. Въ срединѣ дня переходили вбродъ широкую рѣку Ша-хе, чему были всѣ очень рады, купаясь въ ея мутной отъ быстрого теченія водѣ, съ мелкимъ неровнымъ дномъ. Когда спустилась ночь, мы остановились въ деревнѣ Байтапу, въ 25 верстахъ отъ Мукдена. Посреди нея стояла высокая старинная башня. Многіе обозы, стараясь отдыхать днемъ, передвигаются ночью, когда нѣтъ большого скопленія на дорогахъ и при переправахъ.

— „Можно распречь лошадей!“—крикнулъ командиръ обоза, и это было первое удовольствіе, разрѣшенное бѣднымъ животнымъ съ тѣхъ поръ, какъ мы прибыли на Востокъ. Отъ усталости, недостаточнаго питанія, напряженія всѣхъ своихъ силъ, многія изъ нихъ падали и издыхали, и по пути пришлось встрѣтить не одинъ десятокъ животныхъ, прекратившихъ расчеты съ жизнью. Трупы ихъ были оттащены въ сторону отъ дороги.

Заморосилъ дождь, мелкій и теплый, но все же, разложивъ костеръ, мы старались вскипятить воды для чая. Но несмотря на голодъ и желаніе напиться чаю, завернувшись въ полотно палатки, я крѣпко уснулъ, пригрѣвшись у костра.

Когда меня разбудили, то на мѣстѣ костра еле дымились потухающіе угли, а я, промоченный до костей сквозь тонкое полотно, тряся, какъ въ лихорадкѣ. Легкій ночной вѣтерокъ пронизывалъ насквозь, зубы стучали, и я очень сожалѣлъ, что не смогъ переломить себя и уснулъ подъ дождемъ, на мокрой землѣ.

Тронулись и, съ перваго же шага, увязли до

самых осей... Хотя лошади и отдохнули за время стоянки, но все же съ большим трудом волокли повозки, то и дѣло останавливаясь. Приходилось, хватаясь за оглобли, помогать имъ, что я сегодня съ особеннымъ удовольствіемъ дѣлалъ, желая поскорѣе согрѣться.

Темная беззвѣздная ночь, а въ небѣ то и дѣло въ отдаленіи вспыхиваютъ блѣдныя зарницы, на мгновеніе освѣщая копошащихся людей и животныхъ надъ увязшими въ непролазной грязи повозками... Все окружающее кажется какимъ-то тяжелымъ и угнетающимъ сномъ...

— „Э-э-хъ, ты-ы но-оченька-а-а, ночь осенья-я-а“, — раздалась гдѣ-то, не то впереди, не то въ сторонѣ, — красивая русская пѣсня; богатая не столько словами, сколько своей чудной, родной мелодіей.

Высокій умѣлый теноръ, мастерски выводилъ, трогая за душу и невольно заставляя забыть хотя на мгновеніе. Когда этотъ звучный и трогательный мотивъ замеръ въ отдаленіи, я подумалъ, какъ могучъ духомъ нашъ русскій народъ. Несмотря на усталость, голодъ и всевозможныя лишенія, при этой ужасной обстановкѣ у него еще есть настолько силы, чтобы такъ пѣть...

Когда снова наступилъ день, и яркое солнце опять жгло нестерпимо, мы, оглянувшись, увидѣли съ пригорка высокую башню дер. Бай-та-пу и могли заключить, что со вчерашняго вечера проѣхали не болѣе 4—5 верстъ.

— „Земляки!.. Вотъ за этимъ гаолянѣмъ картошка растетъ!“ — крикнулъ намъ одинъ изъ проходившихъ, и мы бѣгомъ бросились по указанному направленію. На изрытой совершенно полосѣ виднѣлось много роющихъ руками, штыками и чѣмъ попало, наполняя карманы, фуражки и котелки мелкимъ китайскимъ картофелемъ.

Трудно предположить, чтобы въ тотъ моментъ пришла кому нибудь мысль о чужой собственности.

Каждый, чувствуя доходящий до тошноты голодъ, несомнѣнно, думалъ только какъ бы заглушить его.

Двигаться впередъ было совершенно невозможно. Море обозовъ занимало все впереди.

— „Ложись, братцы, да спи... Мы со вчерашняго вечера стоимъ такъ... Вполнѣ успѣете выспаться“.

Такъ говорили намъ ожидающіе очереди, и я, бросивъ на землю шинель, успѣлъ на самомъ дѣлѣ выспаться до тѣхъ поръ, пока до насъ дошла очередь подвигаться впередъ.

По длинному и узкому деревянному мосту, 25-го августа, мы переправились черезъ рѣку Хун-хе и остановились у небольшой деревни, за которой долженъ быть гор. Мукденъ.

Жаркій день...

Отдыхая подъ большими, зелеными деревьями китайскаго кладбища, мы были заняты единственной мыслью, достать чего-нибудь съѣстнаго. Недалекъ отъ насъ былъ расположенъ 87-й полевой подвижной госпиталь, куда мы направились съ этой цѣлью.

— „Ничего, какъ есть, ничего нѣтъ!.. Все отправили за Мукденъ, куда и сами сегодня передвинемся... У меня есть двѣ банки консервовъ, я могу дать вамъ, Богъ съ вами!..“—говорилъ одинъ изъ санитаровъ, подавая банки. Взявъ ихъ, мы отправились на прежнее мѣсто.

Всю ночь провели, не двигаясь впередъ, ожидая часть обоза, отставшую вотъ уже четвертый день, и эта ночь была прекраснымъ отдыхомъ для всѣхъ насъ. Въ тихомъ и тепломъ воздухѣ почти не было слышно передвиженія, криковъ, понуканій, а выстрѣловъ вотъ уже который день совершенно не слышно. Я долго лежалъ, вглядываясь въ усыпанное звѣздами небо, раздумывая о родинѣ, о близкихъ, о нашемъ будущемъ. Темные силуэты распряженныхъ лошадей, стоящихъ близь меня,

казались совершенно не живыми существами, такъ же, какъ фигура часового, посматривающаго въ темноту...

Но лишь только наступилъ блѣдный утренній разсвѣтъ, какъ эта тишина постепенно стала нарушаться просыпающимися и задолго до того, пока небо озарилось яркимъ солнцемъ, кругомъ снова все уже двигалось, суетилось и торопилось.

Мы приблизились къ Мукдену, скрытому отъ насъ высокой городской стѣной, около которой стояло множество различныхъ частей, обозовъ, транспортовъ и подвижныхъ госпиталей, расположенныхъ бивуаками. Уклоняясь вправо, обозъ сталъ огибать городъ, но я и Борцовъ, попросились пройти черезъ городъ съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть его, а затѣмъ, пройти прямо къ станціи, гдѣ долженъ быть нашъ полкъ.

Узкія длинныя улицы, съ множествомъ магазиновъ и лавокъ, были совершенно запружены народомъ. Крики торговцевъ на гортанномъ, непонятномъ для насъ языкѣ, останавливали на себѣ наше вниманіе. Заглядывая въ раскрытыя настежь двери, мы разсматривали съ интересомъ какъ самихъ продавцевъ, такъ и все, ими предлагаемое. Различнаго вида лавки, съ висящими въ воздухѣ рѣзными вывѣсками, качающимися на высокихъ столбахъ, осаждались небывалымъ наплывомъ покупателей. Офицеры, врачи, сестры милосердія, солдаты, желѣзнодорожные служащіе, перемѣшанные съ различнаго вида китайцами, представляли изъ себя необычайно оживленную толпу, покупающую все, что только нужно, не стѣсняясь ни сортомъ, ни качествомъ, по баснословно заломленной цѣнѣ.

Съ большимъ трудомъ мы наконецъ добрались до вокзала, а затѣмъ, перейдя желѣзнодорожную линію, побѣжали бѣгомъ, увидя свой родной полкъ, расположенный бивуакомъ. Радостныя встрѣчи, привѣтствія, разспросы... Позабыто все перенесенное, трудное...

Долго вечеромъ сидѣли мы въ большой канце-

лярской палаткѣ, отдохнувшіе, сытые, передавая другъ другу пережитое до самыхъ мельчайшихъ подробностей.

Полковой адъютантъ заглянулъ въ палатку.

— „Радуюсь, что вы всѣ чувствуете себя молодцами!“—говорилъ онъ, и его доброе лицо свѣтилось привѣтливой улыбкой.

За бой подъ Ляояномъ выбыло изъ строя около ста пятидесяти человѣкъ, изъ которыхъ нижнихъ чиновъ убитыми 18 и три офицера: поручики Румянцевъ, Хрушовъ, и прапорщикъ Цвиневъ.

Ночью была страшная гроза, а сильный дождь, съ порывами вѣтра, то и дѣло срывалъ полотнище палатки, обдавая насъ пронизывающимъ рѣзкимъ холодомъ. Вскакивая отъ воды, подтекающей подъ бока, мы много разъ укрѣпляли палатку и снова спать не ложились уже на мокрую землю.

Рано утромъ новаго жаркаго дня, просушивая все намокшее отъ дождя, принялись за дѣло.

Лежа на землѣ, писали различныя приказанія и приказы за всѣ прошедшія числа и быстро печатали на шапирографѣ. Составлялись наградные списки отличившихся и писались сообщенія объ убитыхъ герояхъ. Во всей нашей дивизіи, расположенной здѣсь, шли занятія. Въ срединѣ дня пріѣзжалъ главнокомандующій арміей и, осматривая стоявшіе на занятіяхъ батальоны, здоровался и благодарилъ за славную боевую службу. Какъ одинъ человѣкъ, въ разъ, отвѣчали на его привѣтствія роты; словно хотѣли сказать своимъ молодецкимъ крикомъ, что это еще не все, и что стройные Выборгскіе ряды способны на болѣе блестящія побѣды, которыми докажутъ свою искреннюю любовь къ Царю и дорогой родинѣ.

Послѣ вкуснаго обѣда, приготовленнаго въ походныхъ кухняхъ, всюду шли оживленные разговоры объ убитыхъ и рененыхъ товарищахъ, но больше всего сожалѣли, что всему нашему корпусу не пришлось успѣть къ Ляоянскому бою.

— „Это, братъ, не Орловцы!.. Пospѣй нашъ корпусъ, да попадись, къ примѣру, 22-я дивизія въ томъ мѣстѣ... Ей-Богу, не въ жисть бы не сломать ему фронта, ужъ не дрогнули бы!“—говорили по бивуаку, съ полной увѣренностью въ силу и стойкость частей своего собственного корпуса.

Бивуакъ близъ ст. Мукденъ.
27 августа 1904 г.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе I—V

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Отъ Новгорода—до Ляояна“.

I. Наканунѣ выступленія	11
II. Выступленіе изъ Новгорода	14
III. Проводы въ Чудовѣ	27
IV. Дневка въ Сызрани	34
V. Черезъ „Матушку Волгу“	40
VI. Уфимскій татарченкокъ и Уралъ	49
VII. Въ Челябинскѣ	53
VIII. Сибирякъ Шурка	55
IX. По Сибири	59
X. Черезъ Байкаль	68
XI. По Забайкалью и по Маньчжуріи	73
XII. Въ Харбинѣ	77
XIII. Близость войны	81

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

„Выборгекій полкъ подъ Ляояномъ“.

I. Первая впечатлѣнія. Сибирскій стрѣлокъ. Труженики войны на станціи	88
II. Блужданіе. Первая Маньчжурская гроза. У костра	99
III. Утреннія встрѣчи. Среди своихъ. Просьбы товарищей	107
IV. Германскій Аташе. Ночной бой при деревнѣ Си-кван- тунъ. Разказы товарищей	112
V. Отступленіе. Снова вмѣстѣ. Общее мнѣніе однополчанъ	118

Пр
I. На
II. Въ
III. Пр
IV. Др
V. Че
VI. Уф
VII. Вн
VIII. Си
IX. По
X. Че
XI. По
XII. Въ
XIII. Бл

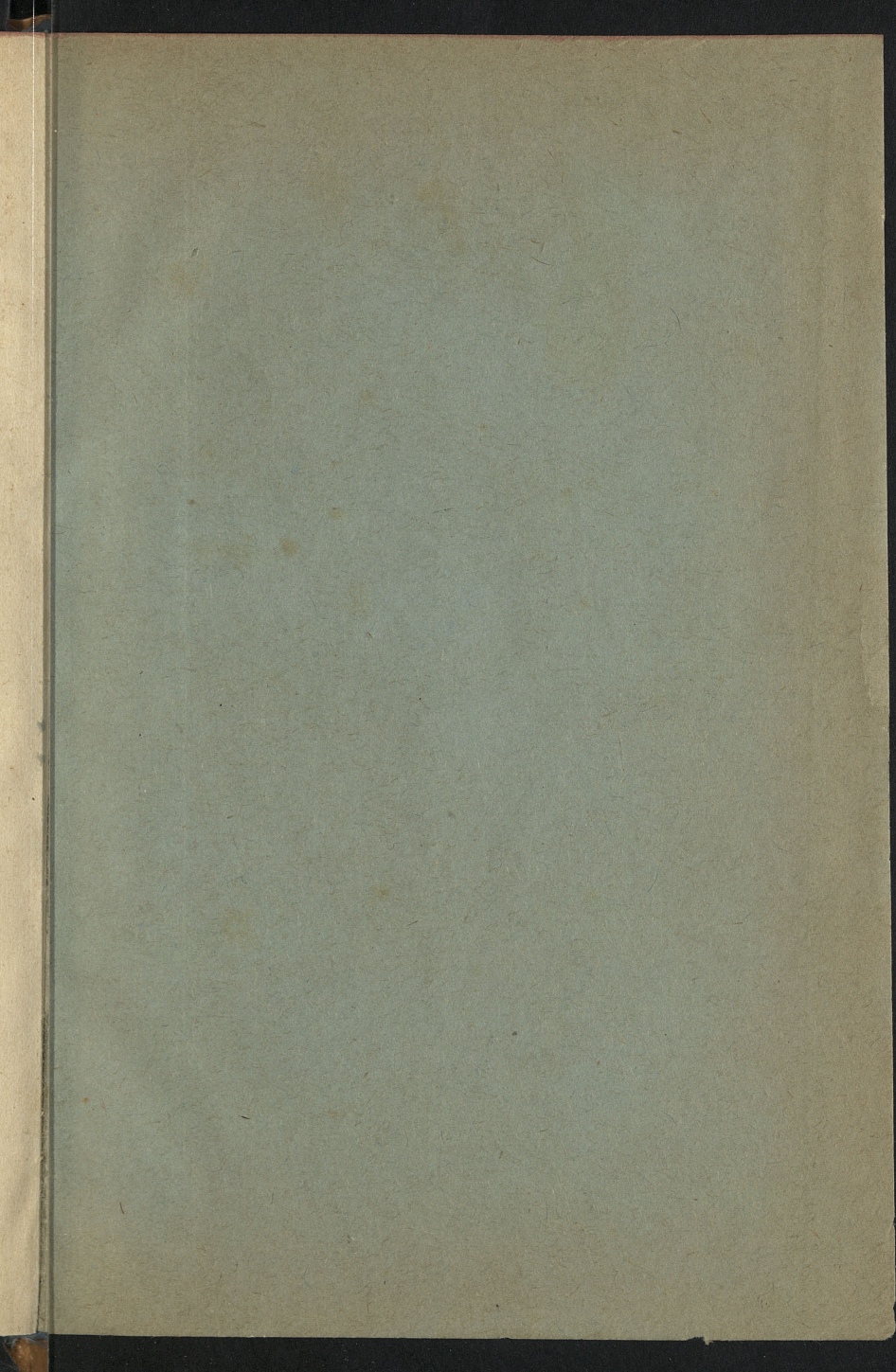
I. Пе
II. Бл
III. Утр
IV. Гер
V. От

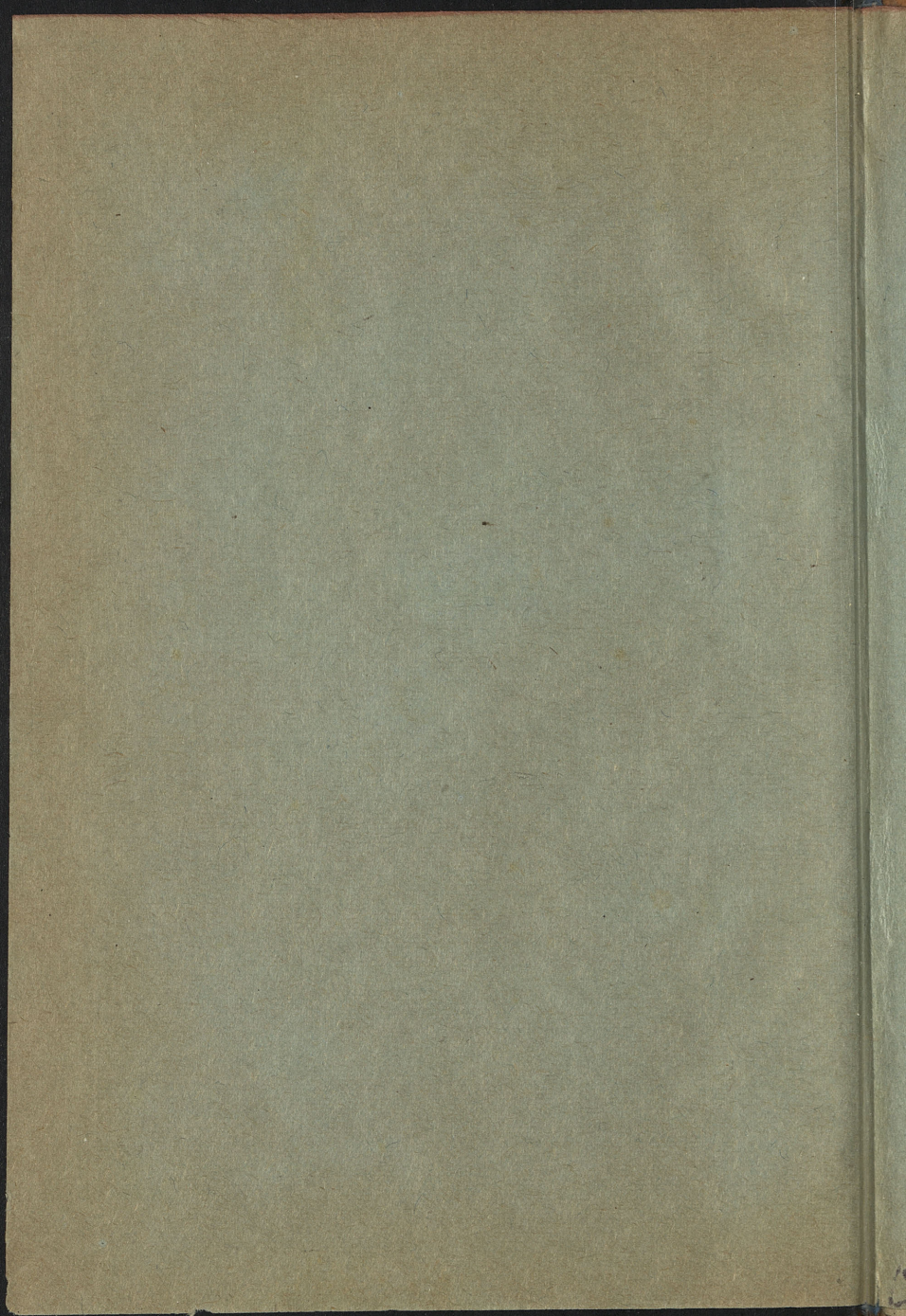
СТРАН.
I—V

11
14
27
34
40
49
53
55
59
68
73
77
81

омъ“.

руженики	88
остра	99
оварищей	107
Си-кван-	
112	
пополчанъ	118

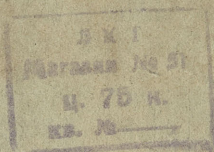

11/65

2022537150

Цѣна 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У АВТОРА:

С.-Петербургъ, 7-я Рождественская д. № 27,
кв. № 17.

Въ С.-Петербургѣ розничная продажа въ книжныхъ
магазинахъ: Главнаго Штаба, Березовскаго, Перваго Воен-
но-издательскаго Т-ва, „Новое Время“ и Т-ва М. О. Вольфъ